
Д. АНГЕЛОВ
КОГДА
ЧЕЛОВЕКА
НЕ БЫЛО

Советская
Россия

ДИМИТР АНГЕЛОВ

КОГДА ЧЕЛОВЕКА НЕ БЫЛО

Издательство
«Советская Россия»
Москва — 1959

Оформление
и цветные иллюстрации
•
И. СТАРОСЕЛЬСКОГО
•
Иллюстрации в тексте
А. ОРЛОВА
•

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Дорогой русский читатель!

До 9 сентября 1944 года[1] в болгарских школах преподавалась религия. А по религиозной версии бог создал мир за пять дней. Создал он его просто так, из ничего. На шестой день из глины им был сотворен первый человек — Адам, а позже из его ребра — Ева. Так было положено начало человеческому роду.

Разумеется, все это религиозные выдумки. Фашисты и капиталисты сознательно держали народ в невежестве, чтобы он был им послушен и позволял себя эксплуатировать, как только им вздумается.

Но с тех пор как Советская Армия освободила Болгарию от фашистского и капиталистического рабства, в наших шко-

[1] 9 сентября 1944 года — день освобождения Болгарии Советской Армией от фашизма. (Прим. редакции.)

лах и институтах преподается только чистая наука. Понятно, что научные книги, учебники не могут исчерпать всю область знаний о жизни и Вселенной. Поэтому читателю нужны и другие, связанные с теми или иными областями знаний книги — художественные, научно-популярные и т. д., — которые в значительной мере помогают скорее добраться до истины.

С такой целью написана и книга «Когда человека не было» («Смелый чунг»). Она представляет собою художественную иллюстрацию научной теории происхождения человека и роли труда в его развитии.

Великий естествоиспытатель Дарвин и вся наука доказывают, что человек произошел от обезьяны. Конечно, не от современной обезьяны, а от человекообразной.

Прежних человекообразных обезьян, от которых произошел современный человек, я условно назвал «чунгами». Я попытался раскрыть, как под влиянием определенных внешних условий происходило очеловечивание: сознательное овладение деревом и камнем в качестве орудий защиты и труда, приобретение навыка вертикального передвижения. В дальнейшем в книге рассказывается, как человек сделал первый каменный топор, первый домашний сосуд, соорудил первое жилище, — вообще раскрывается весь долгий и неимоверно трудный процесс очеловечивания.

Различным животным мною даны вымышленные названия, ибо если бы я стал нарицать их по-современному, то, пожалуй, читателю было бы труднее мысленно перенестись в ту отдаленную эпоху, которая изображается в книге. Кроме того, чунги ведь пока еще не стали людьми, еще не умеют говорить, следовательно, на той стадии они еще не подошли вплотную к конкретному наименованию предметов.

Некоторые из этих имен звукоподражательные, другие — совершенно произвольные. Но и в том и в другом случаях я пытался подсказать, о каких именно животных идет речь. Например: «грау» — прототип сегодняшнего тигра, «тси-тси» — это змея, «хо-хо» — слон, «кри-ри» — птица, «мут» — носорог, «крок» — крокодил, «ла-и» — волки или собаки, «мо-ка» — медведь и т. д.

Разумеется, никто не может сказать, точно ли так протекал процесс очеловечивания, как это рисую я в эпизодах, изображающих схватки чунгов с крупными хищниками, овладение пещерами, бесконечные скитания. Однако предлагаемая мною книга, несмотря на то, что по форме она художественное произведение, явилась результатом серьезных исследований.

Именно поэтому в ней строго выдержана научная тенденция.

Период очеловечивания, который продолжался, как известно, сотни тысяч лет, я сократил и показал его на нескольких поколениях чунгов. Поступить иначе — дать описание жизни тысяч и тысяч чунгов, поколения за поколением, — казалось нецелесообразным.

Дорогой русский читатель! Я буду очень рад, если книга тебе покажется увлекательной и полезной, если она поможет формированию твоего здорового, научного мировоззрения. Прими же это как тысячную частицу моей признательности за то множество благородных, добрых дел, которые русский народ совершил и продолжает совершать для моего народа.

Димитр Ангелов

София, февраль, 1958 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель может удивиться тому, что некоторые животные носят здесь совершенно незнакомые имена. Но в ту далекую эпоху человека еще не было и некому было давать всем этим животным их названия. Поэтому названия животных здесь произведены от рева, шипения или других звуков, характерных для того или другого зверя.

Так, имя **грау**, прародителя нынешних львов и тигров, основано на рычании этого хищника. Имя **тси-тси**, предка удавов, питонов и других змей, происходит от своеобразного шипения, издаваемого этим пресмыкающимся. То же можно сказать и о **ла-и**, прототипе нынешних собак и шакалов, и о многих других животных Некоторым животным даны названия, близкие к современным, чтобы можно было догадаться, о ком идет речь.

Может удивить также и то, что процесс отделения чунгов от животного мира дан в течение немногих поколений. В действительности этот переход от животного к человеку продолжался сотни тысяч лет, но отобразить столь длительный эволюционный процесс в художественной литературе невозможно. Да в этом и нет необходимости, так как все эти тысячи поколений, вероятно, находились под воздействием одних и тех же природных условий.

Первая часть повести заканчивается тем моментом, когда чунги сознательно прибегли к дереву и камню как к средствам обороны и к сознательно объединенным действиям в борьбе за существование. Картина же действительного очеловечивания — того, как чунги создавали свои первые орудия, как овладели огнем, как дошли до создания общества и в конце концов сделали свой первый шаг в область истории, — все это является темой второй части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЫЖИИ ГРАУ

Грау открыл глаза, вытянул свои широкие лапы и громко зевнул. В полумраке логовища блеснули зубы свирепого хищника. Острые кривые когти вонзились в мягкую, влажную, дымящуюся землю, и зевок перешел в самодовольное, громкое мурлыканье.

Грау мог бы лежать еще долго, если бы не голод, от которого он проснулся. Он задвигал чуткими ушами взад и вперед, медленно поднял огромную голову, и в его желтых глазах зловещими бликами отразились просветы в темноте логовища. Потом, словно устыдясь своей непривычной лености, зверь мгновенно вскочил и как тень проскользнул между густо сплетенными ветвями, закрывавшими вход в его логовище.

Деревья простирали кверху свои могучие ветви, переплетали их и образовывали темный свод, сквозь который не проникали лучи солнца, не проглядывала синева небес. Огромные толстые стволы растрескались, и рыжевато-черный мох, вырастая на них большими пятнами, питался их густыми соками. От корней поднимался влажный пар.

Темный нескончаемый лес. Лес вечной полутьмы. Лес грау.

Хищник положил передние лапы на исполинский ствол, неизвестно когда и как упавший перед его логовищем, выпустил кривые когти и начал точить их, по своему старому обычаю. Сильное тело напряглось и вытянулось. Потом он слегка отодвинулся, вдруг подобрался и прыгнул. Огромное тело взвилось над землей, как легкий мячик, мелькнуло высоко над поваленным стволом и бесшумно упало по другую его

сторону. При этом не прошелестел ни один сухой листок, не хрустнула ни одна сухая веточка. А потом зверь легкими прыжками скрылся в глубине бесконечного леса.

Среди неисчислимых, беспорядочно рассеянных стволов появилось бурое животное ростом с самого грау. Оно заметило бесшумно движущуюся к нему рыжую тень, пристально вгляделось и окаменело от ужаса. Еще миг — и оно кинулось было прочь с коротким, отчаянным ревом, но грау молнией прорезал воздух, вцепился в беглеца когтями и вонзил зубы ему в горло, зловеще рыча. Животное рухнуло наземь, и грау растерзал его еще живого.

Наглотавшись теплого, вкусно дымящегося мяса и облизавшись красным языком, грау оставил добычу и легкими, бесшумными скачками продолжал путь. Деревья стали постепенно редеть. В темном своде переплетающихся ветвей там и сям появились просветы. В одну такую широкую прогалину хлынул поток солнечных лучей, в которых рыжевато-золотистая спина грау вспыхнула. Огромный хищник от неожиданности остановился и зажмурился. Он весь пламенел рыжеватым блеском — от конца длинного хвоста до кончиков подвижных ушей. Он весь сиял красотой и силой.

Грау был прекрасен. Грау был могуч. Грау был жесток и неумолим, когда бывал голоден. Так могуч и свиреп был этот гордый, своевольный владыка обширного леса, что даже добродушные хо-хо, из которых каждый был в несколько раз больше грау и мог бы раздавить его ногой, и те избегали встречаться с ним.

Вдруг в ветвях деревьев, высоко над грау, раздались резкие крики, разлетавшиеся во все стороны: «Чи-чи-чи!» Они повторялись снова и снова, и вот уже весь лес звучал этим тонким, пронзительным визгом: «Чи-чи-чи-чи!»

Грау поднял голову, оскалился, и глухой, яростный, угрожающий рев напряг жилы на его шее. В желтых глазах разгорались зловещие отблески. Высоко у него над головой, в переплетающихся ветвях, гроздьями висели длиннохвостые буяны чин-ги, подскакивали, прыгали, вертелись и резко, отрывисто визжали. Маленькие глазки их блестели и кололи грау искрами дикой ненависти. Грау вошел в их лес, и они встречали его пронзительным визгом, предупреждавшим всякое животное о появлении рыжего хищника.

При первых же взвизгиваниях чин-ги лесная чаща странно ожила. Замелькали тени, послышался рев, фырканье, писк. Затрещали сухие ветки, зашелестели густо сплетенные сучья и сочные травяные стебли, и тысячи ног понеслись в бешеном беге во все стороны. Весь огромный лес обезумел от ужаса: грау идет!

Длиннотелое, тонконогое животное, выскочив неожиданно, налетело в своем быстром беге прямо на грау. Подумав, что на него напали, хищник сбил его с ног всей тяжестью своего тела и вмиг перегрыз ему глотку, прежде чем оно успело вскрикнуть.

Грузный мут, задрав голову и выставив вперед свой страшный рог, выскочил прямо перед грау и вдруг остановился так резко, что твердые копыта его врылись в землю. Потом, выпучив глаза в безумном страхе, он глухо, отрывисто рявкнул и, не понимая, что делает, приподнялся на задних ногах и кинулся на грау. Легким прыжком хищник избежал страшного рога, а потом, не успел мут обернуться, молниеносно быстро вскочил ему на спину и вонзил когти в шею. Огромное тело мута закачалось и грохнулось. Грау отскочил от него.

А наверху маленькие хвостатые чин-ги непрестанно визжали: «Чи-чи-чи-чи-чи!» Некоторые, зацепившись за ветки только хвостом, висели головой вниз и быстро, нервно размахивали передними лапами. Другие спустились на нижние ветви и кричали совсем близко от грау. Но он не мог лазать по деревьям, как они, а потому мог только рычать и смотреть на них глазами, полными злобы и ненависти. И, яростно рыча, он снова пустился легкими скачками между деревьями, провожаемый резкими, пронзительными криками хвостатых чин-ги. Но вдруг, совсем неожиданно, над головой у него раздалось пронзительное шипение, и не успел он отскочить в сторону, как что-то длинное, толстое, огромное зашевелилось вверху, отделилось от ветвей дерева и упало прямо на него, обвив его кольцом. Потом обвилось еще одно кольцо, потом еще одно и еще. И душитель тси-тси напал так неожиданно и быстро, что грау, несмотря на всю свою ловкость, не успел избежать его чешуйчатых колец.

В желтых глазах грау вспыхнула дикая ярость. Обернувшись, он хотел схватить тси-тси зубами за шею, но тот раскачивал свою широкую плоскую голову далеко от его пасти, отвратительно шипя и свистя. Грау напряг мускулы, набрал в грудь воздуха и грозно зарычал. И под нескончаемый визг маленьких чин-ги, под бешеный топот перепуганных животных началась ужасающая, жестокая битва. Битва, сопровождаемая рычанием и шипением.

Тела тси-тси и грау сплелись в один громадный клубок, и этот клубок катался между деревьями, давя низкорослые кусты и сочные травы, копошился, уменьшался и разрастался, рычал и шипел.

Через некоторое время судорожные движения и броски этого клубка начали слабеть, становились все реже и реже и наконец совсем утихли. Только многометровый хвост тси-тси продолжал биться по земле во все стороны. Рев грау затих, слышалось только отвратительное шипение душителя. Плоская голова тси-тси приблизилась к голове

грау, и стеклянные глаза расширились, словио проверяя, окончательио ли задушен всесильиый хищник.

Но в этот момент голова полузадушениого грау метиулась, и зубы молииеиосно впились в шею душителя. Тси-тси яростио зашипел, и клубок тел снова начал расти и метаться во все стороны. Кольца стали одио за другим отпадать от тела грау, пока не распались совсем, и чешуйчатое гибкое тело тси-тси вытянулось на земле, слегка извиваясь.

Медлеиными, усталыми движеииями, тяжело дыша, грау подиялся на лапы и поглядел на поверженного врага. Плоская голова тси-тси запрокинулась назад. Беловатая шея была усеяиа ярко-красными пятнами — следами острых зубов грау. Вытаращеиные глаза глядели стеклянно и неподвижно.

Грау продолжал свой путь, но уже не скачками, а легкими, неспешиыми шагами. Он продолжал дышать тяжело и трудно, словно все еще чувствуя вокруг тела чешуйчатые кольца тси-тси. Его сжигала жажда, и, не обращая внимаиия на вскакивающих и в ужасе убегающих животных, он все ускорял шаги. По пути он лишь загрыз одного кроткого дже и раздавил одного ланча, случайно попавшегося ему под лапу.

Вдруг ои остаиовился, припал брюхом к земле. Зубы у него снова блеснули, из груди снова вырвался глухой рев. В нескольких прыжках от него стояли два чунга, выпрямив свои огромные косматые туловища,

впившись в него маленькими блестящими глазами и ловя каждое его движение. Задними лапами они стояли на земле, а передними схватились за низко свесившиеся ветви и застыли неподвижно, как каменные.

Грау позабыл и о душителе тси-тси, и о его чешуйчатых кольцах, и о своей жажде. Ни к какому животному в этом тысячелетнем лесу он не испытывал такой бешеной ненависти, как к этим странным существам, которые могут ходить, выпрямившись, по земле и карабкаться по деревьям с такою же ловкостью, что и хвостатые чин-ги, их родичи, и могут размахивать передними лапами во все стороны и хватать ими все, что захотят. Даже когда грау бывал сыт, присутствие чунга пробуждало в нем бешеную ярость, и он успокаивался только тогда, когда перегрызал ему горло.

Он совсем припал брюхом к земле, вперил желтые глаза в ненавистные существа, судорожно ударяя по земле пушистым хвостом. Сдавленный, яростный рев его словно говорил: «Грррр! Я грау, непобедимый владыка обширного тысячелетнего леса... Я могу загрызть самое крупное животное... Я только что загрыз душителя тси-тси... При моем появлении убегают все звери, даже глупый хо-хо, который во много раз сильнее меня... Никто до сих пор не осмеливался загородить мне путь... Грррр!»

Но два странных существа, неподвижно прильнув к растрескавшемуся и высохшему от старости стволу, продолжали стоять, выпрямив черные туловища и устремив взгляды на грау. Тогда, взбешенный их упрямством, грау метнулся к ним невероятно сильным и быст-

рым прыжком. В тот же миг оба чунга подскочили и взобрались на дерево так легко и быстро, словно подхваченные ветром. Прыжок грау прорезал только воздух, растопыренные лапы остались пустыми. Яростный, чудовищно громкий рев пронзил зеленые своды переплетенных ветвей и закачал высокие вершины деревьев.

Стоя на ветвях над грау, чунг-самец разинул огромную пасть, показывая свои страшные крепкие белые зубы, и сотряс воздух мощным ревом. Пома, самка чунга, выпрямившись рядом с ним, молча следила за свирепым хищником, который все ходил вокруг дерева, поднимая голову и грозно рыча.

Грау мог перегрызть горло самому сильному животному. Грау мог прыгать с молниеносной быстротой, дальше всякого другого зверя. Но грау не мог лазать по деревьям, как крикливые хвостатые маленькие чин-ги, как их крупные, сильные родичи чунги. И потому, много раз обежав вокруг растрескавшегося и высохшего от старости дерева, грау, все еще грозно рыча, исчез среди густо сплетенных веток и кустов. Чунг и пома последовали за ним быстрыми, легкими скачками — с ветки на ветку, с дерева на дерево.

КРОК И ГРАУ

Наконец свод из переплетающихся ветвей раскрылся, и над головой грау появилась широкая полоса голубого неба. Полноводная, широкая река лениво катила свои воды среди буйной прибрежной зелени, отражая голубую высь. Над ее сверкающей зеленоватой поверхностью вились тонкие струйки пара, исчезая в трепещущем от зноя воздухе. На громкий рев грау берега ответили молчанием, и только летучие жу-жу наполняли воздух звоном своих прозрачных крыльев.

Грау подошел к берегу, и следившие за ним чунги увидели, как он склонился к воде и начал жадно лакать ее. Потом они увидели, как недалеко от грау из-под воды появился черный заостренный пень и тотчас же потонул. Еще миг — и совсем близко от головы грау вода заволновалась, и оттуда вынырнули длинные челюсти огромной разинутой пасти, тесно усаженные острыми зубами. Не успел грау отскочить, как эти челюсти крепко схватили его и потащили в воду.

Грау сильно ударил лапой отвратительное чудовище по голове, но его острые когти скользнули по непроницаемому костяному панцирю. И два огромных тела — одно рыжевато-желтое, другое буровато-черное — бешено заметались в воде, то исчезая совсем, то появляясь на поверхности, снова исчезая и снова появляясь. Вода заклокотала, зашу-

мела, брызгами разлетаясь во все стороны. Бешено барахтаясь, оба тела поплыли вниз по реке, увлекаемые течением, а следом за ними на зеленоватой поверхности воды заалели кровавые пятна.

Сильные челюсти крока обхватили грау за голову, и хищник мог защищаться только когтями своих широких лап. Он непрестанно бил ими крока, где и как придется, и уже успел разодрать ему брюхо и вырвать глаза. Но крок, даже разодранный и ослепленный, продолжал сжимать ему голову острозубыми челюстями. Грау ревел и отбивался. Крок молчал и не отпускал его. А чунг и пома следили за ними с интересом и удовольствием, каких не знали никакие другие животные в бесконечном лесу.

Постепенно шум борьбы начал заглушаться каким-то далеким смутным рокотом, пока совсем не утонул в нем. Спокойное течение реки сменилось страшной быстриной: из синевато-зеленой вода сделалась пенисто-белой, искрящейся. Здесь русло пересекали пороги, а со дна вырастали острые скалы.

Быстрое течение подхватило крока и грау, и теперь они были совсем беспомощными в борьбе между собою. Вдруг могучий водоворот подхватил их, подбросил и со страшной силой швырнул на острое ребро скалы над водой. Удар пришелся только на крока — острое ребро глубоко врезалось ему в тело, и челюсти у него раскрылись. Враги, только что связанные смертельной хваткой, были теперь разделены, схвачены быстрыми водоворотами, плыли в разные стороны. Полумертвое тело крока безжизненно погрузилось в пенистую воду, и вскоре отвесный водопад скрыл его в глубокой, вечно кипящей пучине.

Сила и ловкость грау не дали ему погибнуть в этой страшной кипящей пропасти. Чунг и пома видели, как он перепрыгивал с порога на порог, со скалы на скалу, как невероятно мощным прыжком перебросился на спасительный берег, впиваясь в него когтями, как, выйдя, отряхивал свое сильное, красивое тело. Бесчисленные мелкие капли воды окутали его, словно облако. Затем грау исчез среди низко нависших густолиственных ветвей, среди высокой травы и издали только зарычал, утомленно и глухо.

В тысячелетнем лесу все подчинялось силе. Сильные животные пожирали слабых, а их, в свою очередь, пожирали еще более сильные. Так, грау пожирал гри, гри пожирал ланча, ланч пожирал жига. Но жиг перегрызал горло тси-тси, а тси-тси мог задушить грау. И первые становились последними, а последние — первыми.

В тысячелетнем лесу у всякого зверя врагом был другой зверь, и всякий зверь был врагом другому зверю. Кри-ри был врагом ми-ши, миши был врагом добродушного хо-хо, хо-хо был врагом свирепого грау, а грау был врагом чунга и помы. И потому, увидев, как крок утащил

грау в воду, оба чунга искривили свои безобразные тупоносые лица в злорадную гримасу и довольно заурчали: грау будет съеден кроком. Но увидев, что грау вырвался от крока, что он выскочил на берег и исчез в лесу, чунг и пома глухо, сдержанно зарычали от досады. Потом они раскачались и полетели обратно — с ветки на ветку, с дерева на дерево. Спокойно и легко они перебрасывались с места на место, хватаясь за толстые кривые ветки поочередно то передними, то задними лапами.

ЧУНГ И ПОМА

Над сплошным переплетением ветвей поднимались дерзкие вершины, вонзаясь в синеву небес. В звенящем, трепещущем воздухе носились сотни крылатых кри-ри. Белое светило жгло своими огненными лучами неоглядный, куда ни посмотри, лес.

Лес без конца и начала... Быстрый как ветер гу может мчаться в нем сто дней и все же ни в какой стороне не найти выхода. Здесь он рождался, здесь умирал. Грау рождался и умирал в лесу. И чунги рождались и умирали в лесу. Кто в нем рождался, в нем и умирал. Предвечный лес. Лес чунгов.

Когда белое светило опустилось низко над лесом, чунг и пома перестали качаться на широких ветвях раскидистого дерева и начали озираться вверх, вниз и по сторонам. Потом они начали лазать по ветвям во все стороны, ломать густолиственные ветки и расстилать их на толстых переплетающихся сучьях, пока не получился широкий, толстый настил. Затем чунг и пома испытали его прочность — сначала легкими, осторожными похлопываниями, потом всей своей тяжестью. Кроме того, чунг снова полез наверх и исчез

среди широких листьев, и вскоре на лиственное ложе упала ветка с тяжелым плодом. Пома поймала плод быстрым, гибким движением передней лапы. Потом упал еще один плод. Пома поймала и его, а за ними упали еще и еще, и наконец появился сам чунг, держа в передней лапе еще одну ветку с плодами. После этого они легли бок о бок и начали грызть плоды, спокойно и молча помаргивая глазами.

Постепенно цвет леса изменился. Ярко-зеленая листва на верхушках деревьев получила золотисто-красноватый оттенок. Белое светило опустилось совсем низко; оно словно увеличилось и отяжелело, а цвет у него стал кроваво-красным. Потом оно исчезло, и лес наполнился тенью. Исполинские темные вершины деревьев были словно отрезаны: стволы утонули в густом мраке.

Но вот и лес и небо над ним странно ожили. Зловещий гортанный крик прорезал сумерки, тяжелая тень взлетела над лесом, описала бесшумный круг и исчезла куда-то. Вторая тень описала новый черный круг и тоже исчезла. За ними вылетела третья, четвертая... Черные беззвучные тени засновали в воздухе, то появляясь, то исчезая...

Вдруг в неподвижном сумраке пронесся отчаянный писк пойманного кри-ри. Испуганный зловещим гортанным криком, кри-ри вылетел из гнезда и попал в когти к ночному бу-ху, и теперь бу-ху растерзал его прямо в воздухе своими изогнутыми когтями и острым клювом.

Разнесся мощный рев грау. Ему ответил свирепым воем гри. Послышался и оборвался дрожащий голос дже. Там и сям завыли трупоеды хе-ни и ри-ми, и весь огромный лес огласился торжествующим ревом или отчаянными воплями.

Чунг и пома, лежа на подстилке из ветвей, молча и спокойно глядели в темноту: грау не умеет лазать по деревьям, а из тех животных, кто это умеет, ни одно не посмеет напасть на них, ни одного они не испугаются. Над головами у них, в синеве бездонного неба, сверкали крупные огненно-белые и красные звезды.

По своей внешности чунг и пома не были похожи ни на одно из животных, населявших лес. У всех этих животных были хвосты, длинные или короткие, но у чунгов хвоста не было. Как и все чунги, они родились без хвостов и умрут без хвостов. Никакое из населяющих лес животных не умеет стоять на задних лапах и хвататься передними. Это могли делать только чунги и их маленькие родичи чин-ги; но чин-ги были хвостатыми, как и всякие другие звери.

Как и почему чунг и пома потеряли свои хвосты, они не думали и не могли вспомнить. В мыслях у них не осталось ни следа от этого давно пережитого события, так как все пережитое быстро исчезало у них из памяти и они никогда не возвращались к нему без настоятельной причины.

Точно так же, быстро и навсегда, из памяти помы исчезло то, как однажды она свободно и без чьей-либо помощи отделилась от своей матери и полезла кверху, чтобы впервые достать плод, до которого могла дотянуться. Это был торжественный день для нее, день самостоятельного существования. С этого дня она стала похожей на хвостатых чин-ги: прыгала около своей матери с ветки на ветку, пронзительно верещала и выделывала всяческие движения передними и задними лапами.

Старая пома не сводила с нее глаз, в которых сквозили и удовольствие и беспокойство; но, поняв, что маленькая пома уже может сама лазать по веткам и находить плоды не хуже старших чунгов, она успокоилась и перестала следить за нею. Только когда маленькая пома спустилась совсем низко к земле, горло у старой помы сжалось и издало громкий, тревожный, шипящий звук. В тот же миг маленькая шалунья вздрогнула и взлетела к матери так быстро и ловко, что та захихикала от удовольствия. Ее вытянутые вперед губы зашлепали, словно пытаясь сказать: «Хорошо, очень хорошо! Ты понимаешь язык чунгов, ты можешь лазать быстро и ловко, как они. Но все же не спускайся на землю, пока не станешь совсем большой и сильной. Потому что сейчас тебя может загрызть даже вонючий жиг».

До этого времени для маленькой помы не существовало ничего, кроме деревьев, веток на деревьях и плодов на ветках. Не существовало и других животных, кроме маленьких игривых чин-ги и звонко поющих кри-ри. С первого же дня своей жизни она слыхала рев и других зверей и догадывалась, что в лесу есть другие животные, кроме чунгов и чин-

ги, но не могла себе их представить, так как никогда не видела. Но все же этот рев пугал ее и заставлял держаться ближе к матери, за которой она иногда следовала на самые высокие вершины деревьев.

Однажды старая пома спустилась на нижние ветки дерева и вся обратилась в зрение и слух: внимательно и настойчиво вглядывалась между стволами во все стороны, расширяла ноздри и все время внюхивалась. Ее тревожные движения вызвали страх и у маленькой помы, и она попыталась, заскулив, прижаться к матери, но та, успокоительно заворчав, отстранила ее и продолжала нюхать. Тогда маленькая пома тоже начала оглядываться, расширять ноздри и внюхиваться. Мать легко соскользнула по стволу вниз и ступила на землю, а затем встала на четвереньки, огляделась еще раз и коротко заворчала. Маленькая пома быстро очутилась рядом с нею; снова ее охватил страх, и снова она попыталась прижаться к матери. Но старая пома и на этот раз отстранила ее, встала на задние лапы и двинулась вперед, наклоняясь туловищем то в ту, то в другую сторону. Походка у нее была тяжелая и неуклюжая, длинные передние лапы висели чуть не до земли. Маленькая пома тоже выпрямилась и пошла рядом с нею, покачиваясь на задних лапах, как ветка под ветром.

Вдруг старая пома насторожилась и остановилась как вкопанная. До ее слуха донесся отдаленный вопль животного и свирепый многоголосый вой. Она напрягла горло, издала глухое предостерегающее ворчание, и маленькая пома с необычайной быстротой исчезла на дереве, заскулив от внезапного сильного ужаса. Вслед за нею забралась и старая пома, предостерегающее ворчание которой сменилось гортанным рычанием. И обе они устремили взгляды в сторону все усиливающегося вопля и воя.

Вскоре между стволами деревьев вынырнуло из густой травы стройное тело быстроногого светло-рыжего гу. Преследуемый несколькими свирепыми хе-ни, гу несся вперед, словно обезумев, но под самыми помами запутался в ветвях и упал. Хе-ни настигли его, кинулись, взвыв диким хором, и их острозубые челюсти заработали все сразу. Через малое время от красивого, стройного, длинноногого гу остались только клочки недоеденного мяса и кучка крупных костей.

Маленькая пома прильнула к матери и скулила от ужаса. У нее не было опытности взрослых чунгов, и она не знала, что хе-ни не могут влезть на дерево, если бы даже захотели. И потому она долгое время не хотела отходить от матери, не хотела даже спускаться низко к земле.

Первая встреча с хищниками, питавшимися мясом убиваемых ими животных, вселила в нее столь сильное чувство страха и неуверенности, что когда ее мать спускалась к земле, она забиралась еще выше. Зем-

ля открылась ей как место, где на нее легко могут напасть и сожрать совершенно так же, как был сожран длинноногий светло-рыжий гу.

Позже, однако, она не раз видела, как одни животные нападают на других, убивают их и пожирают, и постепенно страх, охвативший ее при первой встрече с такими животными, притупился. Мало-помалу она привыкла смотреть на это пожирание как на что-то вполне обычное, без чего самый лес не мог бы существовать. Кроме того, взрослые чунги даже не обращали внимания на сильных, свирепых хищников, днем и ночью блуждавших в лесу и раздирающих воздух своим ревом: они часто спускались на землю и собирали упавшие плоды. Разумеется, взрослые чунги всегда вовремя понимали настоящую опасность и немедленно уходили от нее.

Однажды, когда старая пома разламывала скорлупу ореха, упавшего с дерева, маленькая пома, тоже спустившаяся на землю и отделившаяся от матери на несколько скачков, услышала позади себя неожиданный шум. Вздрогнув, она обернулась, и кровь застыла у нее в

жилах. В просветах между кустами мелькнула огромная рыжая тень, и два громадных, хищно сверкающих глаза обожгли ее зловещим желтым огнем. Она тревожно взвизгнула и кинулась к матери, но в то же мгновение услышала грозный рев, и рыжая тень метнулась вслед за нею.

Услышав визг маленькой помы, старшая бросилась вперед, забыв даже выпустить свои орехи. С безумно яростным ревом матери, над детенышем которой нависла смертельная опасность, она выпрямила свое косматое туловище перед грау и остановила его прыжок. Оба тела упали наземь, крепко вцепившись друг в друга. Это позволило маленькой поме вскарабкаться на дерево, и она сжалась в его ветвях, дрожа и скуля от страха. Сверху она видела, как барахтаются на земле два тела, как потом рыжая тень грау покрыла черное туловище ее матери. А вскоре затем рыжий хищник поднялся и исчез среди деревьев, глухо рыча, как всегда, а старая пома осталась на земле с перегрызенным горлом.

Нападение грау было столь неожиданным и внезапным, что старая пома не только не успела к нему подготовиться, но и забыла выпустить орехи из передних лап. А это помешало ей вовремя схватить хищника за горло или за разинутые челюсти.

В ветвях соседних деревьев мелькнули силуэты нескольких чунгов. Они спустились к лежащей на земле поме и, увидев ее растерзанное горло, издали протяжный рев. Потом окружили ее, сели и протяжно ревели, а когда белое светило спустилось низко над лесом и листья изменили цвет, они наломали веток и засыпали ими труп старой помы. После этого они разбежались по деревьям во все стороны. Недружелюбно они отнеслись к маленькой поме. И маленькая пома должна была жить, как жила старшая: предоставленная самой себе.

Но маленькая пома была еще слишком слабой и пугливой, чтобы жить без чьей-либо дружбы. Оттолкнутая взрослыми чунгами, молчаливыми и замкнутыми, она подружилась с маленькими чин-ги. Чин-ги приняли ее как свою, хотя она была бесхвостой и гораздо крупнее их. Веселые, игривые, непрестанно скакавшие с ветки на ветку, они увлекли в свои сумасбродные игры маленькую пому, и она вскоре забыла свою мать и все, что с нею случилось. Остался только страх перед живущими на земле зверями, и даже будучи иногда близко к сильным чунгам, она не решалась спускаться на землю.

Подражая в играх маленьким чин-ги, она научилась очень быстро и ловко карабкаться по деревьям. Научилась легко перепрыгивать на большие расстояния с ветки на ветку. Научилась визжать, как они, и повисать вниз головой, ухватившись за ветку только задней лапой. Ей не хватало только хвоста, чтобы быть настоящей чин-ги; но зато она,

словно из зависти, постоянно дергала чин-ги за хвосты, а они кричали и хватали ее за лапы.

С некоторого времени тонкие ветки начали ломаться и гнуться, когда она, уцепившись, повисала на них. Это мешало ей двигаться по деревьям, и она уже не всегда могла следовать за маленькими чин-ги. Она стала крупной и тяжелой, и разница между нею и ее родичами значительно увеличилась. Плечи и лапы у нее стали широкими и сильными, а мускулы на них — похожими на выпуклые узлы.

В то же время с нею произошла и другая перемена. Она совершенно охладела к играм чин-ги, а их визг и беспричинные драки начали ее раздражать. А так как ей и без того приходилось оставаться на более толстых и крепких ветках, то она постепенно отдалилась от них и стала жить, как взрослая пома, молчаливо и замкнуто. Она даже не попыталась искать дружбы со взрослыми чунгами. Они сами жили в лесу по двое, много — по трое, а встречаясь, проходили мимо, словно не узнавая или не замечая друг друга.

Потом настали дни, когда она догнала чунгов по росту и силе. Чувство страха, которое в детстве внушали ей ходившие по земле звери, совсем исчезло. Она начала спускаться с деревьев совсем одна и поступала при этом, как все другие чунги: сначала внимательно вглядывалась, потом прислушивалась, потом расширяла ноздри и внюхивалась. Научилась она и реветь, как чунги. Но вместе с тем она стала сварливой, как взрослые помы, и при встрече с некоторыми из них у нее возникали стычки. Однако чунги-самцы, хотя были крупнее и сильнее, чем она, всегда молча отступали перед нею.

Как и у всех прочих чунгов, у помы на задних лапах были не ступни, а кисти, и она ходила по земле, ступая на раскрытые ладони. Этот способ передвижения казался ей трудным и утомительным, и она предпочитала опираться на полусжатые в кулак передние кисти. Тогда она принимала полувыпрямленное положение, со слегка наклоненным вперед туловищем и отставленным задом.

С некоторых пор обычная сварливость помы усилилась каким-то особенным чувством беспокойства, какого она никогда ранее не испытывала. Она сама не знала, когда, как и почему появилось у нее это чувство, притом другие помы вдруг перестали ей противоречить, настойчиво избегали ссориться с нею и уступали ей всякую ветку, всякий плод, к которым она протягивала лапу.

Однажды вечером, когда белое светило скрылось неизвестно куда, пома, охваченная тревожным чувством, уселась на низкорастущей ветви и странно заревела. Такого странного рева она никогда еще не издавала, и он удивил ее самое. Тотчас на соседних деревьях отозвались таким же ревом несколько чунгов, словно давно уже ожидали этого сигнала.

Первым явился рослый чунг, на голову выше помы, с блестящей рыжеватой шерстью. Он быстро перепрыгнул на ветку, где сидела пома, и устремил на нее алчный взгляд. Появился еще один чунг, потом еще два и еще два. Каждый приближался и впивался в нее жадным взглядом, но никто не прыгнул на ту ветку, где сидела пома и куда ступил первый чунг, потому что этот чунг оскалил крупные блестящие зубы и вызывающе, гортанно заворчал.

Чунги, пришедшие позже, постояли-постояли, потом притворно равнодушно, медленными, нерешительными движениями разошлись и больше не показывались. Ибо пома не ревела вторично, а по закону чунгов это означало, что она уже сделала свой выбор.

Тогда пома кивнула головой первому чунгу, раскачалась и перепрыгнула на другую ветку, потом на третью, на четвертую, словно увлекая чунга прочь от остальных. Чунг покорно следовал за нею, почти рядом.

Совсем стемнело. Ночные бу-ху вылетели из своих темных дупел и бесшумно зареяли в лесу и над лесом. Пома остановилась на самых нижних ветвях какого-то дерева. Остановился рядом с нею и чунг. И оба оставались так целую ночь, неотрывно глядя друг на друга. В непроницаемой тьме под ними слышались легкие или тяжелые прыжки, гортанные крики, рев, предсмертные вопли. Над головой у них раздавался то зловещий хохот бу-ху, то жалобный писк терзаемых кри-ри. Но чунг и пома словно забыли о существовании других животных. Они словно позабыли о грау, гри, тси-тси, обо всех сильных, свирепых хищниках. Они не смотрели ни вниз, где раздавалось рычание и гортанный вой, ни вверх, где слышался зловещий хохот и жалобный писк: они глядели друг на друга и не ощущали ни усталости в мускулах, ни сна в глазах.

На рассвете синева наступающего дня рассеяла и растопила застывший над лесом ночной мрак и очертила огромные тени чунга и помы, каменно-неподвижных и безмолвных. Тогда пома пошевелилась и издала какое-то особое урчание, от которого зубы у чунга застучали. Он двинулся к ней, но она соскользнула вниз и очутилась на земле. Мгновенно соскочил и чунг и снова хотел схватить ее, но она и на этот раз увернулась и неуклюже побежала на задних лапах. Чунг крупными прыжками настиг ее; видимо, он не очень разбирался в любовной игре помы, так как схватил ее и сильно сдавил за шею. Пома взревела от боли и попыталась вырваться, но чунг оказался сильнее. Она поняла это, и когда чунг разжал свои страшные лапы, она больше не пыталась убегать.

С тех пор, как всякие чунги, они зажили семейной жизнью и были всегда вместе — днем и ночью, на деревьях и на земле.

МАЛЕНЬКИЙ ЧУНГ

Дышащее свежестью и влажным соком утро прогнало ночную тьму и осыпало листву на деревьях прохладной росой. Огненно-красные и белые звезды скрылись в голубоватой пелене наступающего дня. Старый лес проснулся со своим утренним кличем и стал дышать спокойно и ровно. Над высокими верхушками деревьев раздались песни кри-ри.

Чунг и пома продолжали спать друг подле друга, вытянувшись, лежа навзничь. Обоим в эту ночь снился жестокий грау; он хищно скалил острые зубы, раздувал шею и грозно рычал на них. Потом крок ловил его своими длинными челюстями и утаскивал в воду, а чунг и пома во сне хихикали от удовольствия. Потом грау снова выскакивал из воды и кидался на них, а они, защищаясь, размахивали передними лапами и сжимали пальцы, словно хватали его за горло.

В тысячелетнем лесу одни животные убивали других, нападая на них, а другие убивали, защищаясь. Одни животные убивали зубами, другие — когтями, третьи — рогами, четвертые — ядом. Одни побеждали своей силой, другие — ловкостью, третьи — неожиданностью, четвертые — количеством.

Чунги никогда не убивали первыми, ибо никогда первыми не нападали. Они тщательно избегали встреч со свирепыми, сильными зверями, хотя были сильнее многих из них. Им не было надобности нападать на других животных, так как они не питались ничьим мясом. Но когда на них нападали, они могли противопоставить силе силу, ловкости ловкость, ярости ярость. У них не было ни острых зубов, ни острых когтей. Зубы служили им для того, чтобы грызть плоды, чтобы раскалывать орехи. Когти у них были короткие, плоские, тупые и не могли служить ни для нападения, ни для защиты. У них не было ни рогов, ни яда, но зато они умели вставать на задние лапы и размахивать передними так быстро и ловко, как никакое другое животное. И, как никакое другое животное, они могли хватать всеми четырьмя лапами все что угодно, будь то плоды или ветки, челюсти гри или шея тси-тси. А пальцы у них сжимались так сильно, что не один тси-тси был ими задушен и не один гри упал с поломанными челюстями или с растерзанной спиной. По-настоящему опасными для них были только грузный мут, отвратительный крок, свирепый грау. Но в то время как крок жил всегда в воде и был страшен только своими челюстями, в то время как с глупым мутом они сами затевали игру, спускаясь на землю, и дразнили его, — грау всегда был в лесу, бесшумный, невидимый, злой, кровожадный, молниеносно быстрый в своих прыжках и более сильный, чем несколько чунгов сразу. Поэтому его рыжеватая тень мерещилась им во сне чаще всего.

Проснувшись с первыми золотыми проблесками восходящего све-

тила, пома продолжала лежать неподвижно на постели из веток. Молча щурясь, она глядела куда-то неопределенно сквозь листву. Вот уже много дней, как в жилах у нее разливалось какое-то новое ощущение, совсем не похожее на те, которые она испытывала ранее. Это новое неопределенное чувство пропитало всю ее грубую, первобытно-сильную натуру и сделало ее кроткой и нежной. В груди у нее нарастала неопределенная радость, предчувствие, которого она не могла понять, но которое говорило ей, что ее непременно ждет нечто необычайно прекрасное. Это предчувствие подчинило себе все ее существо; целиком отдаваясь ему, она ожидала чего-то необычайного, ожидала радостно, нежно, трепетно, тревожно. Ждала, не в силах понять, чего ждет. Сварливость ее почти исчезла, и в некрасивых чертах проступала небывалая кротость.

И только в это утро неопределенное ожидание стало для нее ясным и озарило ее лицо тревожной радостью: у нее родится новый чунг! Когда и как это случится, она не могла бы определить, но стала радостно-спокойной и уверенной. И продолжала лежать, смутно сознавая предстоящее, безусловно подчиняясь неизвестному, общему для всех пом закону.

Белое светило взошло над лесом и осыпало его гигантские деревья огненными стрелами. Лес заблестел яркой зеленью. Из темных недр земли устремились к вершинам животворные силы. Между стволами отдалось эхо шагов мелких и крупных животных, питающихся травой и листьями. Длиннохвостые чин-ги запрыгали на ближних и дальних ветках, оглашая лес своими резкими криками.

Чунг проснулся с ворчащим зевком и вытянул в стороны все четыре лапы. При этом он дотронулся до лежащей рядом с ним помы и повернул к ней голову. Пома глядела на него, кротко щурясь, и в глазах у нее светились теплота и покорность. Чунг сразу вскочил и изумленно поглядел на нее. Потом выпрямился и громко, протяжно заревел. Крикливые чин-ги послушно умолкли и неподвижно замерли на ветвях.

По бессознательному опыту, завещанному ему всеми поколениями чунгов до него, чунг знал, что должен набрать сегодня для помы гораздо больше плодов, чем всегда. Он хотел прыгнуть наверх, но, не достигнув еще первой ветви с плодами, остановился и прислушался. До него донесся далекий шум ломаемых ветвей, никогда еще не слыханный и незнакомый. Чунг быстро повернулся и спустился низко к земле, готовый отразить всякую опасность, какая может угрожать поме.

Далекий шум приближался и усиливался, временами сливаясь в сплошное резкое фырканье, подобное фырканью многих хо-хо. Вскоре между стволами показалась серая масса большого хо-хо. Он медленно двигался вперед, помахивая длинным гибким хоботом и расчищая им

себе дорогу. Толстые ноги, на которых покоилось еще более толстое тело, топтали низкий кустарник и сочную траву. Вслед за ним показался еще один хо-хо, потом еще один, и еще, и еще, и еще. Все они медленно, неуклюже двигались вперед, помахивая длинными хоботами и прокладывая широкие просеки в чаще кустов и травы. Вскоре их стало так много, что они заполнили все просветы между деревьями, а их шаги и треск ветвей слились в сплошной гул.

Чунг ослабил напрягшиеся мускулы: хо-хо не могут лазать по деревьям и не убивают никого, пока на них не напали. Не обращая больше на них внимания, он полез наверх и исчез в густой листве. Вскоре пома увидела, что он несет ей два крупных плода, прижимая их к груди передней лапой и цепляясь за ветки остальными тремя. Он оставил плоды около нее, потом принес еще два и еще два.

Потом он снова спустился на самые нижние ветки: опасность может грозить поме только с земли, а не с неба. И, зная, что ни грау, ни гри, никакой другой зверь не может пробраться туда, где была пома, он оставался настороже, весь превратившись в зрение и слух. Но никакая опасность не грозила его поме. Хо-хо продолжали идти между стволами, заполняя все промежутки между ними. Чунг смотрел на них с любопытством: он никогда еще не видел так много хо-хо сразу.

А хо-хо все шли и шли, — чунг не мог понять, сколько их было. Он мог сосчитать только три-четыре плода, а дальше счет у него обрывался. Для него хо-хо было сейчас много-много — больше, чем раньше. И его любопытство сменилось недоумением. А потом его охватило беспокойство: хо-хо широко растопыривали уши и размахивали длинными хоботами во все стороны, и вверх и вниз, и в то же время фыркали непривычно резко. Чунг не знал, что происходит, но от этого фырканья у него возникло предчувствие чего-то скверного и тревожного.

Для чунгов время не существовало. Они могли, прыгая, измерить каким-то внутренним чувством расстояние между деревьями, но для времени у них не было другой мерки, кроме ощущения постоянной, ритмичной смены света темнотой и темноты светом. Поэтому чунг не мог бы сказать, сколько времени он простоял на нижней ветке дерева. Несознаваемая сила делала его стражем и защитником помы и заставляла его оставаться все на той же ветке, не раскрывая ему, зачем, и против кого, и до каких пор. Для него такие вопросы не существовали. Он уже проголодался и объедал сочные листья и молодые побеги, до каких только мог дотянуться.

Но когда пома позвала его отрывистым всхлипыванием, он быстро поднялся к ней и остановился, удивленный тем, что увидел. К косматой груди помы прильнул маленький чунг — такой маленький, что его и увидеть было трудно. Меньше длиннохвостого чин-ги. Чунг с любопытством приглядывался к нему.

Новорожденный детеныш обхватил туловище помы всеми четырьмя лапами и вцепился пальцами в ее шерсть. Никакой другой опоры ему не было нужно. Прильнув некрасивым красноватым личиком к материнской груди, он жадно сосал молоко, и маленькие круглые, приплюснутые уши у него слегка шевелились. Приплюснутый, словно раздавленный при падении с высоты, носик почти не был заметен на лице; виднелись только две широкие ноздри с хорошо заметными ямками внутри. Сильно выдавшиеся вперед надбровные кости и низкое темя почти не оставляли места для лба. Хотя только что родился, он уже держал голову совсем прямо, так как шея у него была настолько же короткой, насколько передние лапы — длинными. Чтобы ему было удобнее, пома плотно уселась на ветви и подняла колени повыше. Она заботливо облизывала детенышу косматую шейку и низенький череп, тщательно расправляла ему пальцами голенькие ушки. Присев напротив нее, чунг рассматривал этого нового маленького чунга и молча мигал глазами. Первые чувства неожиданности и любопытства исчезли, и теперь он смотрел на детеныша с выражением приязни. Он уже сознавал, что этот чунг стал членом его семейства и что забота о детеныше, о том, чтобы защищать малыша, ложится и на него самого.

В противоположность маленьким крикливым чин-ги, жившим на деревьях целыми стадами, молчаливые чунги вели дружную совместную жизнь лишь до тех пор, пока были членами одной семьи. После этого они становились чужими друг другу и при встречах расходились так, словно не знали и не желали друг друга знать. Чувства симпатии и дружбы, испытываемые среди членов одной и той же семьи, были у них проявлением не сознания, а инстинкта продолжения рода; этот инстинкт определял их чувства и поступки гораздо сильнее, чем сознание.

УЖАС В ЛЕСУ

Белое светило заливало лучами зеленую поверхность леса, и воздух над нею звенел и трепетал. Тяжелые шаги и резкое гнусавое фырканье хо-хо уже умолкли, и деревья дремали в сумрачном, подозрительном молчании. Широкие, как уши у хо-хо, листья бросали густую тень на слой веток и сучьев — временное логовище чунга и помы. Наклонившись над своим первенцем, некрасивым и косматым, как она, пома кормила его. Чунг ел плоды, стоя на конце толстой ветви, и, щурясь, непрестанно оглядывал деревья то вверху, то внизу.

При этом привычном оглядывании его острый взгляд упал на каких-то маленьких темно-серых зверьков, шнырявших по земле во все стороны и вдруг исчезавших в сухой листве.

Через час или два их число умножилось настолько, что шорох от их

быстрых движений стал похожим на шум сильного дождя, льющегося на листья. Какой-то кри-ри неожиданно слетел меж ветвей, хрипло крикнул и яростно схватил клювом первого же попавшегося темно-серого зверька.

Потом среди деревьев началось необычное движение. Пышные травы и кусты зашевелились и зашумели. Послышались шаги, то легкие, то тяжелые. Издали донесся мощный рев, от которого закачались склоненные к земле ветви. Тоскливый вой смешался с тяжелым фырканьем. И странный, полный тревоги шум разливался со всех сторон.

Привлеченные общей непонятной тревогой, крикливые чии-ги спустились на нижние ветви деревьев, уставив вниз свои тупоносые мордочки и любопытно мигающие глаза. Чуиг и пома тоже спустились пониже. Они увидели, как грузный мут пробился сквозь кусты и отрывисто взмахивал головой, задирая свой страшный рог и выкатывая налитые кровью глаза. Кровожадный гри вытянул свое пестро-серое гибкое тело, постоял одно-два мгновения недоуменно и исчез в кустах. Черные щетинистые гру-гру оскалили свои острые, загнутые кверху клыки и разом остановились, прислушиваясь ко все нарастающему шуму, а потом, словно по команде, разом тревожно захрюкали.

Один ри-ми присел на хвост, поднял морду и протяжно завыл. Другие ри-ми, собравшись вокруг него, тоже сели и тревожно завыли. Все

животные растерянно сновали во все стороны, останавливались, прислушивались к чему-то и вмиг исчезали. Словно гнал их какой-то общий враг, гораздо сильнее их всех; и все они бежали в сторону большой реки.

Эта непонятная тревога внизу передалась и на деревья. Хвостатые чин-ги запрыгали и заскулили. Беспокойство охватило и чунгов. Пома вся взъерошилась, прижала к себе детеныша, обхватив его передними лапами, и глухо, угрожающе зарычала. Чунг тоже насторожился. Шерсть над глазами и на головах у них поднялась дыбом и жестко торчала вперед. В этом виде они были безобразны и страшны. А маленьких, быстро шныряющих по земле темно-серых зверьков становилось все больше. Вскоре появились целые стайки их. Они испестрили всю землю, и она стала похожей на шкуру дже.

Над лесом появились большими стаями кри-ри, которые начали сотнями опускаться на деревья. Кри-ри быстро проскальзывали меж ветвей и с криком падали на темно-серые пятна. Появилось множество хе-ни и гру-су, которые кидались на зверьков с невероятной жадностью. Они пронизывали пухлые тельца зубами, клювами, когтями, глотали их целиком, разрывали на части и обрызгивали кровью кору деревьев и землю. Какой-то тси-тси быстрыми, резкими движениями шеи и плоской головы ловил их по нескольку сразу и алчно проглатывал. Свирепый

клуп, развернувшись, разинув пасть, уже был не в силах поедать пойманных им зверьков, но продолжал ловить их. Это было неожиданное, невиданно изобильное пиршество для зверей, питавшихся мясом убитых ими животных, и они торопились поскорее наглотаться как можно больше этого мяса.

Но на место съеденных и раздавленных зверьков шли все новые и новые. Темно-серые пятна непрестанно росли и множились, сливаясь друг с другом, образуя еще бо̀льшие пятна. Звери, поедавшие их, испугались того, что будут сами съедены. Жадный клуп исчез под множеством зверьков, словно залитый ими. Тси-тси был осажден со всех сторон, и на него ползли, одна за другой, все новые, все более многочисленные стайки; он зашипел и бешено забился. По деревьям поползли бесчисленные маленькие и большие тси-тси, опутывая ветви словно веревками. Вскоре побежали и гру-су и хе-ин. Поиесся запоздавший в бегстве ланч, задрав кверху хвост, хрипло, испуганно воя. И перед этой сплошной, заливавшей лес волной маленьких, мягких темно-серых зверьков побежали, охваченные неведомым ужасом, все звери, крупные и мелкие. Эти зверьки были ми-ши, которые шли неизвестно откуда, неизвестно почему, пожирая все на своем пути. Лес обезумел от ужаса.

Сила грау была всем известна. Но хо-хо был во много раз сильнее, ибо одним ударом своего гибкого хобота мог сломать спину любому животному. А теперь хо-хо первыми побежали от ми-ши, от этих маленьких, слабых зверьков, ибо ми-ши, столпившись вокруг их огромных неуклюжих ног, отгрызали им пальцы, и хо-хо не могли защититься от них. Добродушным великанам не оставалось другого средства защиты, кроме бегства. Так самые слабые животные одерживали верх над самыми сильными.

Рев и топот бегущих зверей утихли, но вместо них раздавался сплошной шорох, которым наполнился весь лес: ми-ши, появлявшиеся все бо̀льшими стаями, грызли все, что только могли грызть, — кору, листья, стебли, корни... Шум и шорох при этом походили на шум водопада или на шум кипящего котла величиной с целый лес.

Чунги смотрели и слушали, не понимая, что будет дальше. А ми-ши тем временем полезли на деревья. Настигнутые ими тси-тси, висевшие на ветвях, как веревки, падали вниз и исчезали в темно-серой волне, которая при их падении сразу вскипала. И это кипение темно-серой волны показывало, что с упавшими тси-тси происходит что-то страшное.

Охваченные неодолимым ужасом, хвостатые чни-ги разразились дикими воплями. Заревели и чунги. Инстинкт, говоривший им, какая опасность угрожает лесу, толкнул и их на борьбу с этой общей для всех опасностью.

Первый зверек, до которого дотянулся лапой чунг, был раздавлен без труда, лишь легким сжатием пальцев. На мгновение чунг удивился— так мягко и пухло было тельце этого зверька. Но вслед за первым появился второй, третий, четвертый... Они лезли снизу один за другим, сбиваясь в густую массу, покрывали ствол и ветви...

Тогда началась странная, неповторимая борьба. Черные тела чунгов заметались на ветвях, словно под ударами ветра. Лапы их стали размахиваться и извиваться во все стороны, словно они были без костей, а пальцы начали хватать и давить ползущих ми-ши.

Чунги все убивали и убивали темно-серых зверьков и все не могли остановить их сплошного потока. Пальцы у них уже устали, а поток ми-ши все не прекращался. И настал момент, когда чунги сами испугались того, что будут съедены; ми-ши толпились вокруг них все гуще и все больше окружали их. Тогда чунги побежали.

Чунг и пома боролись с ми-ши поодиночке, каждый за себя, не в силах понять, защищаются ли они от съедения сами или хотят защитить от него весь лес. Чунг защищал только себя; пома защищала и маленького детеныша, который прильнул к ней не шевелясь и не издавая ни звука. Ложе из веток и листьев покрылось слоем убитых ми-ши.

И в этой беспримерной в жизни чунгов борьбе настал момент, когда пома, слепо подчиняясь инстинкту самосохранения и материнства, вдруг наклонилась, выхватила из подстилки широкую густую ветку и махнула ею по наползающим снизу ми-ши. Одним движением ветки она смахнула сотню их, и они посыпались вниз, словно сдунутые ветром.

Чунг увидел то, что сделала пома; подражая ей, но не раздумывая, почему так делает, он тоже схватил густую ветку и стал смахивать ею ми-ши. Вскоре логовище было очищено от зверьков, а если какая-нибудь стайка и заползала сюда, то они быстро взмахивали своими ветками и сметали ее прочь.

Но вдруг пома перестала размахивать веткой, вперила в нее взгляд и, прищурясь, стала разглядывать от одного конца до другого. А потом снова замахала ею, но беспорядочно, словно потеряв память. В этот момент в логовище появилась новая стайка ми-ши. Пома ударила по ней своей веткой. Многие ми-ши были раздавлены ударом, многие отброшены далеко. И тогда произошло нечто, чего чунг испугался: пома раз или два всхлипнула, разинула пасть и громко, протяжно заревела. Она ревела и беспорядочно махала веткой, а глаза у нее безумно сверкали. Этот новый способ борьбы с ми-ши показался ей таким новым и странным, что сознание отказалось понимать его. Ибо еще никто из чунгов не пользовался для защиты ничем другим, кроме передних лап и пальцев на них.

Но ми-ши все прибывали и прибывали: за первой волной шла другая, за другой — третья. В неисчислимом множестве они нападали на

чунгов только потому, что чунги стояли у них на пути. Ибо вторая волна ми-ши напирала на первую, следующая — на вторую и так далее. Первые ми-ши могли идти только вперед, последующие — только вслед за первыми. Чунг и пома поняли, что этот нескончаемый поток ми-ши никогда не прервется. И, увидев бегство других чунгов, они отбросили свои ветки и помчались по деревьям, убивая во множестве темно-серых зверьков, забравшихся уже на самые высокие ветки. Побежали в ту же сторону, куда бежали все прочие животные. Позади них поднимались голые, безлистные вершины леса.

ГНЕВ НЕБЕС

Огненный лик белого светила уже скрылся за густыми черногривыми тучами. Исчезла и ясная синева небес. Тяжелая духота простерла свои мертвые руки и накрыла пораженный ужасом лес. Кругом стало зловеще черно.

Вдруг сильный ветер рванул изъеденные стаями ми-ши вершины. По лесу пронесся стон. Блеснула извивающаяся молния, разорвав темную завесу туч. За нею последовал тяжкий, оглушительный гром, от которого весь воздух содрогнулся. Еще одна молния распорола небо, и снова оглушительный грохот потряс небо и землю. Лес в ужасе склонился ниц перед небесным гневом. Сверху на него хлынул дождь. И все слилось воедино: небо и лес, гром и вода. Настала всеобщая гибель

Молния за молнией полосовала небо, и гром за громом рушился с неба на лес. Нельзя было бы услышать рева даже сотни грау. Низко нависшие тучи изливались на лес целыми потоками воды. Темно-серая волна ми-ши сразу остановилась. Маленькие грызуны попрятались в нижней части ветвей и замерли неподвижно.

Чунг и пома остановились и спустились на нижние ветви дерева, чтобы защититься от проливного дождя. Пома прикрыла передними лапами голову детеныша, а чунг поднял лапы и сложил их у себя над головой. Оба щурились в темноту, и в глазах у обоих читалась полная беспомощность и покорность перед этой страшной грозой. Шерсть у них слиплась от дождя, лившегося сверху широкими потоками.

Вдруг что-то блеснуло у них перед глазами так ярко, что на миг они зажмурились. Страшный треск заставил их вздрогнуть. Совсем близко от них молния расщепила надвое гигантское дерево, и вокруг ствола заплясали красные огни, на миг озарившие мрак внизу. Испуганные, ошеломленные громом и треском, чунг и пома заспешили быстрыми скачками с дерева на дерево, не глядя, куда бегут, не обращая внимания на дождь, и вдруг увидели, что очутились над самой рекой.

Широкая река была усеяна плывущими к другому берегу крупными и мелкими животными. Грау плыл рядом с дже. На спиие у мута присел ри-ми. А среди этих животных, бессчетно рассеяиных по всей реке, мелькали чериые, как обгорелые коряги, тела отвратительных кроков. Оии раскрывали пасть, хватали первую попавшуюся жертву и утаскивали ее на дно. Никто не видел и не слышал, как поймаииое животное исчезало под водой.

Настала ночь, непроглядно-черная ночь. Ночь бешеиого грохота и несказаиного ужаса. Она скрыла от взгляда и деревья, и животных, скрыла весь лес. Озябшие, окаменелые от ужаса чунги притаились на нижних ветвях деревьев, не понимая; что происходит. Гнев небес был для иих чем-то более сильным и страшным, чем самые сильные и страшные звери. От мута и от грау можио спастись, если взобраться на дерево, но от гнева иебес нигде нельзя спастись, ибо он падает на весь лес одновременно и отовсюду сразу.

Прижавшись друг к другу, чунг и пома ошеломленно слушали страшный гул во тьме. Единственной мыслью у них было: ни в коем случае не разделяться, не потерять друг друга в обезумевшем от ужаса лесу. Забыв обо всем в своей материнской тревоге, пома обхватила передними лапами маленького чунга и вся склонилась над ним, чтобы прикрыть от проливного дождя.

Когда с рассветом небесный гнев утих и предутренний сумрак рассеял ночную тьму, чунг и пома могли услышать под собой рев множества обезумевших животных. А когда еще больше рассвело, они увидели, что огромные деревья залиты водой.

Широкая река вздулась и залила весь лес. На ее блестящей поверхности покачивались трупы множества утонувших животных. Куда бы чунг и пома ни посмотрели, они видели только воду и воду — надвигающуюся, шумную, заливающую стволы все выше и выше. А дождь все продолжал стучать по деревьям.

Чунги забыли о том, что промокли. Забыли о том, что на деревьях растут плоды. Забыли, что уже утро и что небесный грохот умолк. Они смотрели на надвигающуюся воду и старались преодолеть новый ужас, который начал охватывать их. Ибо стволы постепенно исчезали из глаз, — они тонули все глубже и глубже, а водная пелена поднималась все выше и выше. Наконец вода стала плескаться уже у тех самых веток, на которых они сидели.

Ежась, дрожа от сырости и страха, чин-ги первыми полезли на более высокие ветви. За ними полезли и чунги. В груди у них зародилась неведомая ранее тревога: вода заливала деревья, вода затопила целый лес, вода затопит и их!.. И это чувство вырвало у них из горла новый, необычайный для них тревожный и протяжный рев, словно они умоляли небо остановиться — остановить дождь и надвигающиеся водяные горы. Слипшиеся темно-серые ми-ши тоже зашевелились и полезли наверх.

Вторая ночь застала дрожащих, ошеломленных чунгов очень высоко. Вода под ними непрерывно поднималась. Кри-ри вылетали из-под ветвей с тревожным писком и зловещими криками и покидали темные вершины леса.

На третью ночь чунги полезли еще выше, и тонкие ветки начали гнуться под их тяжестью. Один чунг обломил своим весом ветку, в которую вцепился, и вместе с нею полетел вниз; но с быстротою и ловкостью маленького чин-ги перевернулся в воздухе и сумел ухватиться за другую, более толстую ветку. Другой чунг, уже старый и обессиленный голодом и страхом, разжал пальцы и с плеском упал в воду. Дважды он взмахнул над нею передними лапами и утонул. Чунги больше не видели его.

Тревожные крики кри-ри умолкли. Умолк и рев животных, словно

все они утонули. Уже не слышалось ничего, кроме плеска воды. Проголодавшиеся чунги и чин-ги обгрызали кору на ветках и жевали ее.

В эту ночь вода начала спадать. Дождь совсем прекратился, и когда рассвело в третий раз, небо открыло свою синеву. Белое светило снова стало греть и осыпало лес своими яркими лучами. От ветвей протянулись по воде длинные тонкие тени, извиваясь, как переплетенные тела тси-тси. Косматые шкуры чунгов задымились паром.

Пома расправила закоченевшие мускулы и перевела дыхание, потом взглянула на детеныша, который в этот момент снова начал сосать, громко чавкая. Он один не испытывал ужаса гибели, грозившей лесу, а вместе с лесом — и чунгам. Он был еще слишком мал, чтобы понять случившееся.

Вода все спадала и спадала: открылись нижние ветки деревьев, потом и верхняя часть стволов. Чунги снова прыгали по ветвям в поисках плодов. Хвостатые чин-ги подняли крик. Немногие ми-ши, успевшие забраться на вершины, поползли вниз. Чунги тоже спустились пониже.

К вечеру стволы деревьев совсем открылись. Вода окрашивала их в слабый белесоватый цвет. Когда начало смеркаться, успокоившиеся чунги начали ломать ветви и делать себе логовища. Напрасно прислушивались они, чтобы услышать рев какого-нибудь зверя. Лес как-то странно молчал.

ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ

Лес уснул в молчании и пробудился в молчании. Первые крики чин-ги раздались с деревьев и одиноко умолкли. Чунги вслушивались, чтобы услышать какой-нибудь шум, изумленно наклонялись с деревьев, чтобы увидеть тень какого-нибудь зверя, но напрасно. Было странно тихо, непривычно тихо. Это молчание показалось им еще опаснее и грознее, чем если бы они увидели грау.

Буря оборвала на ветвях все плоды. Чунги увидели, что должны спуститься на землю, чтобы поесть. Но, боясь этой мертвой тишины, никто из них не решался первым спрыгнуть на землю, так как все необъяснимое пугало их гораздо больше, чем самые свирепые и сильные хищники. Гонимые этим чувством страха перед неизвестной опасностью, они стали собираться группами. Каждому из них близость остальных внушала большую уверенность. И вот они стали спускаться с ветки на ветку, медленно двигаясь, подозрительно вслушиваясь, внимательно вглядываясь и внюхиваясь. Туловища их нависли над землей, как привязанные к ветвям мешки.

Первым соскочил на землю чунг, тотчас же выпрямился и встал спиной к дереву. Глаза у него беспокойно забегали. Вслед за ним соскочили и другие чунги. И каждый, едва спрыгнув, тотчас же вставал на задние лапы, спиной к древесному стволу. Потом они все вместе, напрягая зрение и слух, опустив жилистые передние лапы, двинулись между деревьями и кустами, приготовившись ко всяким неожиданностям.

И вдруг они с ревом отпрянули и вперегонки бросились по деревьям. Разинув широкие пасти с сильно выступающими вперед челюстями, они разорвали молчание леса своим грозным ревом. Шерсть у них над глазами взъерошилась и торчала дыбом, глаза сверкали дикой яростью...

Среди кустов лежал большой грау, неподвижно вытянув свое рыжее тело. Впервые грау лежал так, не желая взглянуть на ревущих чунгов. Это само по себе уже было странно и необычно. Чунги впились в него сверкающими глазами и ждали, что вот-вот он вскочит и зарычит на них.

Но грау не пошевелился, не вскочил, не зарычал. Он неподвижно лежал в кустах, оскалив морду и расслабив свои упругие мускулы. И вдруг чунги умолкли и в величайшем изумлении замигали глазами: грау был мертв!

Но хотя и сознавая, что грау мертв, они не сразу посмели слезть — настолько силен был страх перед этим сильным, свирепым хищником. Лишь позже, когда большинство из них победило первый испуг, взъерошенные, грозно ворчащие чунги слезли наземь и, сбившись в толпу, стали подходить к кустам, где лежал грау. Один чунг протянул переднюю лапу к грау и отскочил назад. Тотчас же отскочили и другие чунги. Потом они начали вдруг подскакивать и всхлипывать. Это всхлипывание и подскакивание означало: «Грау мертв, грау мертв, грау мертв! Грау неподвижно лежит в кустах, грау оскалился и лежит в кустах! Грау больше не может убивать! Грау больше не может нападать!» Пома вместе с другими вертелась и подскакивала, и детеныш болтался на ее крупном теле, как орех на ветке.

В тысячелетнем лесу смерть одного животного была жизнью для других. Небесный гнев избавил лес от ми-ши и вместе с тем убил грау. Чунги не могли поверить своим глазам: этот сильный, непобедимый, жестокий хищник, мешавший им жить на земле, был мертв! Тот, кто прогнал их с земли, кто заставил их рождаться и умирать на деревьях, был мертв... Он уже не может подкрасться к ним, прыгнуть на них, перегрызть им горло... Бесконечно изумленные и обрадованные, они щурились и мигали глазами... но нет, радоваться они не смели. Только удивлялись, не смея обрадоваться.

Но то, что они увидели позже, окончательно поразило их. Земля

была усеяна трупами крупных, сильных, свирепых зверей. Грузный мут задрал ноги кверху, изогнул толстую шею и вонзил в землю свой страшный рог; огромный толстый тси-тси обвился чешуйчатым телом вокруг ствола дерева, вывернул белесоватую шею и выпучил глаза. Болтался, застряв головой в ветвях невысокого дерева, повешенный гри. В тесном промежутке между двумя стволами стоял, словно уснув, гигантский хо-хо. Куда бы чунги ни посмотрели, всюду они видели трупы захлебнувшихся зверей: горбатых хе-ни с оскаленными мордами и высунутыми языками, пестрошкурых дже с кудрявой гривой на выгнутой шее, трупоедов ри-ми с острыми торчащими ушами.

Весь этот день чунги провели на земле, изумленные, обрадованные, любопытные. Все звери, задрав кверху ноги, запрокинув головы, лежали среди деревьев мертвые, неподвижные, грозно оскаленные. Мертвы были и хо-хо, и грау, и ланч, и хе-ни, и ри-ми. Ничей рев, ничей хищный вой не нарушали молчания этой обширной гробницы.

Но эта непривычная тишина и зрелище неподвижно простертых, оскаленных зверей начали пугать чунгов; им казалось, что мертвый грау вот-вот прыгнет и вцепится в них своими широкими лапами. Ибо все это было для них совсем новым, никогда еще не виданным, впервые случившимся. И они так и не посмели разойтись хоть на миг — целый день стаями блуждали взад и вперед по лесу. Только заметив, что скоро наступит темнота, они рассыпались и полезли на деревья, а наутро снова спустились на землю со свойственной им подозрительностью и настороженностью: внимательно оглядываясь, расширяя ноздри, вслушиваясь. Но земля и на этот раз ответила им молчанием: ни рева, ни шума.

Тогда крупных, всегда серьезных, всегда молчаливых чунгов охватило необычайное, непривычное чувство — желание играть. Они начали кувыркаться через голову, бороться, валять друг друга по земле, издавая радостные всхлипывания и визг. Одни подпрыгивали на месте, другие растопыривали лапы и перекатывались от дерева к дереву, третьи ложились на спину и дрыгали в воздухе всеми четырьмя лапами. Это были для них совсем новые ощущения, каких они не испытывали, живя на деревьях.

Валяясь по земле, они пачкали себе шкуры на спинах зеленым и серым, и эта раскраска веселила их еще больше. Одни из них стали играть в прятки среди деревьев, другие гонялись друг за другом, радостно всхлыпывая. Рычание их превратилось в крики. Даже чин-ги, привлеченные их необычайными криками и игрой, спустились на нижние ветви деревьев и, глядя на возню своих больших собратьев, дико, радостно визжали.

Когда смеркалось, чунги снова полезли на деревья: сгущавшийся мрак вдруг испугал их. А на другой день в нос им ударило неприятным

запахом: трупы утонувших зверей начали разлагаться. В последующие дни воздух в лесу пропитался тяжелым смрадом. Непривычные к такому смраду чунги зафыркали и стали убегать на вершины деревьев. Привлеченные запахом разлагающихся трупов, из-за опавших листьев показались черные усатые мордочки каких-то маленьких, невидимых сверху зверьков. Они собрались вокруг утопленников и заработали над ними — усердно, неутомимо, от темноты до темноты. Кри-ри помогали им: слетались стаями на гниющие трупы, сипло каркали и обнажали кости своими длинными изогнутыми клювами.

Много дней подряд кри-ри и усатые зверьки трудились над трупами утонувших животных и наконец очистили лес от них, а с ними исчез и тяжелый смрад. Остались только кучки костей, белевших повсюду в полумраке лесной чащи. Потом и кости исчезли. И воздух в лесу опять стал чистым и свежим.

В нескончаемом лесу каждый из зверей вел свой образ жизни. Грау мог прыгать, кри-ри — летать, крок — плавать, чунги — лазать по деревьям. Грау питался мясом, дже — травой, ри-ми — падалью, чунги — плодами. Грау жил на земле, кри-ри — в воздухе, крок — в воде. Чунги жили на деревьях. Поэтому они не знали земли. Раньше, когда грау и гри скрывались за каждым кустом и деревом, чунги смели иногда спускаться на землю за упавшими плодами или за водой, но не могли наблюдать. Глаза их не видели ничего, кроме других зверей.

А теперь никаких других зверей не было. За много дней и ночей, когда чунги свободно блуждали по земле, ни один зверь не заревел на них, ничья притаившаяся тень не мелькнула. Теперь чунгам было уже некого бояться.

И они беспрестанно шныряли то тут, то там: оглядывали, ощупывали, обнюхивали. Они совершенно спокойно садились и ложились, не боясь нападения грау, и все четыре лапы у них были свободны. Они не держались ни за какие ветки, но и не падали, так как падать было некуда: они и так уже были на земле.

Любопытство их было ненасытно. Земля открылась им как совершенно новый мир, который они раньше не могли бы узнать, если бы даже захотели. Ибо для другого мира у них не было ни глаз, ни ушей. Глаза и уши у них были только для мута и грау.

Чунг и пома увидали вдруг вокруг себя так много нового и разнообразного; не успевали они рассмотреть что-нибудь одно, как их подманивало к себе другое. Одно за другим чередовались все новые открытия — для глаз, для вкуса, для пальцев, каждое удивительнее, сочнее, душистее другого. Только теперь земля открылась для них в своем настоящем виде: чудно-свежая, ароматная, манящая.

Низкие раскидистые кусты угостили их такими сладкими ярко-красными ягодами, каких ветви деревьев никогда им не дарили. Пома,

присев на корточки, срывала сочные красные ягоды и глотала их целиком. Понадобилось съесть множество их, чтобы утолить охватившую ее жадность. В сравнении с плодами на деревьях они были так малы, что попросту терялись у нее между пальцами; зато они были вдвое сочнее и слаще.

Трава оплетала им ноги длинными тонкими стеблями. Чунг и пома наклонялись и, слегка дернув за стебли, отделяли их от корней. Стебли наполняли им рот густым молочным соком, который щекотал им нёбо и заставлял жмуриться от удовольствия. Чунг разломил стебель одной широколистной травы, и такой же густой молочный сок склеил ему пальцы. Он вкусно захрустел сочным стеблем и, не покончив с первым, принялся за второй. Большой рот его покрылся молочной пеной.

Потом они очутились среди пышной высокой гу-на и затерялись среди ее широко раскинутых листьев, собранных кудрявыми складочками от одного края до другого. Чунг откусил от листа, — он был крупный и мясистый, размазался у него во рту с приятным сладковатым вкусом.

Не зная, как поступить со всем этим разнообразием, внезапно окружившим их, чунг и пома стали срывать и ломать бесчисленное множество листьев, стеблей, ягод, полных молочного сока кореньев и побегов. Пома совершенно случайно дернула стебель гу-та, и из земли выскочила сочная, хрупкая луковица Пома сорвала с нее грязную оболочку, откусила, и луковица захрустела у нее на зубах, как кости маленького дже на зубах у грау.

В один день земля дала чунгам столько новых приятных ощущений, сколько деревья не могли им дать от рождения до смерти. Это было невиданное изобилие и разнообразие для пальцев, для вкуса, для взгляда: широкие мясистые листья, крупные сочные луковицы, яркокрасные, сочные, душистые ягоды, хрупкие молочные стебли и корневища... Словно для них одних земля сберегала все это богатство в ожидании дня, когда они спустятся с деревьев. Она буквально засыпала их лакомствами, одно чудеснее другого.

У чунга и помы не было никакого опыта в подборе пищи, но несмотря на это они хорошо знали, что можно есть, а что нельзя. Ветки одного куста усыпаны ягодами, такими привлекательными на вид, но чунг и пома даже не трогают их. Из одного оборванного стебля вытекает густой молочный сок, но чунг и пома проходят мимо, словно не видя его. Мягкие, плавно округленные сочно-зеленые листья почти касаются их губ, а они их даже не замечают. Очевидно, на некоторых привлекательных травах и ягодах лежит некий незримый, неосознанный запрет, и чунг и пома даже не пытаются нарушить его. Они выбирают себе пищу не по опыту или сознанию, а по инстинкту.

Мучнистые плоды на одном высоком кустике насытили их еще

больше, и они ощутили жажду. И вместо того чтобы перепрыгивать с дерева на дерево в поисках застоявшейся в дупле пахучей воды, они попросту склонились к тихо журчащему ручейку. Вода текла тут, не высыхая, не испаряясь. Чистая, прохладная, она приятно освежила их. В то время как чин-ги пили воду, обмакивая в нее передние лапы и потом обсасывая их, в то время как гри и грау лакали ее своими длинными языками, в то время как дже и мут погружали в нее свои морды, чунг и пома зачерпывали ее ладонями и, запрокинув голову, выливали себе в рот. Половину зачерпнутой воды, а то и больше, они разливали при этом себе на грудь и на все туловище.

Однажды маленький чунг отцепил пальцы от шерсти матери и пополз по траве, по опавшим листьям. Это доставило ему ощущения, каких не испытывал еще никто из чунгов, рожденных до него. А пома, склонив над ним свое мохнатое туловище, глядела так, словно видела его впервые. В глазах у нее читались изумление и радость, так как маленький чунг полз по земле и не падал.

Маленьким чунгам в ветвях деревьев всегда угрожала опасность: оторвавшись от тела матери при ее прыжке или по другой причине, детеныш летел вниз, как перезрелый плод, и падал на землю, если не успевал схватиться за ветку. А упасть — это было опасно не только для маленьких, но и для взрослых чунгов. Хотя они были удивительно гибки и ловки в лазаньи и прыжках по деревьям, но достаточно было неверно рассчитать свой прыжок — и всякий чунг мог полететь вниз и упасть на землю.

Многие и многие дни прошли, пока чунги решились встретить темноту на земле Легкость, с которой всякий из них устроил себе логовище, удивила и обрадовала их. Не нужно было ломать ветки, не нужно было искать удобное дерево, не было опасности, что настил из ветвей не выдержит их тяжести... Всего этого теперь не было. Они попросту нарвали широких веток, насыпали их кучкой и легли сверху: мягко, удобно, приятно! Никакие острые концы сучьев не кололи их в спину. И вместо того чтобы согнуться вдвое, чунги разлеглись и раскинули лапы. У них было темное, неопределенное чувство, что когда-то в каком-то далеком, давно забытом прошлом они уже ночевали на земле.

По примеру всех прежних поколений они ложились и засыпали навзничь. Тогда никакой зверь не сможет напасть на них сзади и застать беззащитными: все четыре лапы оставались у них свободными, чтобы хватать. И по примеру всех прежних поколений чунгов, их сон был не сном, а дремотой: они могли уловить самый слабый шум и сразу вскочить бодро и сильно, словно не засыпали.

Жизнь на земле и вкусная еда понравилась чунгам настолько, что они окончательно покинули деревья. По старой привычке и в глубокой

уверенности, что навсегда освободились от присутствия сильных, свирепых зверей, они разбились на небольшие группы. Никакая опасность не пугала их больше. Никакой свирепый хищник не таился среди деревьев. Лес принадлежал только им — был лесом чунгов. И мало-помалу они стали забывать, когда и почему спустились на землю. Воспоминание о ми-ши и о наводнениях стало изглаживаться у них из памяти.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Но однажды деревья снова зашевелились и зазвучали эхом чужих шагов.

Первыми животными, которых чунг и пома увидели, были два пятнистых дже. Они раздвинули широкие листья и показали между ними свои кроткие мордочки. Чунг и пома тревожно засопели — так давно уже они не видели других животных, кроме чин-ги и кри-ри. Но тотчас же они узнали и успокоились: дже были самими робкими и безобидными животными в лесу. И осталось только удивление: разве дже живы, разве не умерли вместе с другими животными?

Но вслед за дже явился тонконогий гу, а за ним — другие животные, питавшиеся травой и листьями, и в их появлении для чунгов не было никакой опасности. Но у помы появление животных вызвало чувство недоверия и подозрительности: она считала их прямой угрозой для детеныша. Последний, хотя уже мог немного лазать и прыгать по веткам, был еще мал и слаб, и ему нужны были ее защита и внимание. Стоя на задних лапах, он едва доходил ей до пояса. И когда перед ними вырос рыжий гу, она выпрямилась, взъерошилась, и из горла у нее вырвалось предостерегающее рычание. Испуганный гу быстро умчался прочь.

Но когда появился первый грузный мут, тревога помы передалась и другим чунгам: встретиться с ним было для них очень опасно, ибо мут был очень глупым, легко впадал в безрассудную ярость, а тогда бросался на первое попавшееся животное. Кровавые глаза его наливались кровью еще больше, и он как бешеный вскидывал свой рог во все стороны, на всех зверей.

Среди кустов виднелось несколько щетинистых гру-гру, ковырявших рылами землю. Своими длинными изогнутыми, торчащими высоко над мордой клыками они легко выкапывали из земли корневища и луковицы, но так же легко могли распороть толстую шкуру би-гу от головы до хвоста. Они не стремились нападать на других зверей, но того, кто нападал на них, убивали и пожирали, будь это сам грау.

Появление гру-гру повергло чунгов в еще бо́льшую тревогу: гру-гру двигались всегда помногу сразу, и при встрече с ними всякий чунг

рисковал быть убитым и съеденным. И они невольно поглядывали на деревья: не нужно ли снова взобраться туда? Ночевать на земле стало невозможно.

Вслед за животными, питавшимися травой и листьями, пришли звери, питавшиеся мясом убиваемых ими травоядных: хитро прищурившийся плоскогрудый ланч, трупоеды ри-ми, горбатые хе-ни, пучеглазый вонючий жиг. А однажды под вечер послышался грозный рев грау. Чунги задрожали от страха и быстро полезли на деревья.

Но земля непреодолимо влекла их к себе, и они не могли, не хотели оставаться на деревьях. И, как при своем первом спуске на землю, побуждаемые стремлением к самозащите, они собрались кучкой. Чувство безопасности, порожденное сознанием численности, победило страх.

Свирепых хищников, появившихся в лесу, было совсем мало; они разбрелись по всей огромной чаще и затерялись в ней. Освободившись от первого страха, чунг слез с дерева, наклонился и оперся о землю

пальцами передних лап. Вслед за ним двинулись пома и маленький чунг. Ни глаза их, ни уши не улавливали ничего опасного. Над головами у них стучал твердым клювом ку-ку, добывая червяков из-под коры деревьев. В резких, пронзительныых криках чин-ги слышались добродушие и свойственная им игривость. Пугливые дже ощипывали сочные побеги иа кустах и листьях.

Но тысячелетний лес был лесом грозных неожиданностей. Ни одно животное не могло предвидеть, когда и откуда налетит на него та или другая опасность. И никакое животное не могло предвидеть, не попадает ли оно, избегая одной опасности, в другую, еще большую. Но самой опасной неожиданностью было появление грау.

А грау уже притаился здесь, и на этот раз крикливые чин-ги не смогли его заметить. Скрывшись в густом переплетении кустов и травы, он увидел двух взрослых чунгов и одного маленького и мигом припал брюхом к земле. Лопатки у него на спине выпятились, лапы растопырились, и на каждом пальце появилось по длинному, острому, изогнутому когтю. Устремленные прямо на маленькую группу чунгов глаза метали жестокое, злобное пламя, гибкий хвост зашевелился.

Как и всегда, вид чунгов вызвал у него ярость, какой он не испытывал ни к какому животному. Других животных он убивал со спокойной холодной жестокостью. Убивал, чтобы насытиться. Он смотрел на них, как чунги на плоды. Но чунги приводили его в бешенство. Они были для него чересчур странными, чересчур непохожими ни на какое из животных, которых он убивал. Бесило его то, что они жили на деревьях и были недоступны для него; то, что они могли хвататься всеми четырьмя лапами или ходить на двух; то, что всякий раз, заметив его на земле, они кричали и ревели на него и прыгали над ним с дерева на дерево, куда бы он ни шел; то, что они дразнили его с безопасного места, куда он не мог полезть, чтобы достать до них своими могучими лапами. Если бы они не махали на него лапами, ярость его не была бы такой сильной. А они уже не раз угрожающе махали на него передними лапами, и это вызывало в нем странное беспокойство, словно эти лапы должны были когда-нибудь задушить его.

И вот случай давал ему возможность прыгнуть на них и загрызть хотя бы одного! Сильный, гибкий, убийственно жестокий и беспощадный, он выбирал самый удобный момент для быстрого, как молния, смертоносного прыжка. Выбирал жертву и оценивал расстояние.

Грау увидел, как один из двух взрослых чунгов отстал от другого, повернулся спиной и нагнулся. Тогда он быстро пополз брюхом по земле, стараясь не делать никакого шума. Еще один беззвучный шаг, потом еще один и...

Но в это время наклонившийся чунг вздрогнул, обернулся и увидел его. Дикий рев вырвался у него из горла, и на четвереньках, невероятно быстрыми скачками он понесся к ближайшему дереву. Тогда грау стремительно ринулся вперед, увлекая за собой сухие листья и сучки, словно сильный вихрь.

Появление грау было для помы настолько неожиданным, а нападение настолько стремительным, что у нее не было времени сообразить, в чем дело. Охваченная внезапным смертельным ужасом, она дико взревела и кинулась к ближайшему дереву. Подпрыгнув, она ухватилась за первую попавшуюся ей на глаза ветку — высохшую, надломленную, недостаточно толстую, чтобы выдержать ее тяжесть.

Ветка хрустнула, сломалась, словно отсеченная молнией, и пома упала навзничь, судорожно сжимая ее в передних лапах. В это мгновение грау прыгнул. И то, что последовало, совершилось так головокружительно быстро, что ее сознание не могло охватить этого.

Словно туча упала на нее и закрыла ей глаза. Она смогла увидеть только сверкающие яростью глаза грау, ощутить дыхание его разинутой пасти и инстинктивно подняла передние лапы над головой, чтобы защититься.

В страхе она забыла, что в передней лапе у нее зажата сломавшая-

ся под ее тяжестью ветка, которую она стиснула со всей силой оцепеневших мускулов. В этот момент грау обрушился на нее всей своей тяжестью, и пома почувствовала, как его когти вонзаются ей в тело.

Что случилось дальше — она не могла дать себе отчета.

Почувствовав вонзающиеся в нее когти, она с бессознательной жаждой жизни, со всей могучей силой своих мускулов отбросила грау от себя и кинулась прочь, оставив у него в кривых когтях клочки своего мяса.

Как могла пома освободиться от его когтей, что сталось с обломанной веткой, которую она держала в передних лапах, почему грау не прыгнул вслед за ней, когда она побежала, когда и как она очутилась в ветвях дерева — она не понимала. Единственной мыслью у нее было то, что она спаслась от свирепого хищника. И только теперь теснившийся у нее в груди рев вырвался и прозвучал во всю силу.

Первый рев, которым пома известила о появлении грау, погнал

и чунга и детеныша в беспамятное бегство. Они быстро залезли на дерево, не увидев ни ее, ни грау. Только очутившись в безопасности, они стали искать глазами пому, но вместо нее увидели бьющееся по земле огромное тело грау.

В ветвях соседних деревьев появились косматые фигуры множества других чунгов. И в ответ на рев помы и чунга каждый из них разинул пасть и заревел. От этого сплошного рева лес затаил дыхание.

Чунги долго еще не смели спуститься на землю. Только когда трупоед ри-ми присел около неподвижного грау, поднял морду и протяжно завыл, когда черный длинноклювый кри-ри описал над ним круг и с хриплым карканьем опустился ему на хвост, лишь тогда чунги спустились с деревьев и постепенно собрались вокруг грау. А потом запрыгали: грау был мертв, мертв, мертв!

Но пома не запрыгала, как они. Она неподвижно, пристально глядела на грау, ничего больше не видя и не сознавая. Почему грау не загрыз ее? Кто убил грау?

Прыгнув быстро как молния, грау наткнулся на острый конец сломанной ветки, который пома выставила перед собой в бессознательной обороне; наткнулся всей силой своего прыжка и всей тяжестью тела. Ветка глубоко врезалась ему в горло, вплоть до шейных сухожилий. Оцепеневшие, окаменевшие от страха мускулы помы выдержали этот страшный толчок.

Случай убил грау, но этот же случай спас пому. Если бы она опоздала со своим защитным движением на один миг или если бы грау прыгнул на один миг раньше, пома разделила бы участь, выпавшую некогда на долю ее матери.

Но сознание помы было еще слишком первобытно, а мышление слишком простым, чтобы она могла сразу понять случившееся. В ее упорном взгляде отражались не понимание, не любопытство, не страх и не ярость, но скорее полная ошеломленность и беспомощная мука. Эта ошеломленность подавляла ее сознание, и она была бессильна стряхнуть ее. Она не могла ответить и на трудный, смутно возникающий вопрос о том, кто убил грау. Ибо такой случай был беспримерным в жизни чунгов.

Ни один чунг до нее не поднимал ветку в защиту от грау или для нападения на какое-либо другое животное. Никакой опыт не подсказывал до сих пор никакому чунгу, что дерево может служить для защиты при нападении, что им можно убить зверя, если он нападет. А сейчас грау лежит мертвый и неподвижный, с веткой, вонзившейся ему в шею. Деревья давали чунгам плоды и служили им для лазанья. Служили

для того, чтобы на них спать и спасаться от грау. А оказалось, что деревом можно и убить грау!

Медленно, не сводя глаз с убитого хищника, пома начала приближаться к нему. Подойдя совсем близко, она вдруг схватила передними лапами вонзившуюся ему в горло ветку и быстрым движением, словно боясь, что он схватит ее за лапы, выдернула ее. Потом отбежала назад и, остановившись, стала разглядывать ветку от одного конца до другого. Она провела по ней два-три раза пальцами, помахала ею туда-сюда, потом снова подбежала к грау и с торжествующим рычанием вонзила ветку в его тело.

Чунги, в свою очередь, изумленно поглядели, потом взъерошились и, подскакивая и ревя, сошлись вплотную к поме и грау. До нынешнего дня никто из них еще не видел, чтобы чунг протыкал грау веткой. А пома, рыча и победно размахивая веткой, то вонзала ее в неподвижного грау, то снова вытаскивала и разглядывала от одного конца до другого. И все ревела и ревела, дико, победно, торжествующе...

А затем лес снова стал свидетелем того, чего ни разу не видывал за всю свою тысячелетнюю жизнь: пома сменила свой победный рев на частые, радостные всхлипывания, оперлась передними лапами на поставленную стоймя ветку и начала подскакивать и приплясывать на задних лапах. Вслед за нею начали всхлипывать и подпрыгивать остальные чунги, словно земля сама подбрасывала их. Многие из них схватили все, что им попалось в лапы, и стали швырять в грау, с каждым разом испуская дикий, торжествующий рев.

Чунги еще долго швыряли бы в грау и плясали вокруг него, если бы белое светило не исчезло и над изумленным лесом не опустились сумерки. Тогда они разбежались и забрались па деревья, и в вечернем сумраке обрисовывались их силуэты, угрожающе выпрямившиеся в ветвях; так оставались они всю ночь. Происшедшее заставило их забыть о том, что логовища нужно устраивать вовремя.

Всю эту ночь, едва пома засыпала, как ей нужно было защищаться от грау. Хищник все время прыгал на нее, его зубы приближались к ее горлу, когти вонзались в грудь и на лице ощущалось дыхание разинутой рычащей пасти. Глаза его сверкали злобным желтым огнем. Пома закрывала себе голову передними лапами, потом убегала, прыгая от дерева к дереву и стараясь взобраться хоть на одно из них, но все не могла подпрыгнуть и падала на землю навзничь, и грау снова кидался на нее. Потом, неизвестно как, в руках у нее оказывался толстый сук с острым концом и она швыряла его в пасть грау. Грау падал, и из пасти у него текла кровь, но потом он снова вскакивал и снова кидался на нее. Пома хотела реветь, но не могла и чувствовала, что он ее задушит, и тогда начинала скулить и дрожать от страха перед его грозно разинутыми челюстями. И каждый раз, когда она могла вот-вот заре-

веть, пома просыпалась и начинала успокоенно чмокать: в передних лапах у нее был сухой сук, которым был убит грау и острый конец которого был окрашен его кровью. А тогда, успокоившись, она снова засыпала.

СМЕРТЬ ДЕТЕНЫША

Сознание чунгов было похоже на решето с крупными отверстиями — в нем могло задерживаться только то, что покрупнее и поважнее. Познание одного предмета или явления было познанием именно этого предмета или явления. События для них чередовались или сменялись, не завися одно от другого. Мышление устанавливало факты, но не могло установить причинной связи между ними. Чунги не заключали и не объясняли: они только ощущали.

События и явления были для чунгов простыми и не нуждались в объяснении: довольно было, что они существовали. Поэтому чунги никогда не пытались разобраться в путанице необъяснимых явлений, а просто пропускали их мимо, ограничиваясь лишь тем, что видят и слышат.

Каждый отдельный случай имел для чунгов значение лишь сам по себе. Они не умели обобщать и, следовательно, не могли воспользоваться повторением благоприятных для их жизни случаев.

Пома поняла, что сук убил грау. Это само по себе было достойно удивления и любопытства. Но что тем же суком можно убить гри, тсиtси или крока, к такому выводу ее первобытное сознание не могло прийти. А кроме того, пома не могла даже подумать, каким образом этот же сук мог бы защитить ее в другом подобном случае. Она продолжала таскать с собой сук, спасший ее от грау, но таскала его не как осознанное средство обороны, а как предмет, постоянно дразнивший ее любопытство, как загадку, которую она старалась и никак не могла разгадать.

В конце концов она его бросила. Случай с грау выпал у нее из памяти, и сук перестал быть для нее интересным. Притом он мешал ей двигаться по земле и лазать по деревьям. Больше того: держа сук в передних лапах, она чувствовала себя более беззащитной, чем когда все лапы у нее были свободными. Поэтому, когда на ее детеныша неожиданно прыгнул гри, почти вырвав его у нее, единственным оружием у помы были только ее четыре лапы. И не сознавая, что гри достаточно силен и ловок, чтобы загрызть ее, она накинулась на него. Ее передние лапы обвились у него вокруг шеи, задние стиснули ему крестец и бока,— она словно срослась с ним.

Гри не ожидал подобной дерзости, не ожидал, чтобы на него напали, когда нападал он сам. Он ожидал, что пома убежит, как убегали обычно при его нападении все чунги. Но пома действовала по могучему велению материнского инстинкта, а не по осознанному чувству. И гри неожиданно увидел, что опутан ее лапами, захвачен в них как в тиски. Что-то пресекло ему дыхание прямо в горле. Со всей силой своего мощного, гибкого тела он подпрыгнул, подняв на себе пому, и оба забарахтались в стороне от маленького чунга. Гри наносил лапами быстрые, резкие удары, но ловил когтями только воздух: пома вцепилась в него со спины, и он не мог достать ее. И вдруг послышался сухой треск: лапы у гри упали и гибкое тело вытянулось. Страшно сильная физически, пома сломала ему позвоночник и пресекла дыхание.

По величине и силе гри не мог равняться с грау, но по гибкости и ловкости превосходил его. Кроме того, он всегда нападал молча: без рева, без рычания. Притаившись в ветвях дерева или припав к земле среди пышных трав, он, как молния, прыгал на проходящее мимо него животное. Так и в этот раз он прыгнул на маленького чунга, не ожидая, что пома посмеет напасть на него.

Но теперь гри дорого заплатил за свое нападение. А его когти и зубы совершили нечто непоправимое, чего пома не могла предотвратить. И пока он лежал на земле, задушенный, с переломанным позвоночником, маленький чунг как-то необыкновенно извивался. Лапы у него словно плясали. Он завывал, не открывая глаз, а из разодранной спины у него текла кровь.

Пома схватила его и унесла на дерево. Там она обняла его, осмотрела и вдруг начала быстро всхлипывать, а потом подняла голову и протяжно завыла. Ее лоснящаяся шерсть была в крови.

Несколько чунгов приблизились к ней вплотную и уселись на ветках. Они глядели на ревущую пому и на бьющееся у нее в руках тельце, тяжело вздыхали, наклонялись друг к другу и почесывались. Они понимали, что произошло, но ничем не могли помочь. Потом с помой остался только ее чунг; он угрожающе рычал на кого-то и смотрел на пому и детеныша, быстро мигая глазами.

Для чунгов смерть не существовала. Даже умирая, — своей ли смертью или в когтях у сильных, свирепых хищников, — они не знали, что умирают. Смерть имела значение для других животных, но не для них. Они очень хорошо знали, когда животное было мертвым и что значило мертвое животное, но обращали на него внимание лишь постольку, поскольку это их касалось. Об остальном они даже не пытались думать. Они знали, что мертвое животное не может на них напасть, и этого было довольно, чтобы не думать о нем больше. А если они все-таки страдали от силы и свирепости хищников, если убегали от них или

боролись, чтобы не быть съеденными, то причиной этому был не страх умереть и перестать существовать, а какая-то сила, лежавшая за пределами их сознания.

Поэтому пома не могла понять, что именно случилось с ее детенышем. Он был тяжело ранен зубами и когтями гри — об этом говорила его разодранная спина, и это само по себе было плохо. Но для ее сознания он был жив — бился, махал лапами, выл. А двигается — значит, живет. Следовательно, вопрос для нее сводился только к его выздоровлению. Когда и как? Таких вопросов для нее не существовало. Ибо жизнь чунгов была лишена осознанного начала, так же как и осознанного конца.

Наконец маленький чунг совсем успокоился и перестал трясти головой и лапами, но делал это не по своей воле. Пома перетаскивала его с места на место, подхватив передней лапой под мышки, таскала по деревьям и по земле, давала ему плоды, которых он не брал и не видел; смачивала ладонь и клала ему на израненную спину — единственный способ, которым чунги лечили свои раны.

Но рана от когтей пестро-серого гри загноилась, запахла, в ней завелись черви. Пома, внимательная и заботливая мать, слизывала червей языком и отгоняла лапами мух, ползавших по ране. Чунг повсюду следовал за нею, печально мигая глазами, серьезный и молчаливый; он не сознавал положения детеныша, но всегда был настороже, когда они спускались на землю, и всегда был готов раскрыть пасть для предостерегающего рева.

Наконец маленький чунг совсем успокоился и перестал трясти головой и лапами. И пома поняла — почувствовала, что это значит. Она заревела зловещим, отрывистым ревом и понеслась с ветки на ветку, с дерева на дерево, не переставая реветь. Чунги отвечали ей раз и два, а потеряв из виду, умолкали. Хвостатые чин-ги при ее появлении переставали кричать и прыгать и начинали скулить. А мертвое тельце маленького чунга болталось при ее прыжках, холодное и безжизненное, с повисшими лапами и головой.

Два дня и две ночи пома носила его, подхватив под мышки, и прыгала с ним по деревьям, не переставая реветь Ее частые крики не давали чунгам спать по ночам. Но запах, шедший от трупа детеныша, стал нестерпимым. Тогда чунг и пома спустились на землю и засыпали трупик сухими листьями и ветками. Потом они отошли на несколько прыжков, чтобы не так ощущать запах, и сели на землю. Странные, хриплые звуки сжимали горло поме; из глаз у нее по каплям струилась вода.

Чунг смотрел на нее, молча удивляясь и молча мигая своими маленькими глазами: страдания помы были ему непонятны.

БОРЬБА С РИ-МИ

Когда чунгу случалось умереть в присутствии других чунгов, последние начинали громко, протяжно реветь: смутная, неопределенная тревога охватывала их и угнетала их сознание. Сами не зная, зачем и почему, они заваливали труп ветками, а потом расходились, не интересуясь больше похороненным покойником. Впрочем, судьба умерших чунгов была всегда одинаковой: их поедали трупоеды хе-ни и ри-ми.

Запах, шедший от детеныша и отогнавший чунга и пому от могилы их первенца, привлек трупоедов ри-ми. В полумраке лесной чащи вокруг заблестели попарно яркие точки. Послышался тонкий, жалобный вой. Ри-ми собирались...

Ри-ми были небольшие робкие животные. Мимо них, не боясь нападения, мог пройти даже кроткий дже. Они скитались в лесу попарно, никогда не больше двух, и у них не бывало другой цели, кроме трупов животных, запах которых они чуяли издалека своими тонкими заостренными носами. И первые же два ри-ми, которым попадался гниющий труп мертвого зверя, поднимали тонкий, жалобный вой. Другие ри-ми, услышав его, шли в эту сторону, издавая такой же вой. Их слышали третьи и, в свою очередь, передавали дальше. И со всех сторон к обнаруженному трупу стекались сплошные потоки воющих ри-ми. Ничто больше не могло остановить их алчности: своей многочисленностью они становились даже опасными для грау. Они оспаривали друг у друга учуянную добычу, сзывали друг друга для общего дележа, а потом накидывались и рвали друг друга с такой же яростью, с какой до этого рвали гниющий труп.

...Количество блестящих в полумраке глаз увеличилось, и кольцо вокруг чунга и помы сузилось. Жалобный вой стал еще более резким и алчным. Но ри-ми все еще не решались нападать: у кучки веток, откуда шло привлекательное для их обоняния зловоние, сидели два крупных чунга. И ри-ми продолжали ждать, чтобы два крупных, сильных чунга ушли на деревья и оставили труп детеныша в их распоряжении.

Но чунг и пома, сидя спиной друг к другу, взъерошились и угрожающе рычали: они хотели защитить детеныша от такого быстрого съедения. Они словно решили, что скорее пусть будут съедены сами, но не позволят ри-ми съесть его. Не обращая внимания на запах, они подошли к кучке ветвей поближе и ждали нападения ри-ми.

Тем временем ри-ми стало уже много-много, а другие все подходили и подходили и вторили жалобному вою первых. И вот несколько ближайших кинулись вперед и, не взирая на опасность со стороны двух крупных чунгов, сунулись мордами в кучку веток. Пома мгновенно подскочила к ним, схватила одного из алчных хищников передними лапами

за голову, свернула ему шею быстрым, резким движением и, яростно взревев, далеко отшвырнула его. Потом сделала то же с другим. Остальные ри-ми отступили. Их алчный жалобный вой сменился недовольным визгом, когда они поняли, что двое чунгов решили не отступать. Тогда, в свою очередь, они решили напасть со всех сторон сразу.

И ри-ми напали со всех сторон одновременно. Не на чунга и пому, а на кучку веток, откуда шел манящий для них смрад от трупа маленького чунга. А так как чунг и пома не хотели уступать им этого лакомства, то, естественно, надо было напасть и на них. Один ри-ми вонзил острые зубы в ногу чунгу. Последний, схватив его огромной рукой за морду, оторвал от себя вместе с куском мяса, а потом, ревя от боли и ярости, свернул ему шею и со страшной силой швырнул его в других нападающих ри-ми. Двоих он убил одним ударом, другие отступили, но потом налетели снова.

Тогда началась настоящая битва. Чунг и пома едва успевали отражать нападения ри-ми и защищаться от их острых зубов. Но в крови у них пылала дикая ярость. Теперь они бились не за детеныша, а для того, чтобы утолить охватившую их ярость.

Ри-ми надеялись на свое количество, чунг и пома — на свою силу. Одни полагались на свои острые зубы, другие — на чудесную хватательную способность своих лап. Первые нападали, вторые защищались. И ни те, ни другие не намеревались отступать.

Но если силы чунга и помы имели свой предел и границу, то множество ри-ми было беспредельным. Их становилось все больше и больше, и вскоре чунг и пома оказались окруженными так, что не смогли бы отступить, если бы даже захотели. Тогда ярость у них притупилась, превратилась в страх и тревогу. И вдруг, погребенная под более поздними переживаниями, в сознании у помы возникла давно забытая картина того, как она защищалась от ми-ши.

Это был быстрый, мгновенный проблеск: на миг ей показалось, что сейчас на нее нападают не ри-ми, а ми-ши, — такое же впечатление произвело на нее количество ри-ми и такое же чувство страха и тревоги охватило ее. И под влиянием этого внезапно мелькнувшего воспоминания она вдруг наклонилась, выхватила у себя из-под ног ветку и изо всех сил махнула ею по наседающим трупоедам.

После нескольких ударов листья оборвались, остались голые сучья, махать которыми было гораздо легче. И произошло нечто такое, чего она не могла предположить и ожидать: при каждом быстром взмахе ветки многие ри-ми взвизгивали и падали неподвижно, многие отскакивали с еще более жалобным воем. Свист ветки, вой, визг, тупой хруст и яростный рев — все это слилось воедино.

Сознание у чунга было немного медлительнее, чем у помы; поэтому он был совершенно ошеломлен тем, что она сделала, и изумленно гля-

дел на нее. Это позволило нескольким ри-ми напасть на него. Он хрипло заревел, подскочил и, быстро взмахнув передними лапами, размозжил несколько голов, переломил несколько шей и отбил нападение. И под влиянием странной смеси подражания, инстинкта и внезапного понимания того, что сделала пома, он тоже наклонился, схватил ветку и, в свою очередь, начал колотить ею свирепо нападающих ри-ми.

Хищники поняли, что проигрывают бой: ветки в передних лапах у обоих чунгов метались во все стороны и обрушивались смертельными ударами на головы и спины врагов. Земля была усеяна трупами множества убитых ри-ми. И всякий из них, попытавшись приблизиться к кучке веток и к обоим чунгам, оказывался сбитым сильными взмахами этих веток.

Ри-ми перестали нападать, отступили, и кольцо их блестящих в полутьме глаз расширилось. Они подняли к небу острые мордочки и протяжно завыли: те, которые своею численностью прогоняли горбатых хе-ни, должны были признать себя побежденными и отступить.

А чунг и пома, выпрямившись у могилы своего первенца, стиснув в передних лапах по длинной ветке с оборванными в битве листьями, стояли вплотную друг к другу и дышали тяжело, но успокоенно. В пальцах передних лап у них появилось ощущение, которого они еще ни разу не испытывали: ощущение силы, непобедимости...

ГРАУ БЕЖИТ

Причины всех предметов и явлений чунги находили в нуждах своего собственного существования. Если в лесу были деревья, а на ветках у них плоды, то, по мнению чунгов, это было лишь для того, чтобы они могли спасаться от сильных, свирепых зверей и утолять голод. Если с неба падал дождь, то лишь для того, чтобы наполнять водою дупла и чтобы чунги могли пить, не спускаясь на землю. Других причин у предметов и явлений не было.

Они не останавливались на вопросах: почему на некоторых деревьях не бывает плодов, а только листья; почему, когда становится темно, белое светило исчезает с неба; почему одни животные питаются мясом убитых ими, а другие — только травой и листьями. Чунги не могли ответить ни на один из этих вопросов, потому что такие вопросы вообще не существовали для них.

Но они могли вполне ясно судить о последствиях какого-либо известного им явления. Например, они очень хорошо знали, что когда идет дождь, то дуплистые стволы наполняются водой, что на открытом месте можно промокнуть от дождя; что если с силой бросить орех о ствол дерева, то орех расколется; что если при встрече с грау чунг не успеет

взобраться на дерево, он будет убит и съеден. Таким образом, для чунгов предметы и явления, не имея причины, имели основания и последствия. Все остальное было лишь догадкой: то, чего не могло им открыть первобытное сознание, открывал инстинкт.

При нападениях со стороны ми-ши и ри-ми чунг и пома пользовались веткой бессознательно. Они действовали инстинктивно и случайно. Но если причинные объяснения лежали за пределами их первобытного сознания, зато последствия были вполне ясны. Если крепко зажать в передних лапах сломанный сук и, сильно замахнувшись, ударить им какое-либо животное, то это животное умрет. Этот вывод возник в сознании чунгов как внезапный проблеск и по своему значению не имел себе равных.

Впрочем, все это было не мыслью, а нестройным сплетением отдельных схожих случаев и их последствий. Было скорее мгновенным пониманием случившегося, неожиданной догадкой, охватом видимого.

Но и этого было довольно, чтобы весь лес и все животные в нем пришли в изумление: в просветах между огромными, беспорядочно разбросанными деревьями стали бродить два чунга, ничего не боясь, не желая знать о сильных, свирепых хищниках. Крупные, широкоплечие, они двигались, выпрямившись, на задних лапах, а в передних держали по длинному суку. С приплюснутыми, ушедшими в плечи головами, с безобразными красноватыми лицами, со впалыми блестящими глазами и могучими челюстями, они были страшны, когда замахивались суком на всякого встретившегося им зверя и издавали яростный рев.

Один гри набросился на них и стал бороться с ними не на жизнь, а на смерть, но когда боролся с одним, другой раздробил ему голову ударом своей палицы. Гри упал и больше не повторял нападения. Один ланч был убит всего несколькими ударами. Незавидной была участь другого гри: он разинул пасть, но не успел укусить их, как упал с перебитым позвоночником.

Словно какая-то бешеная злоба охватила этих двух чунгов, ибо они с безрассудной смелостью вступали в борьбу со всякими, случайно встретившимися или обнаруженными в логовище хищниками. И какимто необъяснимым чудом палицы у них в передних лапах взлетали над хищником, и тот падал с раздробленной головой или с переломанной спиной. А двое чунгов, не обращая внимания на кровавые раны, полученные ими в этих жестоких битвах, бродили среди деревьев с утра до вечера. У помы это было выражением неутолимого и несознаваемого мстительного чувства, порожденного смертью детеныша и обманутым материнством.

Странное бесстрашие чунга и помы увлекло и других чунгов, и они снова спустились на землю. В первое время, не понимая, зачем чунг и

пома носят ветки в передних лапах, они тоже схватили по ветке, но потом бросили как помеху в передвижении по земле. Вскоре то же сделал и чунг. И только пома, одна из всех, продолжала носить с собой толстый сук и ходила только на задних лапах, так что часто отставала от остальных.

Привлеченные удобствами и изобилием пищи на земле, непреодолимо притягивавшей их, увлекаемые безрассудной смелостью чунга и помы, чунги во множестве спустились с деревьев и двигались сплошной стаей. Испуганные их численностью, многие сильные, свирепые хищники убегали при одном их появлении. Стали убегать те самые звери, которые раньше только нападали. А от этого чунги стали еще более смелыми и дерзкими.

Как-то случилось, что перед ними неожиданно выскочил вонючий жиг. Пораженный их численностью, он выпучил на них испуганные глаза, а потом вдруг взмахнул длинным хвостом и убежал. Чунги подгоняли его радостными криками: не потому, что могли или хотели настичь его, — жиг и без того никогда не осмеливался нападать на них, — а потому, что не могли подавить чувства необыкновенного восторга и радости, увидев, как хищник убегает от них.

А когда чунгам удалось подразнить мута, они впали в такое состояние, какое бывало у длиннохвостых чин-ги. Они быстро окружили его, махали на него передними лапами и громко всхлипывали. Разъяренный этим всхлипыванием и движениями их лап, мут завертелся, выбирая, в какое из этих досаждающих существ вонзить свой страшный рог, а потом бешено кинулся на них. Чунги кинулись во все стороны и забрались на деревья. Близорукий мут, сопя, пробежал совсем близко, но не заметил их и не ударил страшным рогом, а только взрыл землю своими тяжелыми, твердыми копытами. Чунги запрыгали ему вслед и снова громким всхлипыванием привлекли его внимание и заставили вернуться. С яростными, налитыми кровью глупыми глазами мут снова кинулся на них, а чунги снова попрятались на деревьях. Эта бесполезная погоня то вперед, то назад продолжалась до тех пор, пока усталость не победила глупую ярость мута. Он остановился, задыхаясь и покачиваясь, вывесив длинный красный язык. Чунгам надоело дразнить его, они забыли о нем и ушли.

Однажды среди деревьев перед ними мелькнуло пестро-серое тело гри. Охваченные смешанными чувствами страха и отваги, чунги сбились в густую толпу, разинули свои широкие пасти и заревели во все горло. Поза гри выразила удивление — такого случая с ним еще не бывало. Для него было несомненным, что всякий раз, когда он появится и нападет, чунги должны убегать.

Вдруг, неожиданно для всех, пома выскочила вперед и двинулась к нему короткими высокими скачками, размахивая толстым суком, за-

жатым в передней лапе. В следующий миг за нею поскакал и чунг, а за ним и все остальные, яростно ревя и коротко подскакивая.

Удивление гри превратилось в нерешительность, нерешительность — в тревогу. Чунги явно намеревались поймать его и задушить передними лапами... И он поджал хвост и убежал, провожаемый яростным ревом чунгов. Так жестокий, кровожадный, опасный хищник был прогнан спустившимися на землю чунгами. И оттого они стали еще смелее.

Сознание помы смогло связать отдельные случаи защиты веткой в единую цепь, и у нее возникла догадка, что веткой можно убить всякого зверя, ударив его по голове или по спине. А отдельные случаи этой защиты были ясны сами по себе: однажды она убила грау, во второй раз спаслась от нападающих ри-ми, убив множество их, а теперь от нее убежал и кровожадный гри. Значит, веткой можно не только убить, но и прогнать зверя.

Поэтому своей смелостью она превосходила всех чунгов, вместе взятых: в то время как прочие чунги при нападении чудовищно сильного, разъяренного мута разбежались и попрятались по деревьям, пома дождалась его нападения и замахнулась веткой перед самыми его глазами, ударив по рогатой морде с такой силой, что она издала тупой звук. Но вразрез с тем, чего она ожидала, мут взревел, подбросил ее своим страшным рогом раз, два, три раза, а потом начал топтать ее и швырять по земле. И пома ясно поняла, что теперь ей не поможет ни ее сила, ни ветка, ни чудесная способность хвататься всеми четырьмя лапами. От ужаса и боли она забыла не только о ветке, но и обо всем остальном.

На миг чунги остановились как вкопанные: неожиданность того, что случилось с помой, ошеломила их. Никто из них не ожидал, чтобы мог найтись чунг, осмеливающийся встать перед разъяренным мутом, или чунг, не могущий избежать нападения глупого рогача. Потом, побуждаемые догадкой о том, как спасти пому, они заревели и запрыгали, чтобы отвлечь внимание взбешенного мута от помы. Некоторые пробегали у самой его морды, громко крича при этом, и исчезали.

Разъяренный зверь оставил пому, вперил в ближайших чунгов налитые кровью глаза и, как чунги и ожидали, кинулся за ними. Чунги мигом разбежались и скрылись среди деревьев. Дальние ревом и прыжками подманивали его к себе, отвлекая от помы. Другие подманили его еще дальше. И пома была спасена от верной смерти, от смерти под страшным рогом и твердыми копытами грузного мута.

Но она дорого заплатила за свою смелость: грудь у нее была изорвана, бедренная кость одной задней лапы оголена на длину целой ступни, кисть другой задней лапы размозжена, правое плечо ободрано. Кровь заливала ей лицо, пальцы, шерсть. Сознание мутилось от страшной боли. Она лежала на земле, кости и мясо у нее были раздроблены, она не могла даже приподняться и сесть.

Чунги собрались около нее тесным кругом, урча и мигая глазами. Смотрели и ждали, когда она умрет, чтобы тогда забросать ее ветками и протяжно зареветь.

В это время к столпившимся чунгам подкрадывалась все ближе и ближе огромная рыжая тень голодного грау. Хищник тихонько ступал мягкими лапами и крался между деревьями и кустами совсем бесшумно, не отрывая от чунгов злобного взгляда. Он старался сдержать мурлыканье, с которым предвкушал удовольствие прыгнуть на ближайшего чунга и впиться ему в горло зубами.

Но когда грау был уже совсем близко от них, а они его еще не заметили, его охватила какая-то нерешительность. Он еще раз окинул их взглядом и увидел вполне ясно целое скопище чунгов — столько, сколько ему еще не встречалось. Удивляясь и не решаясь, он смотрел на

них и уже подбирался для прыжка, но не прыгнул, а только слабо, нерешительно зарычал. В этот миг один из чунгов увидел его, и из груди у него вырвался громкий рев. Чунги сразу вздрогнули, обернулись к нему, и кровь застыла у них в жилах.

Грау был так близко, что если они решатся повернуться к нему спиной и побежать, он сразу же сможет прыгнуть на спину к любому из них. А так, лицом к лицу с ним, они смогут защитить себе горло передними лапами, когда он прыгнет на них. И они остались неподвижными, устремив взгляды на свирепого хищника, который все еще не прыгал на них, а только сдавленно рычал.

Это длилось недолго, но чунгам показалось, что времени прошло много-много. Потом, скорее инстинктивно, чем по преднамеренному решению, чунги сбились в плотную толпу, прижались друг к другу могучими телами. Но никому и в голову не приходило поискать для защиты ветку или наклониться и взять сук, который носила пома. Потом они все вдруг громко заревели и густой толпой двинулись к хищнику, размахивая передними лапами.

Никогда еще лес не видел такой картины: чунги нападали на грау. Никогда ни одно животное не видело ничего подобного: чунги пошли на грау. Сам грау не помнил ничего такого. Жестокому хищнику это показалось совсем непривычным, даже невозможным. Он смотрел и не мог поверить: вместо того чтобы убегать, чунги шли на него.

Но то, что казалось грау невозможным, было для чунгов единственной возможностью спастись: они должны были испугать хищника своей численностью, а для этого — действовать совместно и дружно. И потому, собравшись вместе, вытянув короткие шеи вперед, разинув пасти и грозно ревя, они продолжали надвигаться на грау.

И вот грау, перегрызавший горло самым сильным животным, задушивший душителя тси-тси, наводивший ужас даже на исполинских хохо, этот самый грау, всевластный и жестокий повелитель обширного тысячелетнего леса, не прыгнул вперед, а начал отступать назад.

А два десятка чунгов, которые не могли ожидать, что он испугается и убежит, заревели еще грознее, замахали еще сильнее передними лапами и запрыгали, чтобы стать еще страшнее с виду. И вдруг грау быстро повернулся и побежал.

Тогда чунги заревели еще громче, и их туловища бешено заметались во все стороны: грау бежит! Радостно ревя во все горло, они вскачь помчались вдогонку за хищником, чтобы прогнать его далеко-далеко и навсегда. Никто из них не вспомнил о поме, которая осталась совсем одна, израненная, истоптанная, окровавленная, совсем беспомощная. Сейчас ее мог бы загрызть не только гри или грау, но и маленький вонючий жиг.

ВЕРНЫЙ ЧУНГ

Вокруг помы наступило то предвечернее затишье, когда звонкие голоса певчих кри-ри уже смолкают, а голосов зловещих бу-ху еще не слышно. Предчувствуя скорое наступление темноты, она попробовала подняться, но сильная боль в разорванных мускулах и раздробленных костях заставила ее снова свернуться клубком. В этот момент, скорее внутренним чувством, чем слухом, она уловила присутствие чунга, вернувшегося к ней по какому-то велению, сильнее его воли. Он бродил вокруг нее и беспокойно ворчал, так как обычно они не ночевали на земле... Может пройти хо-хо, может вернуться грау или проползти тси-тси... Как он сможет защитить ее от них?

Свет побледнел и стал гаснуть. Деревья слились в сплошную непроглядную массу. Лишь тогда пома, не в силах выпрямиться, потащилась по земле: страх остаться ночью на открытом, незащищенном месте оказался сильнее и боли и слабости. В сопровождении чунга она подползла к высохшему стволу, внутренность которого, сгнившая и выеденная червями, образовала дупло с узким отверстием. Она с трудом протиснулась в это отверстие, ободрав оставшуюся целой кожу, чихнула дважды от поднятой ею пыли, а потом снова застонала и заскулила.

Чунг попытался тоже влезть туда, но это оказалось невозможным: он был крупнее помы, и дупло было слишком тесным для него. Он прищурился, осматривая дупло, ощупал края, словно ища способ расширить узкую трещину, обошел вокруг дерева несколько раз, потом беспомощно присел у тесного дупла и завыл, но никто ему не ответил.

Потом чунг поднял голову, поглядел на отверстие, в котором скрылась пома, и его вой сменился ворчанием; быстро и ловко он влез на дерево и, укрывшись в его высохших ветвях, просидел так всю ночь, прислушиваясь к шагам, раздававшимся на земле вокруг дерева.

Как-то у дупла остановился, принюхиваясь, жиг. Чунг сверху грозно зарычал на него. Испуганный неожиданным рычанием, жиг взмахнул длинным хвостом и быстрыми прыжками скрылся. Двое ри-ми заблестели глазами из темноты и жалобно завыли. Чунг зарычал и на них, и ри-ми быстро убежали, поджав хвосты. В дупло заглянул па-ко, но тотчас же испуганно отскочил: сверху раздался грозный рев, потом сухой треск, и со ствола дерева кто-то швырнул в него толстой веткой. Шерсть на шее у па-ко взъерошилась, он угрожающе зарычал, поглядел вверх и встретил блестящий взгляд другой пары глаз — глаз чунга. Чунг взмахнул передней лапой, и на па-ко упала еще одна ветка. Испуганный неожиданным нападением, па-ко убежал, рыча глухо и предостерегающе.

Наконец стало светать, и чунг успокоился. Вылетели из гнезд кри-ри, перекликаясь тонкими голосами. Га-ри прорезали воздух хриплым

карканьем. С высоких деревьев донеслись крики шаловливых чин-ги. Чунг слез с дерева, присел у тесного отверстия дупла и заглянул внутрь. Пома перестала стонать и скулить и тяжело дышала.

Весь этот день и следующую ночь пома пролежала в дупле, но на другой день высунула голову наружу. Плоды, которые чунг забрасывал ей в дупло, не могли больше утолять появившуюся у нее жажду. Она выползла из дупла, подползла к сочным листьям одного куста и, лежа на земле, начала жевать и сосать их.

Кровь у нее на ранах уже засохла и почернела. Потому ли, что боль в них уменьшилась, или потому, что стала уже привычной, но пома смогла приподняться. Потом она подняла голову, озираясь прояснившимися глазами. Потом глубоко, тяжко вздохнула, словно проделала большой путь.

В это время между деревьями показались несколько добродушных хо-хо; они лениво болтали из стороны в сторону длинными хоботами и шевелили огромными ушами. Чунг вскочил и побежал к ним, так как хо-хо шли прямо на пому и могли растоптать ее — не по злобе, а просто по невниманию. Желая отвлечь их в сторону, чунг подбежал и начал прыгать и всхлипывать перед ними, но хо-хо, не обращая на него внимания, продолжали идти прямо на пому. Чунг перебегал то в ту, то в другую сторону, все усерднее прыгая и всхлипывая, но вместе с тем неуклонно отступал перед ними. В момент полной безысходности и беспомощности перед этими огромными животными, видя, что все усилия отклонить их остаются напрасными, он остановился вплотную перед ними и громко зарычал. Хо-хо на миг задержались, хоботы у них угрожающе зафыркали, но потом они неуклюже двинулись прямо на него.

Чунг отбежал в сторону, потом кинулся к поме, дважды обошел вокруг нее и снова запрыгал и заскулил. Пома завертелась и с величайшими усилиями подползла к дуплистому стволу. Но избежать встречи с хо-хо было уже нельзя. Она увидела их огромные туши прямо перед собой, и не зная, что делать, как спастись, свернулась в клубок у самых их ног. Чунг отскочил от нее и с жалобным визгом побежал прочь.

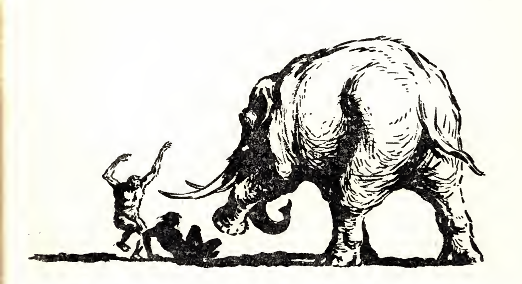
Хо-хо был самым крупным и самым сильным животным в лесу. У него не было врагов, кроме ми-ши, но и сам он не был врагом никому. Больше того, животные, питавшиеся травой и листьями и побегами кустов, искали его соседства, так как при нем чувствовали себя в большей безопасности от нападения гри или грау. Где бывал хо-хо, туда гри и грау не смели явиться. Чунги глядели сверху на это странное содружество и одобрительно мигали: все эти животные не только не нападали на них, но и сторонились, когда они спускались на землю.

Но сейчас пома непременно будет растоптана грузными хо-хо. Они не пожелали изменить направления и оставили без внимания прыжки и всхлипывания чунга.

Но вдруг первый из хо-хо, уже поднявший ногу над помой, сразу остановился, поднял хобот и тревожно фыркнул. Удивленно, с любопытством глядя на съежившуюся, скулящую пому, он постоял в нерешительности, потом, словно ничего не случилось, повернул свою громоздкую тушу и прошел мимо в нескольких шагах от нее. Следовавшие за ним хо-хо, в свою очередь, останавливались перед помой, поднимали хоботы, потом медленно сворачивали в сторону и уходили. Так прошли все эти добродушные великаны, и пома не была раздавлена их неуклюжими шагами.

В один из последующих дней пома, мучимая жаждой, потащилась дальше между деревьями, почти ползком. Чунг следовал за нею в некотором отдалении. Она нашла широкий спокойный ручей и не стала черпать воду лапами, а наклонилась и стала жадно лакать. Потом она обмакнула ладонь в воду и начала смачивать свои раны. Так она лечилась целый день, а когда стало смеркаться, потащилась обратно и заползла в дупло. Чунг снова забрался на сухой ствол: там было достаточно широкое и удобное логовище.

Ослабев от сильной потери крови, от множества ран и переломов, от страха перед свирепыми хищниками, пома много ночей пролежала в дупле и только днем осмеливалась выползать за водой или за пищей. Открытые раны ее привлекли множество мух, окружавших ее целой

тучей и причинявших ей невыносимый зуд. Чтобы спастись от них, она забиралась в густые заросли, подбирала опавшие с деревьев сухие листья и налепляла их на раны. Мысль о ветке как о верном и непобедимом средстве обороны словно навсегда исчезла у нее из памяти: она ни разу не протянула лапу за веткой, даже лежа. Может быть, этого не позволяла ей сделать слабость, а может быть, у нее пропала вера в дерево как средство защиты. Она не убила налетевшего на нее мута. Дерево не спасло ее от его страшного рога и твердых копыт.

Некоторые из ее ран закрылись. Ободранное плечо присохло. Широкая борозда на груди, сделанная страшным рогом мута, стянулась. Но рана на задней лапе, доходившая почти до бедренной кости, оставалась открытой, а все пять пальцев на раздробленной кисти этой лапы были вовсе неподвижными. Мало-помалу она научилась сидеть, но когда ей нужно было переправляться с места на место, она двигалась ползком или сильно прихрамывая. Ни о прыжках, ни о лазанье по деревьям нечего было и думать.

Чунг словно понимал ее полную беспомощность и продолжал охранять и защищать ее от опасностей. Его заботливость выражалась в том, что он предупреждал ее, когда нужно было вползти в дупло и притаиться; в том, что он отвлекал внимание какого-нибудь свирепого хищника на себя самого, а потом прыжками и всхлипыванием заманивал в другую сторону. Такое подманивание было очень опасным для него, но он был достаточно быстр и ловок, чтобы ускользнуть из-под самой морды преследователя. И потом какая-то неизвестная сила, о которой он не имел представления, толкала его на самые рискованные действия, чтобы отстранить опасность от помы. А пома, словно вполне ясно и сознательно понимая, что он делает это все для нее, смотрела на него глазами, в которых светилась невыразимая благодарность и преданность.

СМЕРТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

Однажды, когда пома сидела у широкого ручья и смачивала водой глубокую рану на задней лапе, густо сплетенные травы позади нее зашелестели и расступились. Она вмиг обернулась и тревожно зарычала: над травой поднялась, покачиваясь из стороны в сторону, чешуйчатая голова тси-тси. Взгляд его стеклянных глаз пронизывал пому насквозь; из закрытого рта высунулся, трепеща, тонкий язык.

В природе тси-тси странно сочетались два противоположных качества: внезапность и леность. Поэтому при встрече с ним никакое животное не могло предугадать его намерений. Тси-тси мог продолжать лениво лежать, даже когда ему наступали на хвост, но мог и наброситься на любое животное без всякого повода, даже не желая знать, кого он,

душит. Он мог задушить и такое животное, какого ни в коем случае не мог заглотать, ибо тси-тси заглатывал свою добычу целиком.

Появление тси-тси не вызывало у чунгов такой тревоги и страха, как появление грау или гри. По земле тси-тси ползал не так быстро, чтобы догнать легко прыгающего чунга. А на деревьях он был еще медлительнее, и чунгу достаточно было перепрыгнуть с одной ветки на другую, а потом на третью, чтобы заставить тси-тси отказаться от бесполезной погони. Поэтому чунги пользовались всяким случаем, чтобы встретить тси-тси и подразнить его, как они дразнили мута, хотя никто из чунгов не смел выступить против тси-тси в открытой борьбе, ибо тси-тси мог бы задушить даже мута.

Чунг, взобравшийся на дерево на расстоянии около пятнадцати прыжков, услышал рев помы и быстро спустился на землю. Прыгая на четвереньках, он приблизился, увидел тси-тси и остановился, присев. Душитель словно не заметил его и продолжал покачивать плоской головой над травяными стеблями, не отрывая стеклянного взгляда от ревущей помы.

В другое время чунг преспокойно забрался бы на дерево или подразнил бы тси-тси издали, не рискуя испытать на себе силу его холодных чешуйчатых колец. Но в сознании у него прочно укоренилась мысль, что пома подвергается страшной опасности, что плоскоголовый может задушить ее. А тси-тси тем временем подполз еще ближе и находился теперь вплотную от помы.

Тогда чунг, не обращая внимания на опасность, которой подвергается, быстро прыгнул вперед, очутившись между тси-тси и помой, разинул пасть и громоподобно заревел. Тси-тси словно не слышал его, продолжал покачивать плоской головой и трепетать длинным тонким языком. Но глаза его перешли с помы на вставшего перед ним чунга. Два острых взгляда встретились, впились друг в друга. И время остановило свой ход, застыло в мертвой неподвижности. Вместе с ним застыли в мертвой неподвижности и чунг и тси-тси.

Вдруг тси-тси собрал многочисленные позвонки своего длинного гибкого тела и бросился на чунга. В тот же миг чунг вытянул передние лапы и вцепился в шею тси-тси. И оба, крепко переплетаясь, некоторое время стояли неподвижно, потом покачнулись и упали, не зная, кто кого поборет, кто кого победит.

Тси-тси все умножал свои кольца вокруг тела чунга, и вскоре тот скрылся под ними. Чунг чувствовал, что теряет опору и силы в неравной борьбе: тси-тси обвил ему задние лапы, обвился вокруг груди, затрудняя дыхание, и набросил еще одно кольцо ему на шею.

Чунг невольно втянул голову в плечи; от боли и недостатка воздуха в глазах у него потемнело. Подчиняясь лишь слепому жизненному инстинкту, он отпустил шею тси-тси, растопырил пальцы и начал шарить ими по

земле в поисках опоры. Это дало тси-тси возможность обвить еще одно кольцо вокруг тела и при этом прихватить одну переднюю лапу. Из четырех лап у чунга осталась свободной только одна. Высунув ее из чешуйчатых колец, он продолжал искать опоры на земле, хватаясь за обломки веток, за траву, собирая комки сухих листьев, вонзаясь пальцами в землю.

Эти движения не имели никакой связи с сознанием — это были словно корчи перерезанного червяка. А тси-тси стягивал свои кольца вокруг шеи и груди чунга все сильнее и сильнее.

Все это время пома беспомощно глядела на два борющихся, сплетенных насмерть тела. Только услышав тяжелое хрипение чунга, она подползла к борющимся, схватила тси-тси за хвост и впилась в него широкими зубами. Это было единственное, чем она могла помочь чунгу.

Неравная борьба подходила к концу. От боли, от недостатка воздуха чунг начал терять сознание. И вдруг свободная лапа его вцепилась в какой-то твердый, неподвижно вросший в землю предмет и изо всех сил стиснула его длинными, гибкими пальцами. В это время тси-тси, почувствовав зубы помы, глубоко впившиеся ему в хвост, стянул свои кольца, задвинулся и откатился на несколько шагов. При этом чунг, которого он оттащил, почувствовал, что твердый предмет оторвался от земли и остался у него в пальцах.

Почти лишаясь сознания, чунг размахнулся и начал осыпать чешуйчатое тело тси-тси беспорядочными ударами этого предмета. Движения у него были конвульсивными. Удары падали чаще всего туда, где давление было сильнее. Это было последнее проявление инстинкта самосохранения: если бы в пальцах у чунга ничего не было, он наносил бы эти удары просто лапой.

Чунг не знал, сколько ударов он нанес тси-тси, не видел последствий этих ударов. Он только чувствовал, что тиски, охватившие его грудь, ослабели и что дышать ему стало легче. Оттого и сознание у него прояснилось. И тогда, уже с сознаваемой бешеной жаждой жизни, он начал наносить твердым предметом все более частые удары и ощутил, как этот предмет врезается в чешуйчатое тело душителя и как пальцы увлажняются чем-то липким. Тси-тси совсем ослабил свои кольца, развернулся, дернулся и весь вытянулся на земле.

Усталый, с вышедшими из орбит глазами, еще задыхаясь, чунг распростерся ничком, совершенно обессиленный, но все еще стискивая в пальцах твердый предмет.

Когда силы и сознание вернулись к нему, он поднял голову и устремил мутный взгляд на тси-тси. Тело у душителя было во многих местах пробито, а из ран сочилась бледно-красная кровь. Чунг перевел глаза на мокрый от крови предмет, стиснутый у него в руке, потом на тси-тси и снова на предмет, на камень с острыми краями. Будто не доверяя самому себе и тому, что видит, он поднес камень к глазам, ощупал его со всех сторон, потом снова уставился на тси-тси. Глаза у него расширились, блеснули странным, необъяснимым испугом, потом отразили просветление, наступившее в простом, первобытном, примитивном сознании. И словно не веря своему внезапному просветлению, он замахнулся камнем над распростертым тси-тси. Острый камень врезался в чешуйчатое тело. Чунг весь взъерошился, стал огромным и косматым, в горле у него стеснились странные, никогда еще не произносившиеся звуки. Потом он наклонился над трупом тси-тси и принялся наносить ему удар за ударом. Заостренный камень погружался в мягкое тело тси-тси почти до самого кулака чунга.

НЕИЗВЕСТНЫЙ УЖАС

Чунги продолжали блуждать по земле и только вечером забирались на деревья. Сильные, злобные хищники встречались в лесу еще редко, да и чунги двигались всегда большими группами, и почти никто не осмеливался иападать на них.

Но пришло время, когда этих зверей стало много и их рев стал доноситься со многих сторон сразу. Так, однажды два грау накинулись

на небольшую стаю чунгов одновременно. Ошеломленные неожиданностью, чунги убежали и кинулись на деревья. Грау догнали одного из них, и после недолгой обороны чунг захрипел с перегрызенным горлом. Хищники оставили его полуобглоданным, а остальное довершили хе-ни и ри-ми.

В другой раз многочисленная стая хе-ни окружила двоих взрослых чунгов с детенышем и напала на них. Первые хе-ни, наскочившие на чунгов, погибли в их передних лапах и упали с раздробленными головами, с переломанными спинами и свернутыми шеями. Но остальные хе-ни во множестве налетели на чунгов со всех сторон и победили их. Оба взрослых и детеныш были съедены.

В другом месте целое стадо жесткощетинистых гру-гру, неизвестно чем озлобленных и разъяренных, напало на группу чунгов, и чунги прибегли к единственному возможному способу спастись: быстро полезли на деревья.

С каждым днем чунги видели, что их сгоняют с земли, с каждым днем опасность на земле для них увеличивалась. Но они уже не могли и не хотели окончательно отказаться от нее. Запахи земли опьяняли их, ее плоды привлекали неотразимо. И они стали собираться во все бо̀льшие стаи, чтобы никакой грау не смел на них напасть.

Только чунг и пома оставались одни, предоставленные самим себе. Пома не могла ни следовать за другими чунгами, ни лазать по деревьям, а чунг, подчиняясь неизвестному, несознаваемому закону, оставался с нею.

Боясь, что ее задушит тси-тси или растопчет мут, пома целыми днями оставалась в дупле, питаясь лишь немногими плодами, которые бросал ей снаружи чунг. Голод и жажду переносить было легче, когда она чувствовала себя безопасной в своем убежище. Мысль о помощи, которую чунг смог бы оказать ей в другом подобном случае, не занимала ее. Случай с камнем не был ее личным переживанием, и потому она не имела к нему отношения. Этот случай был пережит чунгом, для него он и был важен.

Но и для чунга случай с камнем вскоре перестал иметь значение. Сознательные поиски были ему чужды, он знал только случайные открытия; но образ его жизни был так прост, а сознание так примитивно и ограниченно, что случайному открытию нужно было повториться много-много раз, чтобы он мог прийти к общему выводу и к сознательному применению этого вывода. Он находился под властью инстинктов, а инстинкты упрощали все, что ему встречалось. Для него было проще и целесообразнее полезть на дерево, где его не достанет никакой опасный хищник, чем вступать с хищником в борьбу и убивать его суком или камнем. Случай обороны острым камнем не запомнился ему; некоторое

время он носил камень с собою как игрушку, но потом забросил как нечто совершенно ненужное.

Таким образом, момент краткого просветления был погребен под господствующими в его природе инстинктами, и чунг позабыл о своем случайном открытии. Он научился только быть еще бдительнее и осторожнее, спускаясь на землю.

Между тем пома поправлялась и выздоравливала, но ее выздоровление шло очень, очень медленно. О лазанье по деревьям нечего было и думать. Пальцы на раздавленной лапе не могли сжиматься и оставались более или менее одеревенелыми. Она пользовалась исключительно пальцами другой лапы как для хватания плодов, так и для опоры при ходьбе. Одна задняя лапа была вовсе неподвижна вследствие глубоко разорванных мускулов, а рубцы на плече и груди затрудняли движения у одной из передних лап. Для обороны она могла рассчитывать только на свое дупло и на силу чунга. Но следы хищников вокруг дупла изо дня в день множились. И в конце концов, несмотря на все хитрости, к которым прибегал чунг, чтобы отвлечь внимание хищников от ее убежища, она непременно погибла бы. Но тут какая-то странная духота легла над целым лесом и повергла животных в неведомую тревогу.

Они уловили ее прежде всего обонянием: в воздухе, которым они дышали, разливался какой-то незнакомый, едва уловимый запах. Животные начали неожиданно выскакивать из своих логовищ, озираться во все стороны, рычать и реветь. Никто не решался нападать ни на кого, но на всех нашло предчувствие чего-то страшного, что должно приблизиться и погубить их всех.

Тяжкую духоту принес слабый ветер, такой слабый, что едва зашевелил листья на вершинах деревьев. Высокое голубое небо стало сначала рыжевато-желтоватым, потом пепельно-серым и нависло низко над лесом. Белое светило перестало озарять зеленые вершины утром и проходить по небу от края до края. Вечером огненно-белые и красные звезды не смотрели на землю, мигая блестящими ресницами. А когда наступала ночь, лес окутывался тяжелым, неподвижным мраком. И так — много дней подряд.

Потом ветер, принесший такую духоту, усилился настолько, что вершины деревьев закачались. Лес беспокойно загудел. И этот беспокойный, сдавленный, смутный гул спутал животных, словно сетью. Они убегали, возвращались, прятались, выскакивали и снова бежали. Они кружились и метались, словно запертые в огромной клетке, из которой хотели вырваться, чтобы вздохнуть свободно.

Неведомая тревога передалась и чунгам. Они перестали прыгать по земле и по веткам, присели, поднимая головы и вертя ими во все стороны, и настойчиво внюхивались. Темный страх, порожденный предчувствием неведомого, грозящего им гибелью ужаса, сжал им сердца и вы-

теснил оттуда страх перед крупными, сильными хищниками. Слитный грозный рев мечущихся зверей не пугал их, как раньше. Если мут ломал кусты своим грузным телом, если грау ревел, чунги не свешивали голов между ветвями, чтобы глядеть со смешанным чувством страха и любопытства. Вместо того они поднимали головы к мутному, низко нависшему небу, словно гадая по нему о предстоящем. Ранее жадные к пище, они теперь проходили мимо осыпанных плодами веток, не трогая их, не облизываясь при их виде. Только сильный голод заставлял их есть, и они грызли сочные плоды без всякого удовольствия.

Ночи стали для чунгов мучительно тяжелыми. Напрасно пытались они уснуть спокойно, как раньше: неведомая тревога будила их каждую ночь, и они вскакивали неожиданно для самих себя, собирались большими группами; одни из них скулили неизвестно отчего, другие рычали неизвестно на кого. Маленькие хвостатые чин-ги толпились вокруг них и, вместо того чтобы радостно, наперебой кричать, тревожно и прерывисто скулили, испуганно мигая маленькими глазками. Они чувствовали, что присутствие крупных бесхвостых родичей будет для них самой лучшей защитой от неизвестного ужаса.

Сидя на земле, вытянув неподвижную лапу, пома слушала глухой сдавленный шум встревоженного леса и тяжело вздыхала. Она внюхивалась в воздух и все время вслушивалась в быстро приближающиеся и быстро отдаляющиеся шаги животных. Многоголосый рев еще более усиливал ее тревогу, и эта тревога заставляла ее вертеться во все стороны, пытаться встать. Но боль от незаживших ран была сильнее, и пома продолжала ютиться в тесном дупле, под защитой только своего верного чунга.

Чунг неустанно бодрствовал над нею, готовый встретить Неизвестное. Рев и шаги свирепых, сильных хищников не пугали его. Сам не зная как и почему, он был уверен, что хищники не страшны ему, ибо сами напуганы общей для всех опасностью. Поэтому ночью он спускался на землю и становился у входа в дупло, вытянув вперед жилистые лапы, растопырив пальцы, готовый отразить нападение неведомого ужаса.

Непрестанно усиливающийся ветер доносил еще более тяжкую жару. Вода из древесных стволов испарялась. Листья начали увядать. Реки мелели и усыхали, оголяя тинистые берега. Длинные черные тела отвратительных кроков заметались во все более мелеющей воде, щелкая страшно разинутыми челюстями, и вперегонку мчались неизвестно куда. Животные столпились по берегам пересыхающих рек — только там и можно было найти воду, чтобы напиться. Они постоянно пили и постоянно испытывали жажду, и шкуры у них были все время мокры от пота.

Пома больше не могла оставаться в дупле: плоды, которые чунг продолжал бросать ей снаружи, больше не были в состоянии утолить ее жажду. Верный инстинкт направил обоих к берегу ближайшей реки. Деревья позади них столпились и закрыли пройденный ими путь.

Однажды утром чунг и пома заметили, что на листву деревьев стала падать мелкая светло-серая пыль. Ветер носил ее целыми тучами по небу, разметывая над лесом и рассыпая по деревьям. Эта редкая пыль попадала животным в ноздри, налипала на влажные морды, и оттого им приходилось постоянно чихать и кашлять. Вскоре весь лес был окутан этой мелкой светло-серой пылью, которая непрестанно сыпалась сверху, придавая небу темно-серый цвет. Потом запах усилился и в нем появилась какая-то особая резкость, напоминавшая резкий запах деревьев, подожженных огненными стрелами.

Позднее, вечером, забравшись на вершины деревьев, чунги увидели, что горизонт, за которым скрывалось белое светило, засиял отдаленным красноватым отблеском. Это не было светом ни белого светила, ни огненных глаз, мигающих с неба, так как они были скрыты густой пеленой светло-серой пыли. Далекое зарево не погасло ночью ни на миг. Только с рассветом оно начало слабеть, и когда дневной свет прогнал густую ночную темноту, зарево растаяло и исчезло.

Но на следующий вечер красноватое сияние усилилось, охватило лес с двух сторон, и его красные отблески заиграли по всему небу. С наступлением ночи дальний горизонт превратился в яркую огненную черту, словно само небо горело. Кровавое зарево бросило свои отсветы далеко на север: залило лес, залило встревоженных, испуганных чунгов, залило стволы огромных деревьев.

БЕГСТВО

И вдруг лес загудел топотом тысяч больших и малых животных. Звери хлынули широким потоком: грау, хо-хо, ри-ми, гри, ланч, мут, жиг, гру-гру, дже, гу, даже ползучий, извивающийся по земле тси-тси — все двинулись туда, куда дул ветер.

Чунги тоже спустились на землю и, увлекаемые сплошным потоком бегущих животных, побежали туда же. Маленькие чин-ги понеслись с ветки на ветку над головами беглецов, резко и дико визжа своими тонкими голосами. И вскоре голова этого потока исчезла вдали, а сам он все продолжал изливаться из озаренного кровавыми отсветами леса...

Кри-ри вылетали из листвы, зловеще крича, собирались в воздухе огромными стаями и по целым часам вились над лесом, потом улетали в направлении ветра, а их зловещие крики медленно замирали вдали.

Низко летя, они отбрасывали свою тень на спины бегущих, и их крики смешивались с шумом живого потока.

Все спешили обогнать огненную стихию, чьи отблески уже дрожали на бегущих толпах. Свирепый гри и кроткий дже бежали вперегонки, даже не глядя друг на друга. Робкий гу силой прокладывал себе путь сквозь стаю трупоедов ри-ми, а кучка хе-ни пробегала мимо грузно двигающихся гру-гру, даже не огрызаясь на них. Вонючий жиг перепрыгивал через ползущего тси-тси, фыркая и настораживаясь; мут топтал ногами ланчей, пробираясь сквозь них, как сквозь густой кустарник. Все топтали друг друга, обгоняя друг друга, но никто не нападал и не пожирал никого.

Чунг и пома следовали за общим потоком бегущих животных вместе с большой группой других чунгов. Так им было легче защищаться от опасности быть растоптанными или растерзанными, грозившей им со стороны других крупных и сильных зверей. Они двигались на задних лапах, чтобы передние были свободны на случай обороны. Жестокий грау, добродушный хо-хо, грузный мут, острозубые хе-ни — в этом ускоренном движении вперед все они были одинаково опасными. Опасность быть растоптанными была не меньше опасности быть съеденными. И чунги, настигая одних животных и сами настигаемые другими, должны были совершать этот трудный, утомительный и непонятный путь только на задних лапах, не смея наклонить туловище к земле, не смея опереться на передние лапы.

Пома слегка прихрамывала, рана на бедре почти зажила, и хотя пальцы на другой лапе сгибались с трудом, теперь она могла двигаться наравне с другими чунгами, не отставая от их тесно сбитой группы. А огромный пожар позади, раздуваемый сильным ветром, все разрастался и разрастался. Ветер нес вслед бегущим клубы дыма, словно предвестие общей гибели. Ночью огромные языки пламени лизали небо, сильный ветер поднимал тучи искр и буйно швырял их кверху, а потом разгонял во все стороны, и они гасли одна за другой во вьющихся клубах густого черного дыма. Острый запах гари душил беглецов.

Дни и ночи превратились в неделимое целое, в котором животным приходилось бежать вперегонки с настигающей их огненной стихией.

Есть приходилось на ходу, не прерывая безостановочного бегства. Кроткий дже и быстроногий гу наклонялись на бегу, срывая зубами тут пучок травы, там густую ветку или молодой побег. Жестокий грау и свирепый гри вмиг наскакивали на какое-нибудь животное, впивались ему в горло острыми зубами и когтями, а потом наскоро припадали к трупу, откусывали клок теплого мяса и убегали дальше. Следующие позади хищники тоже припадали к еще трепещущему животному, отрывали от него по куску мяса и устремлялись вперед, чтобы дать место тем, кто бежал за ними.

Никого не поражал вид загрызенного животного, никто не обращал внимания на обглоданные кости, словно сами жертвы сознавали, что должны своею жизнью поддержать жизнь других беглецов.

Чунги утоляли голод опавшими и нерастоптанными плодами, находимыми в пути, или общипывали молодые побеги с кустов по дороге. С веток у них над головами свисали крупные сочные плоды, но им было некогда карабкаться за ними. Они не могли бегать по ветвям так же быстро и легко, как маленькие хвостатые чин-ги. Они были крупны и тяжелы, и ветки сгибались и ломались под их тяжестью.

Но вот путь сплошному потоку убегающих животных преградила широкая река. Они столпились на ее берегу, сбились вместе, топча друг друга. И под напором задних, которые все подходили и подходили, передние кинулись в реку и, слегка относимые медленным течением, наискось поплыли на другой берег. Река от берега до берега усеялась головами мелких и крупных животных.

Чунги дошли до самого края воды и отступили: непреодолимый врожденный страх перед водой заставил их отпрянуть назад. Потеряв голову от страха и беспомощности, они сменили свой рев дикими криками, которые смешались с криками чин-ги, бешено скакавших у них над головами.

А животных толпилось все больше и больше. Чтобы не быть растоптанными, чунги вскарабкались на деревья и повисли на ветвях, как гигантские плоды. Это произошло в момент общего смятения. Один мут, неизвестно чем взбешенный, направил свой страшный рог в брюхо одному хо-хо и со страшной силой вонзил его. Хо-хо обвил ему толстую шею хоботом, приподнял, подхватил поудобнее и нанизал на свои длинные зубы.

Несколько других хо-хо окружали грау; он проворно влез одному из них на спину, и впился зубами и когтями ему в толстую шкуру, но хоботы других быстро сбросили его оттуда, а толстые ноги растоптали по земле. Точно так же во все увеличивающейся толкотне было растоптано много дже, много гру-су, много ри-ми и еще много других животных.

Вдруг чунги увидели странную картину: маленькие хвостатые чин-ги быстро спустились на нижние ветки и на глазах у чунгов, сразу замолчав, стали прыгать на широкие спины мутов, хо-хо, би-гу. Эти животные, теснимые задними и не замечая своей странной поклажи, сошли в воду и понесли чин-ги на противоположный берег.

Для чунгов это было сколь необычайным, столь же и своевременным открытием. Следуя примеру чин-ги, пома первой подпрыгнула и очутилась на спине у хо-хо, а за нею на спины подходивших хо-хо стали прыгать и другие чунги. Некоторые просто поджидали хо-хо, повиснув

на ветках дерева, а когда те оказывались прямо под ними, они отпускали ветки и садились им на спины.

Переплыв реку и вновь вступив на сушу, животные стряхивали воду со шкуры и продолжали бежать. А позади них огненная стихия превращала тысячелетний лес в уголья, дым и пепел. Раздуваемый сильным ветром, пожар залил один берег реки, потом перекинулся на другой. Пылающие берега осыпали зеленоватую воду искрами, окутывали дымом. Река отразила горящие деревья, и в глубине ее заиграли огненные языки, словно сама вода загорелась. Никогда никем не пройденный лес быстро таял в пламени огромного пожара, а поток бегущих животных непрестанно возрастал.

Но настало время, когда путь бегущих вдруг повернул кверху и, казалось, направился прямо к небесам. В небо врезались островерхие скалы, в крутых склонах открылись бездонные пропасти, глубокие лощины наполнились рокотом буйных потоков.

Крупные, грузные животные остановились, начали кружить. Сплошной топот их беспорядочных шагов и дикие крики заглушили шум бурлящей воды. Потом животные разошлись в стороны — кто направо, кто налево, и тяжелый топот их ног постепенно затих. По крутым склонам стали подниматься только легко подвижные, гибкие животные.

Чунги тоже стали подниматься, наклонившись туловищем к земле, опираясь на все четыре лапы. Они цеплялись пальцами за острые камни, впивались ногтями в осыпи, хватались за ветки колючих кустов и взбирались все выше и выше. И когда они остановились, чтобы отдышаться, все под ними, насколько хватало глаз, было охвачено пламенем. В небесах вились гигантские клубы дыма. А когда день дважды сменился ночью, клокочущее со страшной силой огненное море залило даже склоны гор.

И может быть, чунги, а вместе с ними и другие животные погибли бы в пламени этого великого пожара, если бы само небо не укротило

его. Оно собрало на горных вершинах густые черные тучи, из которых на пылающую равнину вылетели молнии. Тяжкий грохот сотряс островерхие скалы еще и еще раз... Исполинские горы содрогнулись, загудев гулким эхом... Широкими потоками хлынул дождь, окутывая огненную ширь своим покровом. И спустилась на землю непроглядно-черная ночь, в которой угасли последние отблески кровавого зарева.

На рассвете небо уняло свой гнев, и потоки ливня утихли. Теперь чунги увидели, что над равниной внизу вместо пламени и дыма поднимается густой, молочно-белый пар. А когда белое светило поднялось высоко над горами, пар рассеялся и открыл их взорам беспредельную ширь темно-серого пепла. Лес чунгов перестал существовать.

Поток бегущих животных остановился. Потом широко разлился по крутым горным склонам, растаял и исчез.

Животные возвращались к своим старым привычкам: скрываться, затаиваться, убивать. Общая, равная для всех опасность миновала, а вместе с нею исчез и общий для всех закон совместного бегства.

СКИТАНИЯ

Время, в течение которого продолжалось бегство животных, осталось неизмеримым. Чунги вдруг увидели себя в совсем новой, неприветливой, непривычной для них местности, скалистой и неровной, с остро изломанными линиями. В бесплодных скатах и осыпях открывались бездонные пропасти. Исполинские скалы поднимали чело к самому небу. Ветви деревьев нависали над страшными безднами. Колючие кусты и острые камни, нагроможденные ливневыми потоками, мешали чунгам идти и ранили им ладони и пальцы.

И вот они стали скитаться по этой дикой, неприветливой местности, жадно оглядывая ветви деревьев. Но здесь не было крупных, сочных плодов, как в сожженном теперь лесу; листья на деревьях здесь были тонкие и острые, как колючки, и вкус у них был нестерпимо смолистый. Единственной пригодной для чунгов пищей были сильно вяжущие плоды каких-то кустарников, хотя, поедая их, чунги морщились и придушенно кашляли.

Но и этой еды было недостаточно для большого количества крупных, жадных к еде чунгов, и постоянное недоедание, которое они испытывали теперь и к которому не привыкли раньше, изменило их. Они стали сварливыми и раздражительными. Все чаще случались драки, в которых каждый старался отнять у другого найденный плод. Большие группы разбивались на малые, и каждая добывала пищу для себя. И в этих поисках пищи в одиночку или мелкими группами чунги продолжали двигаться вперед, словно уходя от уничтожившего их лес пожара, но не

имея никакого представления о том, куда идут, не заботясь о том, чтобы выбрать и установить новое местожительство. Ибо местожительство для них определялось количеством пищи, пригодной и привычной для них.

Чунг и пома тоже выбрали себе путь для поисков пищи. Вместе с другими чунгами, разбившимися на маленькие группы, они продолжали двигаться вперед. Дни проходили в непрестанных поисках вяжущих плодов, которые встречались так редко, что иногда им приходилось довольствоваться только молодыми побегами некоторых кустов. А вечером, усталые и полуголодные, они забирались на дерево и там ночевали, нетерпеливо ожидая нового рассвета.

Голод заставил их нападать на гнезда кри-ри ради их яиц, а потом и ради маленьких бескрылых, поросших пухом птенцов. Чтобы добраться до замеченного издали гнезда, они забирались на неприступно высокие утесы. Тогда большие кри-ри шумели своими огромными раскинутыми крыльями у них над головами и налетали так стремительно, что чуть не сбивали их в открывающуюся внизу бездну. И на поднятых к небесам вершинах утесов разыгрывались настоящие битвы. Кри-ри с громким клекотом нападали на похитителей их яиц и маленьких детенышей, били их распростертыми крыльями, царапали острыми кривыми когтями и пытались пробить им головы тяжелыми клювами. А чунг и пома, выпрямив косматые туловища, вырезываясь черными силуэтами на фоне синего неба, отбивали стремительные атаки разъяренных, бешено клекочущих кри-ри быстрыми, ловкими движениями передних лап, размахивая ими над головой во все стороны. И благодаря чудесной способности этих лап хватать что угодно, они побеждали в этих битвах, где им не могли бы помочь ни острые зубы, ни кривые когти. Схватив кри-ри за шею, они сильным движением пальцев отрывали ему голову и швыряли его вниз. Кри-ри пролетал немного, опустив крылья, и исчезал в глубокой пропасти.

Не меняя направления своего пути, проводя все время в непрестанных поисках плодов, молодых побегов и гнезд, они попали в еще менее плодородную, скалистую местность. Деревья со смолисто-горькой зеленью стали совсем редкими и не давали не только плодов, но и приюта на ночь. Чунгу и поме приходилось искать безопасные места прямо на скале.

Чунг и пома были вынуждены двигаться только на задних лапах, так как передние были все время заняты ощупыванием всего, что им казалось съедобным. От этого пальцы и ладони у них на задних лапах стали терять свою гибкость и хватательную способность, затвердели и загрубели. Взамен того они стали прочнее и тверже поддерживать выпрямленное туловище. Чунги перестали не только лазать по деревьям, но и оглядывать их.

К недостатку пищи прибавился недостаток воды. Сильно вяжущие ягоды на кустах не могли заменить воду, а яйца и мясо бескрылых детенышей кри-ри только усиливали жажду. Тогда чунги спустились в бесплодные ущелья и стали бродить по их дну, ища воду. Проблуждав там целый день, они очутились в болоте, но не могли найти там ни родников, ни ручьев. Тогда, обезумев от жажды, они наклонились, вонзили пальцы в грязную почву, набрали ее в руки и, поднеся к губам, стали жадно сосать. Это не утоляло их жажды, так как они глотали не воду, а грязь. Но ее влажность приятно холодила им язык и горло, и они снова наклонялись, чтобы набрать ее. И тут они удивились: сделанные ими во влажной почве ямки до половины наполнились водой. Чунг и пома мгновенно бросились ничком в грязь, припали губами к ямкам. Выпив набравшуюся воду до капли, они приподнялись и стали пристально всматриваться в ямки. Вскоре последние снова наполнились водой. Тогда, поняв в чем дело, они принялись рыть в грязи новые углубления; те постепенно наполнялись водой, чунг и пома жадно выпивали ее и, присев у своих ямок, следили, как они снова наполняются.

Таким образом, случайно открыв воду и случайно догадавшись копать все новые и все более глубокие ямки, чунг и пома смогли напиться вдоволь. Потом они поднялись, стряхнули грязь, прилипшую к пальцам и ладоням, очистили друг у друга запачканные грязью лица. Они уже вполне ясно сознавали, что в болоте на дне этого ущелья есть вода, которую можно пить, если выкопать в грязи ямки; и вместо того чтобы подняться на склоны ущелья, они снова спустились на его дно.

Ночь застала их в глубине ущелья, плотно прижавшимися спиной друг к другу под нависшим у них над головами выступом скалы. Было тихо и спокойно. Звездное небо прикасалось к вершинам отвесных скал, глубокая долина была окутана его звездным покровом. Но в самой глубине долины было темно, а у чунга и помы не было такого острого зрения, как у грау или у н-вода, и они не могли видеть, как днем. Потому-то они и не решались бродить ночью. Но едва рассвело, они направились вниз по долине, где им встретилось много животных На скалах вверху мелькнуло и исчезло рыжеватое туловище кат-ри. Пестроголовый виг показал из темной расщелины настороженные уши и тоже исчез. Все эти животные впервые видели чунгов, ибо никто из чунгов никогда еще не бывал здесь.

Чем ниже чунги спускались, тем больше изменялась местность. Вершины исполинских скал делались ниже. Долины становились шире и ровнее. Там и сям появились пятна зеленой травы, которой чунг и пома давно уже не видели. Еще ниже появились деревья с широкими светло-зелеными листьями, а деревья с колючей смолисто-горькой зеленью постепенно редели. Отлогие склоны долины покрылись травой.

Из одного болота пробился тонкой струйкой ручей и побежал, весело журча. Небо стало высоким-высоким.

У чунга и помы появилось чувство знакомства с окружающим. Казалось, они возвращаются в свой собственный лес, в лес чунгов. Они набросились на широкие листья деревьев, словно эти листья и раньше были для них самой обычной пищей; а потом сели, подняв колени и облегченно вздыхая: они предпочитали жить в соседстве со свирепым грау, только чтобы на деревьях росли пусть даже не плоды, а вот такие широкие сочно-зеленые листья.

Так они скитались, терпя усталость и голод, идя все время вперед и вперед, и никто из них не знал, когда окончатся эти скитания. И пома не знала, что новый образ жизни, который она ведет в новых условиях, отразится на ее будущем детеныше и что новое существо с самого рождения сумеет приспособиться к тем новым условиям, к которым она привыкала и приспосабливалась по необходимости.

ХИЩНЫЕ И-ВОДЫ

Хотя деревья попадались уже густые и на них тут и там встречались плоды, местность все еще оставалась дикой, скалистой, неприветливой и непригодной для чунгов. Пома не могла найти себе удобное логовище на деревьях и должна была искать его прямо на земле. А по мере их продвижения вперед появлялись и все новые животные — сначала хищный и-вод и пестроголовый виг, потом ветвисторогий теп-теп и куцехвостый лен. Хотя не все они были одинаково опасными для чунга и помы, но все внушали одинаковую тревогу, так как чунги видели их впервые.

Руководимая стремлением к большей безопасности, смутно, полусознательно вспоминая, как выздоравливала когда-то в дупле, пома забралась в широкую впадину в скале. Образовавшись в низком склоне небольшой долины, впадина была естественно защищена: сверху нависали крутые скалы, внизу спускался на глубину нескольких прыжков крутой склон. За время своих трудных, нерадостных скитаний чунгам уже не раз приходилось ночевать в таких впадинах.

Вместе с чунгом пома устлала впадину собранными вокруг сухими листьями, ветками и травой, а потом чунг вышел и уселся у самого входа, среди камней, нанесенных ливнями за много веков. Взгляд его остановился на противоположном склоне долины. Там медленно спускался теп-теп, то поднимая, то опуская ветвистые рога, вслушиваясь, нюхая воздух: он объедал верхние побеги немногочисленных здесь кустов и выщипывал зубами пробившуюся среди валунов жесткую траву. Почти целиком скрытый нагроможденными у пещеры камнями, чунг следил

за ним скорее с любопытством, чем с тревогой: теп-теп щиплет траву и обгрызает ветки, он не так опасен, как и-вод или виг.

Теп-теп спустился совсем низко по склону долины, остановился у самого ее дна, но вместе с тем приблизился к пещере: еще несколько прыжков наверх, и он окажется прямо перед чунгом. Последний уже готовился зареветь, как вдруг из-за валунов выскочил и-вод и набросился на теп-тепа. Но теп-теп, словно ожидавший этого нападения, вмиг отскочил и кинулся в сторону. Его длинные прыжки не позволяли и-воду нагнать его. Но неожиданно появившийся перед ним другой и-вод заставил его отпрянуть. А в это время первый прыгнул ему наперерез и накинулся на него. Спастись новым бегством было невозможно; теп-теп выставил рога вперед, и хищник попал между ними. Быстрым, сильным движением головы теп-теп отбросил одного врага, но другой в это время вскочил ему на спину и впился в шею зубами. Вскочил на него и первый и-вод, и все трое заметались по дну лощины, под самым входом в пещеру.

Под влиянием смешанных чувств любопытства и страха чунг закричал и запрыгал среди нагроможденных камней; а чтобы получше видеть представившееся ему необычайное зрелище, он выпрямился. При этом он сдвинул задней лапой несколько более мелких камней, а они, в свою очередь, сдвинули другие. И вот один большой, тяжелый валун, лишившись опоры, сильно покачнулся, полетел вниз и со страшной силой ударился в борющихся. Теп-теп и один и-вод были убиты. Другой и-вод остался невредимым, но отскочил и убежал, не останавливаясь и даже не оборачиваясь.

Чунги привыкли швырять в тси-тси и па-ко плодами и ветками: не потому, чтобы они сознавали, что плодами и ветками можно защититься от тси-тси и па-ко, а потому, что им необходимо было выразить свою ненависть и отвращение к этим животным еще чем-нибудь, кроме своего обычного рева, и еще потому, что у них была способность рвать плоды и ломать ветки.

Конечно, ни один тси-тси или па-ко не умирал от брошенных коекак плодов и веток. А если кому-нибудь из них случалось убегать, то чунги считали, что враги попросту испугались их самих, их громкого рева и страшного вида.

Примитивное сознание чунга и помы благодаря всему пережитому сделало какой-то шаг вперед. Они уже понимали, что брошенным плодом убить па-ко или грау нельзя, а ударом дерева или камнем — можно. Они только не сознавали своей силы и не знали, что если бы передние лапы у них были не такие сильные, а на груди не было таких толстых, узловатых мускулов, то ни грау, ни па-ко не умирали бы от их удара камнем.

Того состояния изумления и ошеломленности, какое они испытывали при первом или втором случае обороны деревом или камнем, на пятый или десятый раз уже не было. Чунг и пома уже знали не только то, что па-ко или грау умирают, но и почему умирают, отчего умирают. И знали это как простое, непосредственное переживание и догадку о случившемся.

Само по себе переживание, сколько бы раз оно ни повторялось, не могло оставить в их памяти заметных следов. Более ранние переживания заслонялись более поздними, и чунги забывали их легко и быстро.

Но суть пережитого оставалась глубоко в сознании и постепенно, по мере повторения, становилась все яснее.

И поэтому, когда камень на глазах у чунга убил и-вода и теп-тепа, чунг не удивился, не поразился, но сразу понял, в чем дело, и радостно заревел. Потом он начал подпрыгивать, приплясывать и сталкивать в долину большие и малые камни. Они падали вниз все быстрее и быстрее, стукаясь друг о друга со своеобразным звуком, а потом с грохотом слетали на дно. Эту игру чунг сопровождал не то скулящими, не то рычащими, не то всхлипывающими звуками, которые смешивались у него в горле во что-то неопределенное и которыми он выражал свое удовольствие и радость.

Игра так увлекла его, что он забыл о поме; и только когда она заурчала и зачмокала в пещере, он перестал скатывать камни и на четвереньках заглянул в пещеру, а потом выскочил, встал во весь рост, разинул пасть, и мощный рев его загудел по склонам. Новый маленький чунг родился.

СТРАШНЫЙ МО-КА

Рождение нового маленького чунга было отмечено особыми изменениями, происшедшими в природе. К нехватке пищи присоединилось неожиданное и непрерывное похолодание. Появились туманы, стало холодно и сыро. Без всякой видимой причины листья на деревьях стали желтеть, увядать и падать помногу сразу. Деревья начали помахивать голыми ветками. Немногочисленных плодов, какими чунги могли хоть отчасти утолять голод, становилось все меньше и наконец они совсем исчезли, а новые вместо них не выросли. Словно деревья решили больше не приносить плодов.

Все это было очень странным и необъяснимым для сознания чунгов. Никогда листва деревьев в их лесу не меняла цвета, никогда деревья не оставались без плодов. Все животные в лесу чунгов рождались среди листвы и плодов и умирали среди листвы и плодов.

Когда дул ветер, листья падали так густо, что у чунга, стоящего под деревом, голова и плечи покрывались опавшими сухими листьями. Тогда чунг поднимал голову и озадаченно глядел на ветви, но не видел там ни кри-ри, ни чин-ги, ни другого животного, которое могло бы обрывать листья. Не мог обрывать их и ветер, ибо в лесу чунгов ветер ломал ветки и вырывал с корнем деревья, но никогда не срывал листву ни с одного дерева. И чунги тщетно силились понять, почему листья на деревьях желтеют и кто обрывает их с веток.

Кроме того, белое светило, которое раньше так хорошо и приятно грело им спины и плечи, теперь почти перестало появляться на небе, а дневной свет стал серым, холодным и все время одинаковым.

Верхние ветки кустов, к которым чунги обращались, чтобы утолить голод, тоже изменились: стали твердыми и невкусными, а новых побегов на них больше не появлялось.

А потом с неба стала сыпаться мелкими каплями вода, и сыпалась так целыми днями. Никогда еще небо не роняло таких мелких водяных капель. Капли, падавшие с неба в лесу чунгов, всегда бывали очень крупными и, ударяясь о широкие листья, шумели так, что весь лес наполнялся этим шумом. Но эти крупные капли падали час или два, а потом прекращались, и белое светило снова блистало; а маленькие капли сыпались непрестанно много дней и ночей.

Тогда для чунгов настали самые плохие дни. Дело было уже не в том, чтобы выбрать себе пищу, а в том, чтобы вообще найти ее. Дело было уже не в том, чтобы выбрать место для ночлега, а в том, чтобы вообще найти его. Ветви деревьев торчали совсем голые, без единого широкого листа и не могли защитить ни от дождливой влаги, ни от резкого ветра и холода. Тогда чунги стали забираться поглубже в случайно обнаруженные углубления в скалах, где бы они могли сбиться в кучки и согреться и откуда их выгоняло только болезненное ощущение постоянного голода.

Чунг и пома вместе с новым детенышем, прильнувшим к груди матери, продолжали безрадостно скитаться из одного места в другое в непрестанных поисках пищи. К постоянному голоду прибавились постоянные холод и сырость, а потом и постоянный ночной мрак. Все это вызывало у них, кроме физических страданий, изумление и тревогу, и они все чаще и чаще смотрели друг другу в глаза безответным, молчаливо-печальным, тревожно-вопрошающим взглядом, словно желая сказать: «В жизни у нас больше не будет никакой радости...»

Тревога осаждала их со всех сторон, на каждом шагу. А кроме всего этого, появился и страшный мо-ка. Мохнатый мо-ка.

Чунг и пома видели его издали: он был очень большой и очень мохнатый. Они не могли определить, какое чувство испытали тогда: только

ли страх и тревогу или только изумление. Вероятнее всего — все три чувства сразу. Но увидев однажды, как этот мохнатый и с виду неуклюжий зверь настиг теп-тепа, бежавшего легко и быстро, как встал на задние лапы, обхватил теп-тепа передними и задушил его без всякого видимого усилия и как потом теп-теп оказался наполовину съеденным, — увидев все это, чунг и пома были потрясены страхом и неожиданностью. А однажды они увидели, что мо-ка карабкается по скалам еще лучше их самих и входит в те самые расщелины в скалах, где они ночевали или хотели ночевать. Тогда, невзирая на холод и сырость, невзирая на неудобства такого ночлега, они забрались на дерево, показавшееся им более или менее подходящим, и просидели там всю ночь.

Небо спустилось совсем низко над лесом, а серые тучи цеплялись за верхушки деревьев. Снова пошел дождь, без грома, без молний. Мелкие дождевые капли зашуршали по голым веткам деревьев. Чунг и пома не знали, что дождь может идти без грозы и молний, без сильного ветра, под напором которого деревья трещат и гнутся. Они еще не встречали такой глубокой, такой угрюмой тишины, какая сразу охватывала лес с наступлением сумерек. Никакого шума, кроме шороха мелкого дождя по ветвям деревьев. Словно все животные убежали далеко или умерли.

Чунг и пома подняли передние лапы над головами и переплели пальцы. Защищая детеныша от дождя, мать наклонилась над ним, подставляя дождю свою широкую спину. Чунг, в свою очередь, наклонился над ней. Дождь стекал по шерсти на его передние лапы и бежал струйками с локтей. И оба, мокрые, дрожа от холода, время от времени поднимали головы, словно ожидали увидеть открывшийся лик белого светила. Но не только белое светило — само небо исчезло в черном мраке. Из темноты сыпались невидимые дождевые капли, заливая им глаза и красноватые лица.

Так просидели они всю ночь, мокрые, стуча зубами от холода, не смея спуститься на землю. Ибо на земле скрывался страшный хищник — мохнатый мо-ка.

Когда совсем рассвело, чунги, дрожа и скуля от холода и голода, спустились наземь и свернулись под согнувшимся стволом толстого дерева, под которым сохранилась полоска сухой земли. Они сели на эту полоску и прижались друг к другу спиной. И хотя оба были очень голодны, но долго оставались так, согревая друг друга. Холод был для них более жестоким и невыносимым ощущением, чем голод, ибо с голодом они были уже знакомы, а с холодом нет.

Через некоторое время спины у них задымились: холодная влажность превращалась в приятно греющий пар. Плечи у них, хотя еще и мокрые, перестали дрожать. Маленький чунг, оставшийся благодаря заботливости помы сравнительно сухим, снова нашел материнскую

грудь и начал жадно сосать. Теплое молоко согрело его, и он меньше старших ощущал сырость и холод.

Сколько времени прошло, пока чунг и пома оставили свое убежище у ствола, они не могли бы понять. Небо продолжало сыпать водяные капли, серые облака все еще висели на верхушках деревьев, а белое светило не появлялось. И они начали бродить из одного места в другое в надежде найти что-нибудь съедобное и притупить острое ощущение голода.

Но растопыренные ветви деревьев оставались холодными и неприветливыми, а трава и кусты предлагали им только высохшие прутья и стебли. Ни плодов, ни сочных листьев, ни молодых побегов... Тогда они присели у одного засохшего куста и вонзили когти в землю: корни этого куста были единственной оставшейся для них возможностью утолить голод.

Однако земля здесь была твердая и каменистая, а у них не было таких острых, крепких когтей, как у гру-су. Их плоские когти обламывались, концы пальцев обдирались. Но все же они продолжали раскапывать землю и отрывать корни, так как боль от голода была еще невыносимее, чем боль в ободранных пальцах. Несколько оторванных корешков были съедены с небывалой жадностью.

Но вскоре чунги перестали копать: кожа на пальцах у них стерлась, суставы заболели. А несколько съеденных корешков только обострили их голод, сделали его еще нестерпимее. Тогда они обратились к сравнительно мягкой коре веток, а так как не могли сдирать ее пальцами, то начали обгрызать зубами.

Но вдруг за голыми ветками появилась сероватая спина мохнатого мо-ка, страшного мо-ка. Он двигался медленно и неуклюже, наклонив морду к земле, и шел, не замечая того, прямо на них.

Пома первой увидела его, и ее сухой, блестящий взгляд стал пристальным, неподвижным. И, следуя своей привычке взъерошиваться и реветь при виде всякого опасного зверя, она взъерошилась и заревела. Мо-ка вздрогнул, поднял голову и тут только заметил их. Встреча с чунгами словно удивила его. Он увидел чунгов впервые, они показались ему любопытными, забавными, странными.

А в это время чунг очутился между ним и помой, встал во весь рост, разинул пасть и громко заревел. Пома позади него прижала к себе детеныша, взъерошилась и рычала. На миг в сознании у обоих промелькнула картина того, как мо-ка сгреб теп-тепа передними лапами и задушил его.

Наглядевшись на них, мо-ка вдруг быстро и молча двинулся вперед, неуклюже подпрыгивая. Эта молчаливая устремленность испугала их еще больше, чем если бы он зарычал и побежал на них. И они кинулись прочь от него большими прыжками, озираясь во все стороны в по-

исках дерева, на которое могли бы влезть. Но поблизости не было достаточно высоких и толстых деревьев. Невысокие кусты, разбросанные там и сям, не могли спасти их.

А мо-ка уже гнался за ними, и его мохнатая шкура ходила крупными волнами. Он гнался с упорством, которое не предвещало им ничего доброго, если бы он настиг их. Тогда, не продолжая неудобного для устройства их тела бегства по равнине, чунг и пома круто свернули в сторону и кинулись к крутому склону скалистой возвышенности. Задержка при этом позволила мо-ка приблизиться; он был молчалив, упорен и страшен своим видом и величиной. Не сознавая, что делают, по привычке, унаследованной от всех, ранее родившихся и умерших поколений, чунг схватил несколько мелких камней, обернулся и кинул их в мо-ка, а потом, не оборачиваясь больше, весь взъерошась и рыча, ускорил свои прыжки вслед за помой.

Мелкие камни осыпали большому мохнатому зверю морду. Он засопел, остановился, обтер ушибленную морду лапой и снова зарысил в погоне. Но его кратковременная остановка дала преимущество чунгу и поме. Они добежали до каменистого склона и стали карабкаться вверх, не представляя себе, куда побегут потом и как спасутся от мо-ка, который преследовал их так же упорно, как мут.

Карабкаясь, пома случайно столкнула с места камень, который покатился вниз. Чунг едва успел посторониться, а потом невольно обернулся и увидел, как камень ударил мо-ка и как мохнатый зверь вдруг зарычал и перевернулся.

При этом зрелище в памяти у чунга воскресла картина того, что случилось недавно с и-водом и теп-тепом. А вслед за тем ему вспомнилось, как он играл, швыряя камни. И так как повторение произошло быстро, одно с другим связалось тоже быстро. Под влиянием этой новой внезапной догадки чунг замахал передними лапами, запрыгал, а потом стал хватать и швырять вниз камень за камнем. Мохнатый зверь, еще несколько раз ушибленный летящими и катящимися камнями, повернулся на месте раз или два, гортанно заревел, потом неуклюже затрусил прочь и исчез вдали.

ПОБЕДИТЕЛИ

Мо-ка был прогнан, но чунг и пома не посмели спуститься. Весь этот день они оставались среди осыпей каменистого холма, а в поисках пищи поднимались до самой его вершины, но, кроме нагроможденных, растрескавшихся от времени камней, не нашли ничего. Вечером голодные, дрожа от холода, они не стали искать дерево, удобное для ночлега, а забрались во впадину под скалой. Дождь продолжал идти потихоньку

всю ночь не переставая. И хотя холод и сырость ощущались не меньше, чем голод, скалистая впадина оказалась для ночлега удобнее, чем дерево. Прижавшись друг к другу спиной, сидя с высоко поднятыми коленями, чунги, голодные и усталые, задремали.

На рассвете поме приснилось нечто удивительное. Снилось ей, что она нашла себе приют в такой же скалистой впадине, только гораздо шире и глубже. Внутри было светло, как и снаружи, и в глубине она увидела странного зверька: маленького, мягкого, пушистого, с остренькой мордочкой и острыми ушками. При ее появлении зверек устремил на нее глазки и завилял длинным хвостом, а потом вдруг кинулся на нее, и не успела она его схватить, как он вонзил ей в руку острые зубы. Пома ухватила его, придавила разок пальцами и, не глядя, отшвырнула далеко в сторону. Зверек пронзительно запищал и заметался в углу скалистой впадины. Пома следила за ним глазами, а он все продолжал метаться и пищать.

И вдруг она удивилась: зверек стал почему-то быстро расти. Он сделался величиной с ри-ми и тогда перестал метаться и пищать, сел на хвост, поднял морду и жалобно завыл. Пома подскочила к нему, но он быстро и легко метнулся в сторону, снова сел и снова завыл. Пома опять кинулась на него, но и на этот раз он ускользнул от нее. Разъяренная неудачей, она стала выгонять его из угла впадины, но зверек все время убегал от нее. А один раз, думая, что теперь наверняка поймает его, она споткнулась о какую-то ветку, и зверек опять ускользнул от ее передних лап. Тогда она схватила ветку, замахнулась ею и ударила зверька.

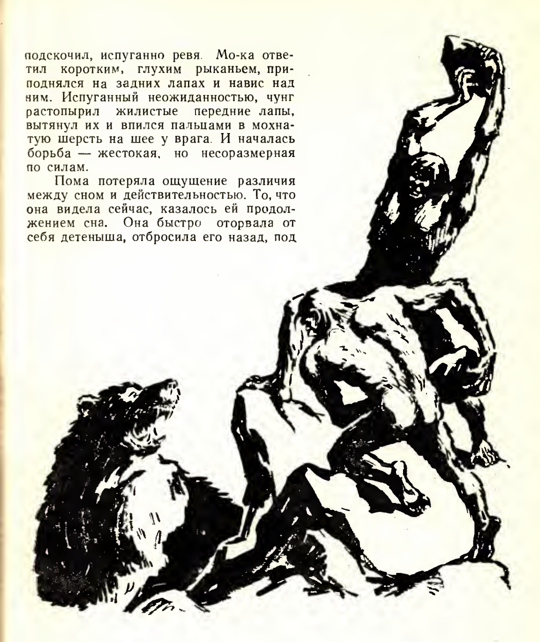
Но тут поме пришлось удивиться еще больше: зверек громко зарычал, перевернулся и вдруг превратился в огромного рыжего грау и кинулся на нее. Онемев от внезапного ужаса, она бросилась было вон, но, к еще большему ее ужасу, устье впадины оказалось закрытым. Тогда она забилась в угол впадины и, защищаясь от грау, подняла ветку над головой. Грау прыгнул на нее, но наткнулся на ветку и отскочил. Прыгнул снова, но и на этот раз отпрянул.

Потом грау вдруг превратился в мо-ка. Он вырос вдвое, встал на задние лапы, протянул к ней огромные передние, схватил ветку, которую она держала, и съел ее; потом стал упорно, молчаливо смотреть на пому. Пома заревела и бросилась прочь из угла, в который забилась, но мо-ка догнал ее, навис над нею, огромный и страшный, и стал давить. Тогда она схватила передней лапой камень и ударила его по острой морде...

В тот же миг дикий рев заставил ее вздрогнуть и открыть глаза. И тут она действительно увидела мо-ка. Огромный, мохнатый, он загораживал собою широкий вход во впадину и глядел упорно-пристально, упорно-молчаливо. Чунг первым почуял его присутствие и

подскочил, испуганно ревя. Мо-ка ответил коротким, глухим рыканьем, приподнялся на задних лапах и навис над ним. Испуганный неожиданностью, чунг растопырил жилистые передние лапы, вытянул их и впился пальцами в мохнатую шерсть на шее у врага. И началась борьба — жестокая, но несоразмерная по силам.

Пома потеряла ощущение различия между сном и действительностью. То, что она видела сейчас, казалось ей продолжением сна. Она быстро оторвала от себя детеныша, отбросила его назад, под

влиянием только что приснившегося схватила камень и подскочила к борющимся. И уже не во сне, а наяву нанесла по голове страшного мо-ка удар — с силой, порожденной смешанными чувствами — дикой яростью и диким страхом, с силой чунга, обороняющегося от нападения. Потом еще и еще раз. Мгновенно, быстро, как молния.

Раненый мо-ка глухо заревел. Он оставил чунга, обернулся к ней, но вдруг его огромное мохнатое тело закачалось и рухнуло наземь, причем голова у него оказалась прикрытой лапами. Тогда пома вскочила на него и, обезумев от ярости, ревя изо всех сил, продолжала наносить ему удары камнем по голове. Голова мо-ка залилась кровью.

А пома все продолжала реветь и ударять. В это мгновение она не ощущала ни холода, ни голода, ни сырости — только чувствовала мягкое мохнатое тело мо-ка под собою и твердый камень в пальцах.

В то время как пома перешла от сна к действительности, чунг стал по-настоящему переживать когда-то испытанное. Он глядел, как пома дробит камнем голову мо-ка, и в сознании у него протянулось длинное чешуйчатое тело тси-тси, а потом то, как тси-тси обвил его и как они вместе упали на землю. Потом он увидел, как наклоняется над мертвым телом тси-тси и разрубает ему кожу и мясо ударами острого камня.

Он подскочил к поме, вырвал камень у нее из лапы и поднес к глазам. Из горла у него вырвался странный, непривычный звук. Звук, какого не издавал еще никто из чунгов. Звук, говоривший о каком-то окончательном просветлении в его сознании.

Действительно, только сейчас чунг сумел понять со всей ясностью, что можно сделать острым камнем, зажатым в лапе: можно убить любого сильного зверя, ударив его по голове. Только сейчас он понял, что вдвоем с помой, если в лапах у них есть камни, они могут убить любого зверя. Что они сильнее любого зверя. И только теперь он понял, что их не смогут съесть ни мо-ка, ни и-вод и что впредь они сами будут убивать всякого и-вода, всякого мо-ка, которые нападут на них.

Сквозь пелену облаков на небе вместе с дождевыми каплями просачивался сероватый свет раннего утра. Скалы и деревья вырисовывались все четче, все яснее, но более далекие предметы дремали в неясной серой мгле: легкий туман полз низко по земле и затушевывал все стороны горизонта.

Когда совсем рассвело, один из чунгов, снова пустившихся скитаться и бродить по этой местности в поисках кореньев и молодых побегов, увидел у входа в большую скалистую впадину распростертое тело ог-

ромного мо-ка, а сверху, прямо на нем, двоих крупных выпрямившихся чунгов. У одного чунга на туловище висел детеныш. И оба взрослых сжимали в пальцах передних лап по острому камню. И эти камни, как и сжимающие их пальцы, были обагрены кровью.

Это были чунг и пома.

НЕ ТОЛЬКО УБИВАЕТ...

Чунг и пома не выпускали этих камней из лап ни на мгновение, ни в этот день, ни в последующие. Даже присев у невысоких кустов, чтобы разрыть землю и вытащить корни, они держали камни в передних лапах. И тут совершенно случайно пома зацепила землю острым краем камня, а не пальцами. Произошло нечто любопытное: камень выцарапывал из земли мелкие камешки и копал ямки гораздо лучше, чем пальцы. Без больших усилий и совсем без боли.

Тогда пома под влиянием новой догадки вбила камень в землю и стала царапать им то туда, то сюда. Камень разрезал мокрую каменистую почву, которую пома расчищала пальцами другой лапы. Корни куста обнажались гораздо легче и быстрее, чем когда бы то ни было. Больше того: камень подрезал и несколько более толстых корней, и ей не нужно было наклоняться и отгрызать их зубами.

Чунг перестал выкапывать корни пальцами, смотрел на действия помы и мигал глазами. И вдруг он тоже начал долбить землю камнем. В сознании у него тоже прояснилось: камень может не только убивать, он может и делать ямки в земле. Он может выкапывать корни. Он не гнется, как их плоские когти.

Дождь продолжал идти и смачивать землю беззвучно и тихо. Однако, насытившись корнями и луковицами, чунг и пома не так сильно ощущали холод и сырость. Они продолжали бродить то туда, то сюда, и только когда начало смеркаться, они поняли, что нужно искать ночлег. Но взгляды их не обратились

ни на какое дерево, ибо никакое дерево не могло бы защитить их от дождевой сырости так, как защищала широкая впадина в скале. Деревья могли дать им только безопасное убежище от мо-ка, но они больше не нуждались в таком убежище: если страшный зверь нападет на них, они убьют его острыми камнями.

Они не стали ночевать под защитой ствола, они уже не помнили, чтобы когда-нибудь ночевали под защитой ствола. Но они не вернулись и в ту скалистую впадину, у входа в которую лежал убитый мо-ка. Может быть, потому, что уже забыли, где она находится, или же потому, что там остался убитый зверь.

Они остановились перед другой впадиной, глубокой и темной; вытянув шеи, всмотрелись в темноту и расширили ноздри. Они не уловили никакого тревожащего запаха, до их слуха не донесся никакой раздражающий шум. Затем сначала чунг, а за ним пома стали медленно спускаться в темноту, подняв переднюю лапу с острым камнем, каждую минуту готовые к нападению любого хищника.

Но обоняние у чунгов не было так развито, как зрение и слух, да к тому же пестроголовый пещерный виг и не издавал никакого заметного запаха. Логовище его ничем не пахло: отхожее место было далеко от него. Кроме того, во впадине было темно, сама впадина была глубокая, а виг лежал в ее глубине совершенно беззвучно. Поэтому ни чунг, ни пома не могли заметить его, когда вступили внутрь. Чунг почувствовал только, что воздух впереди заволновался, что-то в темноте мелькнуло у него перед глазами и в грудь ему вонзились острые когти. Он вмиг пригнул голову между плеч — движение, рассчитанное на то, чтобы не дать перегрызть себе горло, — бросил камень и схватил невидимого врага жилистыми передними лапами.

Услышав смешанный рев чунга и вига, пома подскочила к ним с детенышем на груди и кинулась в борьбу, крепко зажав в лапе камень.

И в темноте глубокой пещеры завязалась новая кровавая битва. Но на этот раз она была очень короткой: как бы ни был кровожаден пещерный виг, он не мог сравниться силой ни с и-водом, ни с мо-ка. Чунг успел задрать ему голову и перегрызть шейные жилы раньше, чем тот успел схватить его за горло, так что вмешательство помы оказалось ненужным. Но, ясно различив тень вига в темноте, она обрушила камень ему на голову, потом еще и еще раз, глухо рыча при этом. Чунг повалил его наземь, потом нагнулся, нащупал другой камень и начал ожесточенно колотить зверя, и с каждым ударом у него вырывался гортанный звук: кха... кха... кха...

Привыкнув к темноте, чунг и пома нашли и логовище вига: в глубине пещеры сбились кучкой несколько маленьких, очень похожих на вига

зверьков. Они были такие маленькие, что когда чунг схватил одного из них, зверек даже не попытался оцарапать ему лапы. Чунг и пома без труда оторвали им головы и выбросили прочь. Потом поджали задние лапы, сели и прижались спиной друг к другу. Маленький чунг снова начал сосать материнскую грудь.

На другое утро они вышли из пещеры, сели у входа и стали оглядываться по сторонам, вниз и вверх. И вдруг с ужасом увидели, что к ним карабкается мо-ка. Стиснув камни в передних лапах, сдавленно рыча, они следили за ним, и им даже не приходило в голову спрятаться.

Мо-ка был еще далеко и совсем не замечал их; он лез медленно и спокойно, то и дело уклоняясь от направления к ним и заглядывая то в ту, то в другую скалистую впадину. Очевидно, эти впадины интересовали его больше, чем чунг и пома. И все-таки он приближался к ним медленно, но верно.

Его маленькие глаза и уши были видны уже совсем ясно, как вдруг пома швырнула в него камнем, который держала. Камень со стуком упал близко от мо-ка. Мохнатый зверь поднял голову, насторожил уши. Тогда чунг и пома, грозно ревя, начали быстро и неумело швырять в него камень за камнем, которые, хотя и не все были ловко брошены, осыпали его со всех сторон.

Испуганный и озадаченный этим неожиданным и необычным нападением, мо-ка отряхнул свою длинную густую шерсть и побежал наискось вниз по склону. А чунг и пома, уже потеряв его из виду, продолжали швырять ему вслед камень за камнем и реветь грозно и громко.

НОВЫЙ ДЕТЕНЫШ

Новая среда и новый климат наложили на природу чунгов новый отпечаток. Они стали суровыми и молчаливыми. Привыкли не удивляться, а соображать. Не любопытствовать, а действовать. И всякие новые случайные открытия, облегчавшие для них условия существования, запоминались ими глубоко, становились ясно осознанными. Ибо теперь для них дело было не в том, чтобы избегать опасностей, а в том, чтобы преодолевать их. А опасностей было много, они грозили отовсюду, всегда.

Вместо грау был мо-ка. Вместо гри был и-вод. Одинаково свирепые, одинаково опасные, одинаково кровожадные. Но было и нечто другое, страшнее мо-ка и и-вода: были холод, голод и сырость. И-вода и мо-ка можно было победить острыми камнями, но холод и голод были непобедимы. Они были и здесь, и там; и вчера, и сегодня.

Деревья отреклись от чунга и помы. Не только не давали им пищи, но и в приюте отказали. Им оставалась только земля. А чтобы жить на земле, нужно было не убегать, а бороться. Ибо бежать они не могли и убегать было некуда.

Условия жизни стали суровыми. Суровыми стали и они. Борьба за существование стала жестокой. Жестокими стали и они. Страх не мог больше спасать их. Они стали смелыми. И вместо того чтобы обороняться, стали нападать. Нападали не с голыми лапами, а с камнями в лапах. Не хватали и душили, а ударяли и убивали. Ложились и вставали с камнем в лапах. Ибо камень в сочетании с огромной мускульной силой, какая была у чунга и помы, поражал быстро, убивал легко и наверняка.

А за это время маленький чунг все подрастал и подрастал. Ему не приходилось заботиться о пище и бороться с суровыми условиями существования. Эту борьбу вела пома, а ее молоко было для него готовой пищей, которая вместе с густым меховым покровом грела его и защищала от холода.

Но однажды он отделился от туловища помы, и вместо того чтобы сесть и ползти, как всякий детеныш в его возрасте, он встал на задние лапы. Он стоял вполне свободно, не чувствуя потребности опираться на пальцы передних лап. Только теперь чунг и пома заметили в нем нечто

другое, новое, на что не обращали внимания, пока он не отделился от материнской груди: новое в соотношении частей его тела.

В то время как они, пытаясь выпрямиться, даже совсем выпрямившись на задних лапах, чтобы передними схватиться за нижние ветки дерева, все-таки оставались полусогнутыми, с выдавшимся задом, маленький чунг стоял гораздо прямее и зад у него не выдавался. Четыре пальца у него на каждой передней лапе были несколько короче, зато пятый удлинился и противополагался им. А когда маленький чунг нагнулся и поднял камень, то в его пальцах была заметна гибкость, совсем несвойственная пальцам чунга и помы.

У всех чунгов задние лапы были короче, тоньше и слабее передних. Ведь жизнь на деревьях требовала от передних лап большей длины и силы, чем от задних. Но у юного чунга задние лапы оказались длиннее и толще передних. Пальцы на них укоротились еще больше, чем на передних, стали тоньше и короче, а в их движениях была видна заметная неуклюжесть. Да и ладони на задних лапах стали более широкими и плоскими. Это позволяло маленькому чунгу держаться крепче на земле.

Ни чунг, ни пома сначала не могли заметить разницы между собою и детенышем. Только когда все трое побежали, чтобы уклониться от встречи с двумя мо-ка, маленький чунг, бежавший на задних лапах, обогнал старших, а чунг и пома, хотя и помогали себе передними лапа-

ми и делали большие скачки, не могли догнать его. Больше того: они все отставали и отставали. И ни чунг, ни пома не знали, почему все это произошло: потому ли, что у них самих зад выдавался меньше, чем у других чунгов; потому ли, что поме давно уже приходилось передвигаться только на задних лапах, пока передние были заняты непрестанными поисками пищи и обороной от других животных, или же потому, что маленький чунг, родившись на земле, никогда не карабкался по деревьям.

Маленький чунг тоже не мог понять разницы между собою и взрослыми чунгами. Он видел только, что ему не нужно при ходьбе опираться на передние лапы, как это делали старшие, и что на бегу он опережает всех.

Однажды ночью началась сильная буря. Ветер резко свистел у входа в пещеру, в глубине которой приютилось семейство чунгов. Голые ветки кустов и деревьев тревожно шумели и иногда словно взвизгивали. Голос бури был настолько силен, что мог бы заглушить голоса сотни чунгов или сотни мо-ка, а мо-ка мог бы войти в пещеру совершенно незаметно для чунга и помы. Они напрягали слух, прислушивались: не уловят ли шагов или рычания. Прислушивался и маленький чунг.

Снаружи было тревожно и страшно, внутри — черно и тихо. Ветер визжал и выл у входа в пещеру, словно там столпилось, давя друг друга, множество ри-ми. Маленького чунга, вслушивавшегося в свирепый вой бури, охватило сильное беспокойство. Этот вой был неизвестен ему, незнаком, невидим, страшен. Не в силах победить тревожное чувство, маленький чунг прижался к матери, как-то особенно вытянул губы, раздул горло и издал протяжный звук: «У-у-у-у!»

Чунг и пома вздрогнули при этом новом звуке, которого никто из чунгов еще не издавал. Маленький чунг, сам испугавшись этого звука, тотчас же умолк и притаился, но вскоре с унаследованной от всех прежних поколений склонностью к подражанию снова вытянул губы и протянул: «У-у-у-у!»

На рассвете сильная буря утихла, и в пещере начало светлеть. Трое чунгов выползли наружу, выделяясь черными тенями на синеватом фоне наступающего дня. Маленький чунг, выпрямившись между двумя взрослыми, шевельнул губами и снова изобразил звук ветра: «У-у-у-у!»

Чунг и пома с изумлением и любопытством приглядывались к тому, как их детеныш вытягивает губы и издает этот необыкновенный звук; по той же свойственной и им склонности к подражанию они, в свою очередь, стали вытягивать губы и раздувать горло. Раздались резкие, шипящие звуки, словно в горле у них застрял самый настоящий ветер;

но это уже не были ни рев, ни вой, ни визг, какие они издавали до сих пор.

Долгое время все трое оставались перед пещерой, увлеченные новой игрой в подражание голосу бури. Потом они выползли совсем наружу, и тут их ждала еще одна причина для удивления: над ними и вокруг них в воздухе порхали, подхватываемые затихающим ветром, совсем маленькие белые мягкие пушинки.

Эти белые мягкие пушинки, виденные ими впервые в жизни, слетали с неба, как давешние водяные капельки, падали на землю и, прикасаясь к ней, необъяснимо и бесследно исчезали. Чунги уставились на эти порхающие пушинки, стараясь понять, как и почему они исчезают на земле, но не видели ничего, кроме сырости, которую пушинки оставляли, исчезая.

Мягкие белые пушинки падали чунгу и поме на головы и спины, но и тут быстро исчезали, а вместо них появлялись мелкие водяные капельки, начинавшие стекать по шерсти. Некоторые пушинки упали им на раскрытые ладони и прилипли там. Чунг и пома сжали ладони, чтобы поймать их, но почувствовали, что там нет ничего. Раскрыли ладони — пусто. Они начали ловить эти удивительные пушинки лапами, но без успеха. Пушинки исчезали так же бесшумно и незаметно, как и слетали с неба, и в лапах оставались только холод и сырость.

Через некоторое время ветер совсем стих, и тогда белые мягкие пушинки начали слетать с неба совсем плавно и очень густо. Но чунг и пома, мучимые голодом, больше не думали о них. Они стали бродить кругом, ощупывая ветки кустов и выкапывая острыми камнями их корни. Когда им удавалось выкопать сладкий хрустящий корень или найти луковицу либо мягкий сочный побег, они издавали звуки радости и торжества, а потом съедали находку с необычайным удовольствием. Такой радости, такого удовольствия они никогда не испытывали раньше, когда питались крупными мучнистыми плодами в своем сгоревшем лесу. Ибо в то время плодов вокруг них было такое множество, что они не знали настоящего голода.

Но маленький чунг ел еще жаднее, чем они: он вырывал сочный корень или луковицу чуть не изо рта у них, а когда они успевали съесть лакомство, он недовольно и плаксиво скулил. Чунг обычно огрызался и редко уступал ему найденную пищу, но пома почти всегда позволяла детенышу отнять у нее луковицу или корень, а потом снова начинала искать и выкапывать корни. Иногда все трое начинали обгрызать кору га-ли или жевать засохшие травяные стебли — так силен был их голод и так ненасытны желудки.

Занявшись добыванием пищи, они не заметили, не могли понять, как и когда мягкие белые пушинки покрыли всю землю и окутали го-

лые вершины деревьев. Они увидели, что все вокруг них побелело, и это так удивило их, что они не знали, о чем думать и куда идти. Их охватил страх: им показалось, что эти пушинки совсем засыплют землю, скроют все луковицы и коренья и им нечем будет утолять голод. И они долгое время оставались у одного куста, изумленные и встревоженные, а когда снова двинулись в путь, то за ними на белом покрове, окутавшем землю, оставались черные следы. А ступни у них озябли так, как еще никогда не зябли раньше.

НЕНАСЫТНЫЕ ЛА-И

В последующие дни и ночи мягкие белые пушинки то слетали с неба, то исчезали из воздуха, и вместе с тем белый покров на земле то появлялся, то снова исчезал. Чунг и пома начали привыкать к этому покрову и уже не беспокоились из-за него, но к холоду все еще не могли привыкнуть и часто дрожали. Особенно холодно им было, когда они бывали голодны. Время от времени облачность в небе рассеивалась, и проглядывало белое светило. Но его лучи не грели и не жгли, как когда-то в вечнозеленом лесу грау и чунгов. Теперь эти лучи были какими-то холодными, неяркими. Но все же, когда они попадали на чунгов, те забывали даже о своем голоде — так приятно им было чувствовать слабую теплоту на лицах и на спинах.

Особенно радовался лучам белого светила маленький чунг. Тогда он совсем сходил с ума от радости и удовольствия. Он становился очень живым и подвижным, бегал, даже лазал на деревья и непрестанно издавал гортанные звуки. Взрослые чунги тоже ободрялись и иногда приплясывали либо урчали и почесывались от удовольствия. Но это бывало редко, так как редкими бывали дни, когда белое светило показывалось на небе.

С похолоданием, пришедшим вместе с мягкими белыми пушинками, животные, питавшиеся травой и листьями, стали пугливее, а те, которые питались их мясом, стали свирепее. Первые постепенно исчезали, а вторых постепенно становилось все больше. Появились и новые животные, и все они стали нападать друг на друга все свирепее и пожирать друг друга все жаднее.

Однажды ночью появились ненасытные ла-и. Чунг и пома, дремавшие, прижавшись друг к другу, в глубине скалистой впадины, услыхали их отдаленный высокий протяжный вой, похожий на вой многих ри-ми сразу. Потом вой повторился, смешался с другим таким же воем, доносившимся с другой стороны, и вскоре вся ночь огласилась этим отдаленным зловещим, стоголосым воем. Чунг и пома, окончательно очнувшись от своей дремоты, крепче сжали в лапах острые камни, которые всегда

носили с собою, а маленький чунг, свернувшийся между ними, начал вытягивать губы и издавать звуки, похожие на вой ла-и.

Все трое провели эту ночь без сна, настороже. На рассвете далекий вой приблизился, стал еще более зловещим, а потом вдруг смешался с другим звуком — с гортанным, страшным, громким ревом. Это ревел мо-ка. Взъерошенные, рыча, чунг и пома вскочили и кинулись к выходу из пещеры.

По равнине, открывавшейся перед их взглядами, сновали группы каких-то совсем незнакомых им животных. Издали они были похожи на ри-ми или хе-ни, но крупнее первых и меньше вторых. У одних шерсть была рыжая, у других — серая, у третьих — бурая. Они окружали мо-ка и нападали на него со всех сторон. Поднявшись на дыбы, гортанно ревя, мо-ка поворачивался кругом и оборонялся широкими передними лапами. Несколько из нападавших уже лежали вокруг него с распоротыми брюхами, с перегрызенными шеями; но это не останавливало прочих, число которых все время увеличивалось Они быстро наскакивали на него и быстро отпрядывали назад, чтобы снова напасть с еще более яростным, свирепым воем. На место погибших под его тяжелыми лапами появлялись другие.

Одно время чунг и пома даже не могли разглядеть мо-ка и новых зверей в отдельности — все они слились в большой клубок, который кипел и волновался, как клубок переплетенных тси-тси. А когда вся их масса распалась на отдельные кучки и разбежалась по равнине, чунги больше не могли увидеть мо-ка. Его больше не было. Страшный мо-ка, огромный мохнатый мо-ка, был без остатка съеден этими свирепо воющими зверями. Это были ненасытные ла-и, чье появление совпало с появлением белых мягких пушинок, падавших с неба, и с еще более сильным похолоданием.

Острый голод чунга и помы притупился, ослабел, а потом и совсем исчез; они долго еще оставались у входа в пещеру, не смея отдалиться от нее. Ненасытные ла-и большими стаями сновали по всем направлениям, зловеще завывая, нападая на всякое встретившееся им животное и пожирая его раньше, чем оно успевало спастись. Сила и огромный рост мо-ка, удивительная быстрота и-вода не стоили ничего перед множеством этих новых зверей.

А однажды чунг и пома увидели еще более страшную, еще более зловещую картину.

Нападению ла-и подверглись двое чунгов, которые обгрызали побеги на кустах и копали землю в поисках корневищ и луковиц. Один из них успел взобраться на дерево и спастись от свирепых врагов. Другого чунга ла-и нагнали. Они окружили его со всех сторон, накинулись на него, и злосчастный чунг завертелся среди них, как волчок. С диким, полным ужаса ревом он невероятно быстро и ловко заработал передними лапами

во все стороны: отшвыривал далеко от себя одного ла-и за другим, раздирал им пасти, свертывал шеи, ломал спины. Благодаря способности размахивать передними лапами во все стороны и хватать пальцами все, что попадется, он смог выстоять в этой борьбе дольше, чем мо-ка. Вокруг него валялось уже десятка два ла-и, раненых и убитых, с разодранными пастями, с переломанными шеями.

Но вместо того чтобы уменьшиться в числе и ослабить свое нападение, ла-и все больше умножались и все больше свирепели. Они набрасывались на окруженного чунга по нескольку сразу и кусали его, а он не мог отбивать их всех. И вскоре он был засыпан ими, а потом и вовсе исчез. Борьба закончилась победой ла-и. Ненасытно голодные хищники съели его еще живым, съели без остатка и всех раненых и убитых ла-и, а потом одни из них собрались стаями и умчались, а другие окружили дерево, на которое забрался второй чунг, подняли морды кверху и зловеще завыли. Позже к ним присоединилось еще много-много ла-и.

Забравшийся на дерево чунг просидел там два дня и две ночи, не переставая реветь, не переставая звать на помощь других чунгов, но напрасно. Маленькие, разбросанные группы чунгов не смели прийти ему на помощь. Ужас перед ненасытными ла-и охватил их настолько, что они даже лишились голоса и ударились в дикое бегство. А ла-и продолжали без устали осаждать дерево и свирепо, зловеще выть. Одни из них убегали, другие прибегали, но дерево ни на минуту не оставалось без осады.

Наконец чунг на дереве замолк. Жажда, голод, холод, истощение уронили с дерева крупный, тяжелый плод; ненасытные ла-и подхватили его еще в воздухе и съели без остатка.

Чунг и пома увидели, что ничем не защищены от ла-и. В ужасе они представили себе, что ла-и смогут взобраться в скалистые впадины и когда-нибудь ночью съедят их, а они не будут иметь силы и возможности отбить их нападение и не смогут спастись. Камень, который они употребляли уже сознательно для обороны от и-вода или мо-ка, теперь казался им уже недостаточным средством обороны, ибо они держали в передних лапах только по одному камню, а ла-и было много-много...

СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА

Эта новая, невиданная доселе угроза заставила маленькие рассеянные группы чунгов соединиться в более крупные. Теперь их интересовал не только вопрос о том, что́ есть, но и о том, чтобы не быть съеден-

ными. Не столько сознательно, сколько инстинктом они понимали, что количеству ла-и нужно противопоставить свое количество.

К маленькой группе чунга и помы присоединились сначала еще один чунг и две помы, потом еще два чунга и две помы с детенышем. Они не могли сосчитать, сколько их стало, но сознавали, что много, и этого было довольно, чтобы успокоить их и внушить им чувство безопасности. Они двигались все вместе. Перед лицом общей опасности, в которой они находились постоянно, недостаток пищи редко становился причиной стычек, ибо ла-и продолжали бегать большими стаями, словно бешеные, и оглашать ночи своим зловещим, свирепым воем.

Однако для группы в десяток чунгов не всякая скалистая впадина могла служить убежищем. Они оказались вынужденными по вечерам забираться в некоторые из тех пещер, о которых уже знали как о наиболее пригодных для ночлега и о наиболее защищенных от ненасытных ла-и.

Выбор таких удобных и защищенных убежищ принадлежал чунгу и поме, так как опыт у них был богаче и они знали более верные способы защиты. Остальные чунги молча подчинялись их выбору. Все они инстинктивно понимали, что самое малое отдаление от любой группы представляет собою самую большую опасность. И все они инстинктивно подчинялись решениям самых смелых, самых сильных и самых опытных из них. А такими были именно чунг и пома.

Поэтому, когда однажды большая стая ла-и издали кинулась на них, чунг и пома, — вместо того чтобы искать спасения на ветвях попадающихся там и сям деревьев или ожидать ла-и на открытом месте, —помчались большими прыжками к крутому, скалистому склону, увлекая этим за собою и прочих чунгов. Когда они взобрались на склон достаточно высоко, у них вдруг вырвался гортанный рев, ранее подавленный. Но этот рев не был выражением ни беспамятного страха, ни безрассудной ярости: они словно хотели успокоить и подбодрить остальных чунгов, внушить им смелость и уверенность, подготовить их к предстоящей битве с ла-и.

И действительно, перепуганные, скулящие чунги остановились, столпились вокруг чунга и помы и сами стали угрожающе реветь.

Ла-и кинулись вверх по склону в таком множестве, что покрыли весь склон, который словно сам зашевелился и пополз кверху.

Те из чунгов, которые уже не раз прогоняли мо-ка, швыряя в него камнями, первыми начали сдвигать камни и скатывать их по склону навстречу ла-и. Остальные, поняв, что делают первые, тоже начали швырять камни и осыпать ими разинутые, непрерывно воющие пасти ла-и.

Один чунг, подняв в передних лапах большой камень, вышел вперед и швырнул его вниз с такой силой, что его рев превратился от напряжения в кашель. Вслед за ним стали выскакивать вперед и другие чунги, и перед ла-и взметнулось одновременно несколько десятков передних лап и на них сразу полетело множество камней.

Серый свет облачного дня потемнел от воя, визга и рева. Заметались внизу ушибленные ла-и, послышались хрипение, громкий визг. Иногда большой камень, с трудом выломанный чунгами, с грохотом летел вниз, оставляя за собою широкую полосу убитых ла-и. Те из хищ-

ников, которым удавалось наскочить на чунгов незамеченными, летели обратно со свернутыми шеями, с разодранной пастью, потому что к каждому из них протягивалось одновременно по нескольку передних лап, которые мгновенно разрывали его на части и отшвыривали назад.

Когда побежденные ла-и разбежались, а зловещий их вой стал затихать вдали, победившие чунги начали приплясывать и издавать победно-торжествующие звуки. А когда смерклось, все они сбились вместе в одной большой пещере, не чувствуя голода. Они ощущали сытость, словно вернулись к крупным сочным плодам своего прежнего тысячелетнего леса. Новая победа насытила их. Пещера была удобная, с мягкой, теплой почвой, и внутри хватало места для всех чунгов. Вход в нее тоже был широкий и удобный, но ни у входа, ни внутри не было камней, которые понадобились бы им в случае нападения ла-и или мо-ка.

Чунг и пома замигали глазами, но уже не с любопытством или удивлением, а вопросительно: чем они будут сражаться с ла-и или с мо-ка, если те придут ночью и почуют их в пещере?

Это новое затруднение пробудило у них новую догадку. Побуждаемые ею, они вышли из пещеры. Их силуэты мелькнули в вечернем сумраке и исчезли, потом снова мелькнули и снова исчезли; и так продолжалось до полной темноты, и при каждом их новом появлении слышался стук камней о камни. Это был первый случай сбора камней как средства обороны против нападения ла-и или мо-ка.

Эту ночь чунги провели спокойно, сознавая, что им есть чем бороться со свирепыми хищниками, а на другой день прочие чунги тоже стали приносить камни и складывать их у входа в пещеру.

И то ли ради увеличения кучки камней, то ли ради удобства пещеры, но чунги так и остались ночевать в ней и не спускали глаз с ведущего к ней пути. Мало-помалу она превратилась в постоянное место их ночлега и в убежище на случай неожиданной опасности. Превратилась в постоянное жилище. Кроме того, новое нападение ла-и показало им пользу собранных там камней. Наученные примером недавней обороны, они на этот раз попросту хватали камни из кучи и швыряли их в ла-и. Поэтому, когда нападение было отбито, а кучка камней исчезла, они приложили немало труда, чтобы собрать новую.

В одну из последующих ночей снова налетела сильная буря. Она зашумела и страшно завыла у входа в пещеру. Сбившиеся вместе чунги ощущали ее холодное дыхание и, вслушиваясь в ее резкий свист, мигали в темноте бессонными глазами. Им казалось, что вокруг мечутся, злобно воя, тысячи и тысячи ла-и.

И вдруг, неожиданно для всех, среди них самих послышался звук,

напоминающий завывание бури: «У-у-у-у!» Чунги вздрогнули от неожиданности, приподнялись и зарычали. Только чунг и пома остались спокойными, так как знали, что это подражает звуку разыгравшейся бури их детеныш.

НОВЫЙ ЧУНГ

По росту и силе юный чунг еще не мог равняться со взрослыми, а потому во всех случаях, когда малый опыт или могучий инстинкт говорили ему об опасности, он искал защиты у взрослых. Он первым убегал от опасности, или прятался за спину матери, или прыгал ей на грудь, пряча там курносое красноватое лицо, вцепляясь ей в шерсть и подражая голосу того животного, которого испугался.

С помощью своего материнского чувства пома научилась узнавать животное по этим звукам; если оно было действительно опасным, она отбрасывала детеныша за себя, чтобы встретить опасность со свободными лапами, а если оно не было опасным, она успокоительно ворчала. Таким образом, детеныш тоже учился безошибочно понимать звуки, издаваемые помой и другими чунгами; и его огромная потребность понимать и быть понятым постепенно удовлетворялась.

Никогда в тысячелетнем вечнозеленом лесу, где каждое дерево приносило по множеству плодов, условия жизни ни у кого не вызывали острой потребности выразить свои переживания и понимать переживания других. Пома и все прочие чунги рождались и жили среди ветвей, каждый жил почти отдельно от других, окруженный крупными сочными плодами и почти не подвергаясь нападению свирепых, сильных хищников. Поэтому пома и все прочие чунги не могли унаследовать больше того, чем владели прежние поколения, и не могли узнать больше того, что им давали среда и условия жизни.

Но теперь юному чунгу приходилось узнавать много нового, ранее просто ненужного для взрослых чунгов. Это обогащало и развивало опыт, унаследованный им от помы и чунга; и чем больше он подрастал, тем ловчее и целесообразнее приспосабливался к новой среде и новым условиям жизни.

Правда, он не мог лазать по деревьям так легко, как взрослые чунги. Да в этом ему и не было надобности, так как деревья не могли защищать от холода и сырости, ночевать на них было неудобно, а пищи на них было недостаточно. Но зато он умел хватать и ощупывать передними лапами гораздо лучше старших: лапы у него приобрели гораздо бóльшую гибкость и ловкость, чем у помы. Так, в то время как чунг и пома хватали камни, попросту прижимая их согнутыми пальцами к ладони,

он охватывал камень всеми пальцами, включая подвижный большой, и потому держал его гораздо крепче и надежнее.

Задние лапы у него стали более толстыми и мускулистыми. Пальцы на них все более грубели и теряли подвижность, так как он почти ничего не хватал ими, а только ступал на них при ходьбе. Ладони задних лап становились все более плоскими и негнущимися и постепенно превращались в ступни. Это позволяло ему держать туловище прямее и устойчивее, и мало-помалу он отвык помогать себе при ходьбе передними лапами, тем более что эти лапы всегда должны были оставаться свободными, чтобы обороняться при нападении и чтобы хватать предметы. В сравнении с его походкой походка помы и всех прочих чунгов, хотя они уже привыкли держаться довольно прямо, оставалась лишь смешным ковылянием.

Чем больше подрастал юный чунг, тем больше земля беднела пищей. Холод все усиливался, а стаи ла-и постоянно умножались. Чунги жили под гнетом тройного ужаса: холода, голода и опасности быть съеденными.

Однажды утром с неба снова посыпались мягкие белые пушинки. На этот раз они падали так густо, что затянули сеткой все вокруг и вскоре покрыли всю землю. Чунги ожидали, что не сегодня-завтра белый покров на земле опять исчезнет. Но он не исчез ни на другой, ни на третий, ни на последующие дни. Не прекратилось и падение белых пушинок с неба. Все вокруг было покрыто и засыпано ими.

Напрасно обращали чунги взгляды к небу. Напрасно ожидали появления белого светила. Напрасно оглядывали голые ветви деревьев: не увидят ли там лист или плод. Небо было суровое и серое, холодное и хмурое. Белое светило не показывалось. Ветки деревьев стояли мертвые, голые, сухие. И белые пушинки засыпали траву и невысокие кусты, и чунги больше не видели, где искать коренья и луковицы.

Для защиты от мо-ка и ла-и у них были камни, а к силе камней они присоединили свое количество. Для защиты от холода у них был волосяной покров, были глубокие скалистые впадины, куда можно было забиться. Когда бывало очень холодно, они сбивались плотно вместе и таким образом грелись. Но для защиты от голода у них не было другого оружия, кроме непрестанного и нелегкого выкапывания из земли корневищ и луковиц, кроме обгрызания коры с побегов невысоких кустов. А сейчас даже кусты стали исчезать под белым покровом, который становился все толще и толще, так как белые пушинки не переставали слетать с неба. Чунги уже ходили по этому белому покрову, и их ступни целиком тонули в нем.

Поэтому, несмотря на страх перед мо-ка и ла-и, несмотря на холод и влажность белого покрова, чунги начали спускаться на равнину, все

больше отдаляясь от скалистых пещер и впадин и все позже возвращаясь к ним. С утра до вечера они были заняты тем, что копали, вытаскивали и обгрызали, жевали и глотали, но все не могли ощутить сытости в желудках. Энергия, полученная от пищи, целиком уходила в усилия найти пищу. От постоянной сырости и холода белого покрова пальцы у них коченели, а зады сильно зябли, когда они садились. Некоторые из более старых чунгов начали кашлять и дрожать в ознобе.

СИЛА ГОЛОДА

Однажды вечером группа чунга и помы, не притупив острого чувства голода, возвращалась в свою пещеру, суровая, молчаливая и недовольная. Юный чунг, ставший уже почти таким же большим и сильным, как взрослые, и начавший выказывать в своих действиях бо̀льшую сообразительность, первым вошел в пещеру и на мгновение загородил ее вход своей широкой спиной. Но в тот же миг из глубины пещеры выскочил острозубый, острокогтистый кат-ри, кинулся на юного чунга и впился острыми когтями ему в грудь.

Гонимые усиливающимся холодом и свирепостью, кровожадные ла-и и другие хищники начали искать в пещерах и скалистых впадинах более теплого и безопасного убежища на ночь. По этой же причине забрался в пещеру чунгов и кат-ри. Оставшийся от чунгов запах не тревожил его, так как не был запахом ни и-вода, ни мо-ка.

Но, учуяв приближение чунгов, кат-ри быстро вскочил и заметался по пещере в поисках другого выхода, а потом бросился вон.

Как раз в это мгновение перед ним вырос юный чунг, и кат-ри кинулся на него.

Давно привыкший с помощью чунга и помы бороться и побеждать, давно научившийся пользоваться камнем для защиты и нападения, юный чунг встретил врага быстрым ударом камнем по черепу. Разбитая голова кат-ри повисла, но острые когти оставались вонзенными в грудь юного чунга. Разъяренный сильной болью, тот отшвырнул от себя камень, обхватил кат-ри передними лапами и впился ему зубами в мохнатое горло. Широкие челюсти сжались со страшной силой, зубы прорезали кожу зверя...

Из прокушенной кожи брызнула теплая кровь, попала ему в рот, и он проглотил эту кровь. По языку и небу у него разлилось ощущение сладости и теплоты.

О, как приятно, как тепло, как сладко! Это новое ощущение можно

было сравнить только с тем, какое он испытывал, когда сосал материнское молоко.

Чунги столпились вокруг него, взъерошившись и протягивая лапы к кат-ри. Им казалось, что юный чунг сцепился с хищником в кровавой схватке, и они подскочили с явной целью вмешаться в борьбу. Но они с изумлением увидели, что кат-ри безжизненно висит в передних лапах юного чунга, а тот впился зубами ему в шею и довольно урчит. Потом увидели, что юный чунг откусил кусок мяса, но не выплюнул, а начал жевать, ворча от удовольствия.

Чунги были так голодны, что самое зрелище жевания словно опьянило их. Их тоже охватило непреодолимое желание жевать. И они наперебой протянули к кат-ри передние лапы и впились в него зубами, кто как мог, кто где мог.

Вскоре кат-ри был съеден. От него остались только кости и куски мохнатой шкуры, разбросанные по пещере во все стороны. Голод, так долго и неотступно мучивший чунгов, притупился и исчез. В горле у них стоял сладковатый вкус. Пальцы слиплись от засохшей крови. Сытость заставила их тоже заурчать от удовольствия.

Однако вскоре они почувствовали, что животы у них вздулись и отяжелели. Начались сильные боли, вызванные непривычной мясной пищей, к которой они прибегли впервые в своей жизни. Вместо довольного урчания в пещере послышались тяжелые стоны.

Правда, за время своих скитаний они узнали вкус только что вылупившихся кри-ри. Но эти птенцы были совсем маленькими, хрупкими и представляли слишком малое количество пищи для объемистых желудков чунгов. А на этот раз они попросту объелись.

Чунги не могли знать, что причиной болей у них в животе было съеденное ими мясо. Лишь позже, когда подобные случаи повторились несколько раз, они уловили связь между тем и другим. Но это не уменьшило их жадности, не заставило отказаться от мясной пищи. Боли от объедания они предпочитали болям от голода.

Ночью они ощутили сильную жажду. Они выползли из пещеры на четвереньках и, не смея спуститься и искать воду внизу, принялись лизать устилавший землю слой белых пушинок. Пушинки таяли у них во рту, охлаждали им горло, и жажда постепенно проходила.

Полная сытость, которую чунги ощутили после мясной пищи, разожгла их аппетит и побудила к хитростям, не свойственным им ранее. Вместо того чтобы выкапывать коренья из земли и обгрызать кору с деревьев, они стали окружать впадины и пещеры в скалах, затаиваться у входа в них, вооружившись острыми камнями. Один пестроголовый пещерный виг был захвачен ими прямо в логовище и после короткой неравной борьбы одного против многих разорван и съеден. Коротковх о-

стый лен увидел, что ему угрожает еще один враг, не меиее опасиый, чем остальиые. Кровожадному и-воду приходилось убегать при встрече с ними. Пушистый кат-ри больше ие мог рассчитывать иа свои острые зубы и когти; ему оставалось иадеяться только иа свою ловкость в карабканье по скалам и иа быстроту в беге. Чуиги не смели нападать только на мохнатого мо-ка и на стаи иеиасытных ла-и.

Но у вига, и-вода и кат-ри было перед чуигами одно неоспоримое преимущество: быстрота бега. В свободном беге никакой чунг не мог догнать ни кат-ри, ни вига. Чтобы поймать кого-иибудь из иих, чунгам приходилось прибегать к молчаливому подстереганию, к неожидаиности, к хитрости. Своим количеством оии могли испугать даже мо-ка и потому научились действовать из засады.

Никто ие мог бы вспомнить, кому из них первому пришла в голову очередиая хитрость. Все затаились за кучей камией и веток; и только юиый чуиг вышел вперед и стал издавать хриплые, жалобиые звуки, полные страха и тревоги. Отдалившись от притаившейся группы на миого прыжков, ои опустился на четвереиьки и усилил свои хриплые, жалобные вопли.

Но вот на фоие белого покрова иа земле мелькиула темиая теиь и-вода, припала к земле и поползла к юиому чунгу. Тот увидел ее, испугаино вскрикиул и бегом пустился в обратиую стороиу. И-вод помчался вслед за перепуганной жертвой, быстро сокращая расстояние между иею и собой. Ои ничуть не сомиевался в том, что юиый чуиг ие сможет спастись от него.

Но вдруг юиый чунг обернулся, выпрямился во весь рост, и его испуганиое повизгиваиие сменилось грозным ревом. Ои неожидаиио взмахиул передией лапой, и и-вод ощутил сильный, тяжелый удар по голове. Ошеломленный ударом, он не увидел, как и откуда на иего набросилось множество чуигов. Яростный

рев оглушил его, а новые удары вовсе ошеломили. Он завертел толстой шеей во все стороны, защелкал зубами, чтобы схватить кого-нибудь из нападавших, но не успел. Чунги растерзали его еще живого — кто зубами, кто пальцами — и начали жевать и глотать куски теплого, дымящегося мяса.

Присев у растерзанной добычи, юный чунг совершенно случайно наступил задней лапой на довольно большой кусок его шкуры и уловил разницу в ощущениях: в то время как ступня и пальцы одной лапы продолжали зябнуть в слое белых пушинок, ступня и пальцы другой лапы, стоявшей на лоскуте шкуры, стали согреваться.

Он перевел взгляд на лоскут, скинул с него лапу и поставил другую. Такое ощущение мягкости и теплоты появилось и в ней, зато сдвинутая оттуда лапа начала зябнуть. И тогда он увлекся игрой: ставил на лоскут шкуры то одну, то другую лапу, так что ощущения теплоты и холода чередовались.

Когда и-вод был окончательно съеден и чунги двинулись прочь оттуда, юный чунг взял лоскут шкуры и двинулся вслед за остальными.

Вернувшись в пещеру, чунги уселись наземь с раздутыми животами, довольные и сытые. День был удачен для них: и-вод был крупной добычей, и сегодня им больше не понадобится искать пищу. Юный чунг повертелся вокруг себя один-два раза и тоже сел.

Вдруг снаружи донесся далекий, протяжный вой ла-и. Юный чунг вскочил первым, уронив свой лоскут шкуры, и кинулся к выходу из пещеры. Другие чунги тоже вскочили и столпились у выхода, каждый схватив по камню из собранной здесь кучи. Зорким взглядом они различили вдали сероватые тени ла-и, которые вертелись вокруг остатков и-вода и поедали его.

Ла-и были очень далеко, и их было мало. Успокоившись, чунги вернулись в глубь пещеры и снова уселись по своим местам. Но на этот раз юный чунг ощутил под собою не холод камня и земли, а мягкость и теплоту лоскута шкуры, на который нечаянно сел. Он заерзал на шкуре и захихикал от удовольствия.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Однажды чунгам довелось увидеть настоящее чудо: прямо перед ними возникли, словно ниоткуда, несколько хо-хо. Они были такие огромные и такие мохнатые, что чунги буквально оторопели, увидев их. Чунги уже начали забывать хо-хо из сгоревшего леса и в первую минуту приняли их за каких-то неизвестных, никогда не виданных живот-

ных. Но все же это были настоящие хо-хо: с гибкими, длинными до земли носами, которыми они могли размахивать во все стороны, как чунги передними лапами, с неимоверно широкими ушами. Только зубы у них были не такие, как у прежних хо-хо — прямые и торчащие вперед, — а гораздо длиннее и сильно изогнутые. Они загибались вверх настолько, что чуть не упирались им в глаза, и в их изгибы чунги могли бы пролезть, как в дыру.

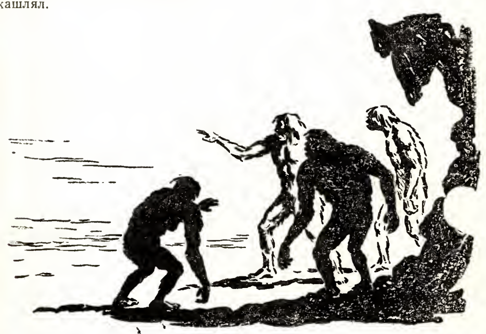
И лишь сейчас, с появлением хо-хо, чунги заметили, что все животные идут в одну и ту же сторону и что ушедшие больше не возвращаются. Все они шли с одной стороны и исчезали в противоположной. У тептепа, у и-вода, у лена, у кат-ри, у вига, у всех прочих зверей направление движения было одно и то же. Вслед за всеми этими животными шли мо-ка, за мо-ка шли ла-и, за ними, после всех, шли хо-хо.

Чунги не знали, откуда идут все эти животные, куда они идут, что их гонит в одном и том же направлении; да они и не задавали себе та-

ких вопросов. Они только заметили, что изо дня в день становится все холоднее, нестерпимо холодно, и что мягкие белые пушинки летят с неба непрерывно, а слой их на земле с каждым днем утолщается. Ночи стали вдвое светлее и вдвое холоднее, а пищи почти нигде нельзя было найти. И однажды, в сознании своей полной беспомощности перед все усиливающимся холодом, с единственной мыслью спастись от него, они двинулись в путь в том же направлении, куда шли прочие животные.

Однажды утром группа чунга и помы вышла из пещеры, где провела несколько дней, и снова двинулась вперед. Один старый чунг, кашлявший безостановочно вот уже много дней, вышел последним и двинулся было вместе со всеми, но отставал все больше и больше. Он с трудом ковылял на задних лапах и, как всегда, делал прыжки с помощью передних. Но эти прыжки были медленные и усталые, тяжелые и неуклюжие; он часто останавливался отдохнуть и все кашлял и кашлял.

Чунг и пома понимали яснее всех прочих, что чем больше их группа, тем легче ей обороняться от мо-ка и ла-и, и потому останавливали группу, чтобы подождать старого чунга. Они не давали также чунгам расходиться далеко друг от друга в поисках пищи, так как помнили об участи двух чунгов, съеденных ненасытными ла-и.

Но старый чунг отставал все больше и больше. Прыжки его становились все слабее, он останавливался все чаще. Чунги смутно поняли, что не могут больше дожидаться его, ибо тогда ради одного погибнут все. И когда старый чунг после утомительного прыжка остановился и сильно раскашлялся, чунг и пома не остановили группу, она продолжала идти вперед. Старый чунг, должно быть, понял, что останется один, беспомощный, как новорожденный детеныш. Он смотрел вслед уходящим тревожно-умоляющими глазами, потом так же тревожно и умоляюще заревел, но никто из чунгов не остановился и даже не обернулся к нему.

Долгое время чунги еще слышали за собою его унылый, молящий рев; потом рев начал слабеть, затихать, и наконец чунги вовсе перестали его слышать.

Позже другая группа, проходя тем же путем, видела старого чунга: совсем один, скуля и дрожа от холода, он из последних сил старался двигаться прыжками вперед. Он уже устал реветь и только тяжело, болезненно стонал. Но и эта группа не остановилась ради него, а прошла мимо. А вскоре после того старый чунг громко, испуганно и жалобно завыл. Чунги обернулись и увидели, что на него набросились несколько ла-и и рвут его на части еще живого; но и на этот раз чунги не вернулись к нему. Ибо они рисковали тогда погибнуть все ради одного.

Все усиливающаяся стужа заставляла чунгов искать себе убежище на ночь задолго до вечера; и однажды еще засветло они остановились у входа в какую-то пещеру. Но когда они хотели войти в нее, их встретило глухое гортанное рычание и прямо перед ними вырос огромный мохнатый мо-ка. Чунги испуганно отпрянули и совсем освободили устье пещеры. Они ожидали, что мо-ка сам выйдет оттуда и убежит, испугавшись их количества. Но мо-ка только появился у входа и решил остаться внутри, огромный и мохнатый, упрямый и гневно рычащий.

Чунги долго ждали, чтобы он вышел. Но он все не выходил: стоял в пещере, угрожающе, гневно рычал и не хотел уступать пещеру чунгам. А кругом уже начало темнеть, и чунгам грозила опасность провести эту ночь на открытом месте, без защиты от острых укусов холода, замерзая и коченея. Тогда они начали рычать от нетерпения и ярости, но напасть на мо-ка никто не решался. Но вот юный чунг, высокий и сильный, под-

скочил к мохнатому зверю с острым камнем в передней лапе. Первой вслед за ним подскочила пома, а за нею на мо-ка налетели все остальные чунги, каждый с острым камнем в передней лапе.

Началась жестокая, кровавая битва с чудовищно сильным и крупным зверем. Битва за обладание пещерой, где чунги могли бы спастись от ночной стужи.

Мо-ка встретил нападающих острыми зубами, огромной мускульной силой, тяжелыми, могучими лапами. Чунги ответили ему еще более острыми камнями и чудесной способностью ударять передними лапами. Мо-ка был один, а их много. Правда, он убил одного из них, но остальные убили его и завладели пещерой.

Острые камни чунгов располосовали толстую кожу страшного зверя. С торжествующим ревом и радостными всхлипываниями чунги набросились на мясо и стали рвать его зубами и ногтями. Потом, насытившись, они расселись по пещере, довольно урча и почесываясь.

Некоторые из чунгов при этом случайно уселись на разбросанные по пещере лоскуты шкуры убитого мо-ка и принялись ерзать по ним, хихикая от удовольствия, как ерзал юный чунг, сев на лоскут шкуры убитого кат-ри. Шкура мо-ка грела особенно приятно; и каждый из них принялся собирать куски ее и складывать, чтобы сесть на них. С этого дня всякий раз, когда им случалось убить мо-ка, или и-вода, или вига, или кат-ри, каждый из чунгов стремился завладеть куском шкуры, чтобы, садясь, подкладывать под себя. Пробужденное сознание подсказывало им, что шкуры убитых и съеденных ими животных имеют свойство греть, если сесть на них.

А у юного чунга сознание сделало еще один шаг вперед — и чунги увидели однажды, как он встал и взял с собою лоскут шкуры, на котором сидел всю ночь; как не выпускал его из лап целый день и как на следующий день подложил его под себя, в то время как все другие чунги сидели на голых камнях.

Сначала смутно, а потом все яснее и яснее чунги поняли, что сделал юный чунг и почему он это сделал. А тогда каждый из них стал носить с собою по одному, по два лоскута шкуры, чтобы сидеть на них днем или ночью, и бросал их только тогда, когда нужно было убегать, или нападать, или защищаться.

Один раз группа чунга и помы, двигаясь изо дня в день в одном и том же направлении, заметила в ветвях раскидистого дерева какое-то животное, похожее на кат-ри, но меньше его. Пома первой увидела его и первой предостерегающе крикнула. Она отбросила камень, который держала в передней лапе, и полезла на дерево. Началась погоня по ветвям. Животное перепрыгивало с ветки на ветку, взмахивая длинным

хвостом, оглядывалось сверху на пому круглыми глазами и время от времени испуганно взвизгивало.

Пушистый хвост позволял ему делать большие прыжки с ветки на ветку почти над головой у помы и бегать по веткам, слишком тонким, чтобы выдержать ее тяжесть. Внизу дерево было окружено чунгами, которые следили за погоней и в то же время отнимали у зверька возможность спуститься с дерева и убежать.

Видя, что не может спуститься, зверек забрался на ветку еще выше и притаился в развилине. Пома хотела поймать его, но ветки затрещали под нею, а одна даже сломалась и осталась у нее в передней лапе. Пома остановилась, вперив в зверька алчный, голодный взгляд. Зверек сидел в развилине почти над головой у нее, а она никак не могла дотянуться до него лапой. Она недовольно заворчала и начала озираться во все стороны, стараясь найти способ, чтобы поймать зверька Взгляд ее упал на ветку, которую она бессознательно продолжала держать в лапе, и тут она вдруг заревела, словно внезапно проснувшись. Потом замахнулась веткой и сильно ударила зверька. Раздался громкий визг, зверек подскочил в воздух, перевернулся несколько раз и полетел вниз, где исчез в передних лапах жадно поджидавших его чунгов.

Пома вместе с веткой побыстрее спустилась с дерева, так как зверек был слишком маленьким, чтобы утолить голод всех чунгов. Она, не глядя, отшвырнула ветку и замешалась в группу чунгов, уже разрывавших зверька на куски.

Только юный чунг остался в стороне и не участвовал в растерзании зверька. Он вместе с прочими видел, как пома сломала ветку, как замахнулась и ударила ею и как зверек упал вниз. Стоя на задних лапах, мигая, словно в глаза ему брызгали водяные капельки, он вглядывался в брошенную помой ветку. И со свойственным ему любопытством, к которому примешивалось все более ясное понимание случившегося, он подошел к отброшенной ветке, наклонился и взял ее, а потом принялся разглядывать и ощупывать с таким интересом, словно видел дерево впервые в жизни. Потом схватил ее за конец, поднял над головой и с радостным визгом замахал ею во все стороны.

Чунги изумленно смотрели на него. Пома, которой пробудившийся разум приказывал держать ветку в лапах, подбежала к юному чунгу и хотела отнять ее у него. Но юный чунг, уже превышавший пому ростом и силой, ударил ее веткой по голове. Удар не был сильным — пома стояла слишком близко к юному чунгу, чтобы тот мог размахнуться передней лапой. И все же пома зашаталась, на мгновение замерла и упала наземь, закрыв глаза. И долго еще чунгам пришлось стоять и ворчать вокруг нее, пока она не очнулась и не встала. Юный чунг тоже стоял около нее, смотрел, мигая глазами, но в то же время крепко сжимал ветку в передних лапах.

В тот же вечер группа чунгов остановилась перед другой пещерой. А когда прошла и эта ночь, свет нового дня озарил фигуры чунгов, двигавшихся вперед, на юг. Все они держали в передних лапах кто толстый сук, кто острый камень.

Холод, который тянулся с севера, замораживал их следы на земле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА

Холодный голубовато-сиреневый сумрак лежал над землей. Сумрак морозного рассвета. Над восточным горизонтом трепетал едва заметный бледный, рассеянный отсвет. На западе земля и небо сливались в тяжелой черной неподвижности. С севера на юг плыли громады тяжелых туч. Некоторые из них спускались так низко, что задевали за вершины огромных деревьев. Горы все покрыты снегом. Огромные скалы чернеют в пустоте, мертво-немые и неподвижные. Везде и всюду мертвенно-пусто; нет ни звука, ни рева, ни шума звериных шагов.

Но постепенно бледный, рассеянный свет над горизонтом на востоке усилился. Небосклон начал медленно розоветь, а по краям облачных громад появился слабый золотистый отблеск. Там и сям тяжелый облачный покров начал разрываться; и в кратковременных просветах показывалась светлая синева небес. И хотя над равнинами и бездонными ущельями еще лежали синеватые мутные сумерки, но снежные вершины гор уже засияли легким пурпурным светом.

И вот горы и равнины каким-то чудом ожили, словно бледные лучи зари вдохнули жизнь в помертвевшую землю. В ветвях деревьев началось какое-то порхание, между стволами заскользили чьи-то тени. Из темных устьев горных пещер выползли мохнатые чудовища. Огромные кри-ри, распустив черные крылья, с легким свистом прорезали воздух. С одной древесной вершины донеслось кроткое воркованье, с другой — резкое карканье. Нежное блеянье дже смешалось с глухим ревом грузного мута. Раздалось разъяренное рыканье страшного мо-ка, жалобный,

протяжный вой свирепых ла-и... Началась великая каждодневная битва за жизнь.

Из темного устья одной пещеры появились какие-то странные существа. Они столпились перед устьем, прислушивались, подмигивали друг другу, оглядывались. Некоторые присели на корточки, другие стоят на задних лапах и все морщат свои безобразные красноватые лица. Одни сжимают в передних лапах острые камни, другие держат короткие безлиственные ветки. Холодный северный ветер взъерошивает им шерсть, и они дрожат от холода.

Никогда еще ни земля, ни животные на земле не видели таких странных существ. Не знали их ни грау, ни мо-ка, ни даже белое светило. У этих существ были сильные косматые тела, живые блестящие глаза, рыжевато-черная шерсть и широкие сильные челюсти; они могли двигаться, встав на задние лапы, а передними размахивать во все стороны и хватать все, что захотят. Конечно, они были похожи на чунгов, но решительно были чем-то бо̀льшим, нежели чунги, так как передние лапы стали у них руками; и они пользовались деревом и камнем так ловко и сознательно, как никакой другой чунг до них.

Но все же это были чунги. Это те же чунги, настоящие чунги. Во главе их большой стаи находится юный чунг. Юный чунг — самый прямой, самый сильный и смелый в целой стае; и все остальные чунги признают это и подражают ему во всем. Все считают его вожаком, и он вошел в их сознание, как Смелый чунг.

Близ него сидят Большой чунг и Старая пома, все еще прихрамывающая на заднюю лапу. Шкура у обоих поседела от старости, и в мускулах уже нет той упругости и силы, которая позволяла им выходить победителями из многих битв с крупными, сильными хищниками. Они тоже давно уже ходят на задних лапах, но долгое хождение зачастую утомляет их; и потому им трудно следовать за быстрыми и ловкими молодыми чунгами. Они тоже носят с собою по острому камню, не выпуская их даже тогда, когда начинают бежать на четвереньках. Они первыми открыли силу острого камня в борьбе с хищниками и своим личным примером научили этому и других чунгов.

Рядом со Смелым чунгом сидит одна молодая пома. Она не такая крупная и сильная, как Смелый чунг, но все же очень крупная и сильная и во всем остальном похожа на других пом в стае. Только шкура у нее имеет рыжевато-бурый цвет и блестит больше, чем у других пом, а туловище и ноги не так косматы, как у них. Этот рыжеватый цвет шерсти очень нравился молодым чунгам; и потому все молодые самцы отдавали предпочтение бурой поме. А когда она выросла и для нее пришло время выбирать себе пару, каждый самец хотел, чтобы она выбрала его. Они начали бить себя кулаками в грудь, реветь и наскакивать друг на друга;

и каждый старался реветь как можно громче и страшнее, чтобы Бурая пома выбрала именно его.

Смелый чунг тоже хотел, чтобы она выбрала его, и потому тоже ударил себя кулаком в грудь и заревел. Его воинственный, вызывающий рев прозвучал мощнее и громче, чем рев других молодых чунгов. А так как он был самым сильным и смелым чунгом в стае, то никто не посмел вступить с ним в поединок, и Бурая пома выбрала его.

Она была последним детенышем Старой помы, у которой после нее уже не было детей. Но Смелый чунг не сознавал, что Бурая пома — его сестра, да и Бурая не знала, что Смелый — ее брат. Зато Смелый хорошо знал, что у нее скоро будет детеныш и что он не должен и не может расставаться с нею ни сейчас, ни после, когда ему придется заботиться о новорожденном и о его матери. Он знал,что она значит для него гораздо больше, чем Большой чунг, чем Старая пома и все другие чунги.

И оба хорошо знали, что до конца своей жизни всегда будут вместе, как всегда были вместе Большой чунг и Старая пома. Они знали, что новый детеныш появится скоро — может быть, сегодня, или завтра, или на следующий день после того... И Смелый поворачивал голову к Бурой, приближал к ней лицо и озабоченно вглядывался. Потом он прикасался к ней губами и начинал перебирать ими, словно говоря: «Я с тобой и всегда буду с тобой И мы оба позаботимся о нашем детеныше и не позволим, чтобы его съели ни ла-и, ни мо-ка, ни и-вод...»

Бурая пома благодарно посмотрела на него, потом тяжело вздохнула и загляделась куда-то вдаль. Она думала о маленьком чунге. Мысли у нее были совсем неясные, неопределенные; она сама не знала, что такое мысли, но от всего этого ощущала одновременно и тревогу и радость.

В стае было еще много других семейств: наверное, больше, чем пальцев у одного чунга и еще у одного. Были и маленькие чунги. Некоторые помы носили на груди совсем маленьких детенышей, вцепившихся им пальцами в шерсть, и кормили их своим молоком. Детеныши постарше носили в руках камни и ветки. Они еще не знали, для чего им эти камни и ветки, потому что были еще маленькими; но они уже считали себя большими и во всем подражали взрослым.

Все чунги огляделись кругом и долго смотрели вдаль. Потом Смелый выпрямился, взмахнул суком, который держал в руке, двинулся вперед и гортанно крикнул:

— У-о-кха!

— У-о-кха! — повторили и другие чунги, подгоняя этим друг друга, и все двинулись вслед за Смелым — одни столпившись, другие рассеиваясь. От высоко расположенной скалистой пещеры начиналась широкая долина, еще окутанная голубоватым утренним туманом, и стая начала спускаться туда.

Откуда шли чунги? Куда они идут? Этого не мог бы сказать даже Смелый чунг, самый сильный и отважный из всех. Все они чувствовали, что кто-то непрестанно гонит их, гонит все дальше на юг, и что этот кто-то сильнее всех чунгов на земле и страшнее всех грау и всех мо-ка, собранных вместе. Этот кто-то, о котором у них не было никакого представления, — кроме того, что он похож на грау величиной с гору, — преследовал их с незапамятного времени. Этот грау неотступно шел по их следам, и все живое убегало от его леденящего дыхания.

Страшный, всесильный, всевластный, он убивал и замораживал даже деревья и превращал все в глухую белую пустыню. И животные неустанно убегали. Через равнины и каменистые осыпи, через высокие плоскогорья и глубокие ущелья, между стволами гигантских деревьев, через колючие кусты и болота, где не один из них тонул и погибал, они продолжали двигаться все вперед и все время на юг.

Чунги не знали, в каком направлении двигаются и зачем должны двигаться в этом направлении. Они сознавали только, что белое светило должно всегда восходить по одну их сторону и заходить по другую. Но даже когда белого светила не бывало, даже когда им случалось идти ночью, они неизменно и безошибочно шли в одном и том же направлении.

Так они двигались день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Странное бегство, которого ни один чунг не сознавал как бегство, во время которого они рождались, вырастали, старели и умирали! Их стая то уменьшалась, то увеличивалась, так как все, оказавшиеся непригодными для этой новой, суровой действительности, отставали и умирали. Одни, одряхлев от старости, останавливались на отдых и засыпали, чтобы никогда не проснуться больше, а трупы их замерзали или бывали съедены. Других, которые не носили с собою острых камней и веток, растерзывали ла-и или мо-ка. Третьи тонули в болотах и топях. Четвертые падали во внезапно открывшиеся под ногами пропасти и ямы. Пятые умирали от голода и истощения. Но вместо них к стае присоединялись другие чунги или рождались новые, но и из этих могли уцелеть только те, которые оказывались наиболее сильными и приспособленными.

Глубоко в сознании чунгов таилось какое-то чувство, что все, что им встречалось в этом пути на юг, все эти пещеры в скалах, безлесные равнины и обрывы, эти слабоветвистые деревья с острыми, как иглы, листьями уже знакомы им. Где-то глубоко у них в сознании таилось ощущение, что сейчас они возвращаются по пути, пройденному в далеком, полностью позабытом прошлом при другом бегстве на север, бегстве от другой могучей стихии, от какого-то свирепого пожара. Но воспоминание это настолько побледнело, стало таким смутным и неопределенным, что они ни в коем случае не могли представить себе своего прош-

лого — да это уже и не были те же чунги. Кроме того, морозный северный ветер и скудость пищи заставляли их думать только о том, как бы прокормиться и защититься от холода...

Уже совсем рассвело. Тяжело нависшие облака все ползли над вершинами деревьев и утесами, лишь время от времени разрываясь и открывая то там то сям кратковременные просветы. Тогда широкая долина, по которой чунги шли на юг, покрывалась золотистыми пятнами в лучах белого светила. Одно такое золотистое пятно затрепетало совсем близко от чунгов, подползло к ним, согрело — и все они присели, щурясь от его теплоты. Так редко случалось белому светилу побаловать их, дать почувствовать свою теплоту и порадовать своими лучами. Целыми месяцами оно пряталось за серыми тучами, целыми месяцами небо бывало сердитым, и дни шли один за другим, тяжелые, нерадостные, серые и холодные.

Присела на корточки и Старая пома, устало вздохнула и молча, устало зажмурилась. Она была уже совсем старая и чувствовала, как с каждым днем все больше теряет силы. Чувствовала, что приближается день, когда она должна будет отстать от прочих и умереть, как умирали тысячи других чунгов до нее. Чувствовала, как ее охватывает приятная, непривычная для чунгов истома и сонная, ленивая дремота. Ей хотелось отдыхать долго-долго. Хотелось спать долго-долго.

Но захочет ли Смелый чунг, вожак стаи, остановить стаю и ждать, пока она совсем отдохнет? Сделает ли он это для своей старухи матери? Нет, Старая пома знала, что Смелый чунг, чунг-вожак, не сделает этого, не может сделать, не должен делать. Потому что этот громадный, страшный грау, следов которого чунги не могли найти, но ледяное дыхание которого ощущали на коже, тогда настигнет и заморозит всех.

Кроме того, Смелый уже забыл, что Старая пома — его мать, что он вырос у нее на груди и благодаря ей стал крупнее и сильнее других чунгов. Он уже никак не мог вспомнить, что ради него она не однажды рисковала жизнью в борьбе с мо-ка, с и-водом, с ла-и, с вигом и что рубцы от тяжелых ран, покрывающие ее широкую, когда-то мускулистую грудь, — это следы от зубов и когтей свирепых хищников. Смелый давно уже разорвал всякие родственные узы со Старой помой. Пелена глубокого забвения покрыла и поглотила всякое чувство сыновней любви, признательности и благодарности...

Старая пома взглянула на Смелого, присевшего подле Бурой, и зажмурилась в каком-то тихом, скорбном забытьи. Этот крупный, смелый чунг, самый крупный и смелый из всех, был рожден ею, но давно уже забыл об этом. А она может отличить его от всех прочих чунгов не только потому, что он ее сын и что родственная связь с ним не может изгладиться из ее памяти, но и потому, что он прямее всех держится, ловчее всех держит ветку в руке, во всем более хитер и сообразителен.

более понятлив и впечатлителен. Она может узнать его потому, что он выкапывает коренья и луковицы искуснее всякого другого чунга и не выпускает ветку из рук даже когда спешит... И слабый огонек материнской радости и гордости загорелся у нее в глазах и на мгновение оживил ее взгляд.

Но Смелый не заметил ее трепетного, теплого и гордого материнского взгляда. Он сморщил лицо и устремил живые, блестящие глаза вперед, где долина расплывалась и исчезала в сером тумане, — словно он обдумывал что-то важное, что-то решающее для всей стаи чунгов. Потом он поднял голову к небу, взмахнул своей веткой, шагнул вперед и снова произнес гортанно:

— У-о-кха!

— У-о-кха! — повторили остальные и двинулись вслед за ним. Никто не мог ясно осмыслить те звуки, которые издал Смелый и какие издавали они сами, но все их понимали. «Вперед, вперед! — означали эти звуки. — Всей нашей стае грозит большая опасность; и нам нельзя беспричинно и надолго задерживаться на одном месте; и всем нужно двигаться заодно, чтобы мы могли защититься от страшного грау, постоянно преследующего нас...»

Привстала и Старая пома, чтобы двинуться вместе со стаей, но не двинулась. Тяжелая усталость, охватившая ее, вызывала у нее особенное чувство странной сонной истомы. Она постояла немного, словно размышляла и колебалась, идти или остаться, потом отказалась и снова села. В то же время просвет в облаках над нею снова закрылся, белое светило исчезло, все вокруг стало серым и унылым, и она засмотрелась вслед уходящим чунгам как-то безразлично, без желания последовать за ними и без страха, что они уйдут и что она никогда не догонит их. В жилах у нее разлилась еще бо́льшая сонливость, дремота стала еще тяжелее. Какое-то полузабытье прикрыло ей глаза, и она совсем отдалась ему. Легла на бок и задремала. И в дремоте ей привиделись какие-то далекие леса, до краев полные соков, теплоты и влаги. По деревьям висят яркие плоды, ветви свесились низко к земле. Лес озарен горячими лучами белого светила, хвостатые чии-ги скачут с ветки на ветку и радостно, весело кричат. В густолиственных ветвях поют маленькие пестрокрылые кри-ри. Но вместе с тем из темных зарослей доносится глухой рев жестокого грау. Однако Старая пома не испытывает перед ним никакого страха, да и другие чунги тоже не боятся грау, потому что все держат в руках острые камни и толстые ветки. Они высоко поднимают эти камни и ветки и что-то возбужденно кричат. Крики их непонятны, но не только Старая пома, но и другие чунги понимают их. «На земле есть много сильных и страшных зверей, — означают эти крики. — У этих зверей зубы острее и когти крепче наших, но ветки и камни у нас в передних лапах гораздо крепче и острее, чем их когти и зубы.

Поэтому мы сильнее самого сильного зверя и всегда будем побеждать его во всякой битве!»

Резкий шум в воздухе заставил Старую пому вздрогнуть и приподнять голову. Она увидела, что над нею быстро пролетел большой кри-ри, коснувшись ее широко раскинутыми крыльями. Старая пома слабо заворчала и подняла передние лапы для обороны. Кри-ри увидев, что это не падаль и не свежий труп, а крупное живое существо, с криком описал высокий круг и улетел. Старая пома проводила его усталым, туманным взглядом, потом перевела взгляд в сторону ушедших чунгов, слабо, продолжительно застонала и опустила голову.

Когда Старая пома отстала, это не прошло незамеченным для Большого чунга. Однако он был уверен, что она догонит стаю и на этот раз, как это уже случалось со многими чунгами. Но вот стая прошла уже столько шагов, сколько пальцев было у всех чунгов, потом еще столько же и еще, а Старая пома все не догоняла ее.

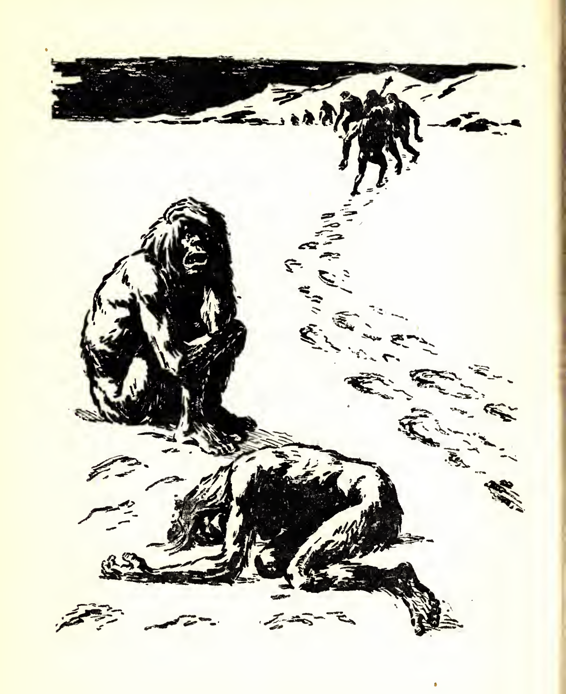
Наконец Большой чунг остановился и отстал от остальных. Опираясь на передние лапы, удивляясь и не понимая, почему Старая пома не догоняет его и ниоткуда не появляется, он испустил протяжный, зовущий рев. Но Старая пома и на этот раз не появилась на пройденном ими пути, не ответила на рев.

Тогда, охваченный тревогой и страхом, Большой чунг вернулся назад. То подпрыгивая на четырех лапах, то спеша на двух, он приблизился к тому месту, где она осталась, увидел ее и радостно заскулил. Но почему его неразлучная пома лежит так неподвижно? Почему не отвечает на его радостный визг? Почему не поднимает голову? Как она может спать спокойно, когда вся стая чунгов уже ушла так далеко и она осталась совсем одна?

Он подбежал к ней, нетерпеливо заворчал и потрогал ее. Но Старая пома и на этот раз не подняла головы, не пошевелилась. Она была уже мертва, застыла, и остекленевшие глаза уже не видели его! И Большой чунг, поняв, что случилось, сел около нее и глухо, протяжно завыл. Он выл и чувствовал, как его боль и страх растут, стискивают ему горло, душат его. Пома, его пома умерла и лежит мертвая, другие чунги ушли очень далеко, и вот он остался один, он уже очень старый. Сегодня вечером страшные ла-и и страшные мо-ка могут напасть на него и съесть...

Большой чунг больше не двинулся от трупа Старой помы. Даже если ла-и и мо-ка не съедят его, он не сможет прожить долго. Свет уйдет, и станет темно, а когда после темноты белое светило снова проглянет сквозь кратковременные разрывы облаков в небе, он, как и Старая пома, наверное, закроет глаза; и ему тоже привидится густолиственный, залитый горячим солнцем лес...

И Большой чунг, подавленный тяжкими чувствами страха и боли по Старой поме, продолжал выть протяжно и жалобно, а из глаз у

него лились крупные слезы, смачивая ему все лицо. Он выл и плакал как о Старой поме, так и о себе самом. Выл и плакал о том неотвратимом, что случилось с тысячами других чунгов до него и должно случиться и с ним...

ЭТИ ЧУДЕСНЫЕ ПАЛЬЦЫ...

И Смелый, и Бурая, и многие другие чунги в большой стае заметили, что двое старых чунгов отстали, но никто и не подумал остановиться ради них. Вообще чунги никогда не дожидались отставших стариков, а Большой чунг и Старая пома были уже очень старыми, для стаи они были бесполезны, и их отсутствие будет быстро забыто. Поджидание старых чунгов, которые и без того должны скоро умереть, подвергало без нужды жизнь всей стаи большой опасности: страшный грау мог настичь чунгов и заморозить всех сразу.

И большая стая продолжала свой путь к югу через широкую долину так, словно никто и не отставал от нее. Детеныши, во всем подражавшие старшим, вертелись у них под ногами. Всякий из них, совсем как взрослый, носил с собой либо ветку, либо камень. Но они скорее забавлялись этими ветками и камнями и потому часто выбрасывали их и подбирали другие, которые им нравились. Совсем маленькие детеныши висели на туловище у матери; одни сосали, другие спали, третьи пищали тонкими голосками что-то непонятное ни для них самих, ни для пом.

Стая двигалась разбросанно, так как долина была почти безлесной, и чунги могли видеть друг друга на расстоянии стольких прыжков, сколько пальцев у всякого чунга. Здесь была только высокая сухая трава да низкорослый кустарник, а скал и пещер не встречалось. Не было и высоких ветвистых деревьев, а только совсем молодая поросль. Там и сям чернели огромные обгорелые стволы и пни, показывая, что и здесь когда-то был тысячелетний лес, но небо разъярилось, бросило на него сверху огонь, и лес сгорел.

Взрослые чунги двигались между порослью и около этих огромных обгорелых стволов, двигались большею частью на задних лапах, но как-то неуклюже и непривычно, покачиваясь то в ту, то в другую сторону. Только Смелый, Бурая и другие чунги помоложе двигались свободнее, но и те понимали, что в движении на задних лапах есть что-то необычное и неудобное и что это связано главным образом с пальцами и ладонями. Большие пальцы у них отстояли далеко от остальных и потому на земле цеплялись друг за друга и мешали идти. И все чунги невольно сжимали пальцы на задних лапах вместе и старались держать их как можно ближе друг к другу, когда ступали на всю ладонь.

Когда-то, в эпоху жизни на деревьях, чунгам были нужны такие

пальцы и гибкие, подвижные ладони. Тогда им нужно было хвататься за ветки одинаково ловко и передними и задними лапами. Но теперь, когда они окончательно спустились на землю, это перестало быть для них необходимым и полезным. Теперь, для того чтобы стоять вертикально и ходить прочнее и устойчивее, им нужны были на задних лапах не ладони, а крепкие плоские ступни.

Чунги не помнили, когда и почему спустились с деревьев и стали жить на земле. Эта перемена, как и потеря хвостов, потонула в вечном забвении очень далекого прошлого. Они даже перестали заглядывать вверх, так как все деревья, встречавшиеся им на пути с севера на юг, были мало ветвисты и почти лишены плодов, а их вершины далеко вверху были покрыты инеем. Плоды же, предлагаемые им низкими, ветвистыми деревьями, были очень кислые и смолисто-горькие на вкус. Когда стая задерживалась на одном месте подольше, одни только детеныши лазали по деревьям и радостно, возбужденно кричали.

Но взрослые не слыхали этих радостных, возбужденных криков. Они всегда были голодны и должны были думать о том, как насытиться, — так что им было совсем не до криков пылких маленьких чунгов.

В пещере, где они ночевали, им удалось поймать и убить двух и-водов. Но мяса двух и-водов не хватило на всех; и сейчас они шли, озираясь: не увидят ли еще какого-нибудь и-вода, или дже, или ветвисторогого теп-тепа, или даже мо-ка, ибо при великой скудости плодов и сладких луковиц, которую они терпели с незапамятного времени, мясо животных постепенно стало их главной пищей. Правда, им очень трудно было привыкнуть есть мясо; некоторые чунги даже умерли от него, да и сейчас, когда им случалось съесть много мяса, в животе у них долгое время чувствовалась тяжесть. Но зато потом они чувствовали себя бодрее и сильнее, а кроме того, долгое время не ощущали голода.

Но так как все животные издали чуяли их большую стаю и убегали от них — даже мо-ка, — то чунгам снова пришлось искать коренья и луковицы. Смелый и Бурая присели у куста о-ра с тонкими ветками и начали подкапывать его острыми камнями. Корни о-ра были очень сладкие да еще заканчивались крупными, сочными луковицами. Наученные опытом Большого чунга и Старой помы, Смелый и Бурая следили, чтобы корень не отрывался, так как иначе луковицы останутся в земле и их долго придется выкапывать пальцами.

Когда ветки куста закачались и показались корни, Смелый оставил свой камень, прихватил ветки и начал осторожно вытаскивать их. В то же время Бурая продолжала подрывать землю вокруг корней, и наконец Смелый вытащил весь куст вместе с луковицами и корнями. Правда, много луковиц осталось в земле, но Бурая выкопала их пальцами, а тогда оба начали очищать их от грязи. Они обтирали их о ладони или о шерсть на туловище и ляжках, а потом жадно захрустели ими. Бурая

выбирала себе самые крупные луковицы, так как вскоре ожидала появления детеныша, а Смелый довольствовался более мелкими.

Съев с хрустом и корни, какие потоньше, они присели у другого куста и снова дружно заработали. Другие семейства тоже работали вместе, а одинокие чунги соединялись по двое или по трое и так же дружно поедали добытое общими усилиями.

Чунги знали, что не все коренья и луковицы съедобны, и в точности знали, какие из них можно есть. Для них было полной тайной, откуда они это знают, но они всегда выкапывали только те коренья и луковицы, какие можно было есть.

В этой долине было много кустов с такими корнями и луковицами, но, чтобы хорошо насытиться, нужно было копать непрестанно, до темноты, — и все-таки они не чувствовали себя достаточно сытыми. И потому, все еще голодные, они снова начали осматриваться, не встретят ли такое животное, которое могли бы убить и съесть. Они не могли догнать ни ла-и, ни дже, ни и-вода, ни теп-тепа, так как все эти звери бегали быстрее самого быстрого чунга. Так же трудно было выследить какое-нибудь животное и подкрасться к нему незамеченными и неучуянными: у теп-тепа, у и-вода и у всех прочих животных обоняние и слух были гораздо острее, чем у них. Но звери, питавшиеся мясом убиваемых ими животных, всегда подстерегали свою добычу, притаившись, и потому чунгам иногда удавалось подманить такого зверя хитростью. И стая, которую вел Смелый, стала искать более густые кусты.

Все залегли и спрятались в них, а один молодой проворный чунг вышел вперед на столько прыжков, сколько пальцев у него было на всех четырех лапах, и еще на столько же. Теперь он остался совсем один, согнулся и скорчился, словно превратившись в четвероногое, и жалобно, испуганно заскулил. И он и другие чунги знали, что таким способом нельзя приманить ни дже, ни теп-тепа, так как они убегут, как ветер, едва заслышав или почуяв его. Но и-вода, кровожадного вига, маленькую стаю ла-и можно обмануть и заставить напасть на него.

Молодой проворный чунг дрожал и скулил долго-долго. Его живые блестящие глаза непрестанно шарили в высокой сухой траве, в переплетающихся ветвях кустов, а спрятавшиеся позади него чунги терпеливо ждали. Они не умели измерять время и не знали, долго ли продолжалось это ожидание, но заметив, что приближается темнота, становились нетерпеливыми и возбужденными. Становился нетерпеливым и возбужденным и молодой проворный чунг. Что если к нему незаметно приблизится мохнатый мо-ка и вдруг схватит его? Успеют ли другие чунги прийти ему на помощь? Успеет ли он побежать к ним, чтобы подманить мо-ка, которого они окружат и убьют?

Вдруг молодой чунг увидел перед собой нечто еще более страшное,

чем мо-ка. Он увидел, что за сплетенными ветвями густого кустарника тенью промелькнул кровожадный пестроголовый виг.

Виг был не так крупен и силен, как мо-ка, но гораздо ловчее и свирепее, а нападал так же быстро, как и грау. Подобно грау, он припадал к земле гибким, сильным телом, а его большие желтые глаза светились тоже, как у грау. Поэтому притворный визг молодого чунга, испуганного этим внезапным появлением, сменился диким, полным ужаса воем; он быстро повернулся и изо всех сил кинулся к остальным чунгам.

Кровожадный виг, не подозревая присутствия других чунгов и предвкушая удовольствие, с каким сейчас растерзает бегущего чунга и будет лакать его теплую кровь, кинулся вслед за ним с такой быстротой, что взметнул за собою маленький вихрь из листьев и веточек и почти настиг беглеца. Еще два прыжка... Еще один...

Но молодой проворный чунг уже добежал до кустов, где притаились остальные. Теперь он должен был обернуться и быстрым, как молния, взмахом ударить вига по голове, когда тот прыгнет на него. Даже если он не успеет сразу раскроить зверю голову, он должен схватиться с вигом и защищать только свое горло, пока остальные чунги успеют подбежать и убить его. Молодой чунг знал, как должен поступить, но не обернулся, а от страха просто швырнул в зверя камнем, который держал, и продолжал реветь и бежать что есть силы. А виг уже готовился с последним прыжком вонзить острые когти ему в плечи и перегрызть ему шею.

Но тут, словно из-под земли, раздался другой могучий рев. Вига встретил Смелый чунг и еще один чунг, старше Смелого и не такой ловкий. Они кинулись на зверя, и тотчас же в кустах заметался огромный живой клубок, яростно рычащий и ревущий. Испуганный неожиданностью и оттого еще более разъярясь, виг успел схватить старшего чунга и впиться зубами ему в горло. Этот чунг не уступал отвагой Смелому, но уже состарился и не был так сообразителен и ловок, чтобы суметь защитить свое горло. Виг, несомненно, загрыз бы и Смелого, если бы на помощь не сбежались остальные. Смелый нанес хищнику сильный удар камнем по голове, а другим ударом перешиб лапу, впившуюся когтями ему в грудь. Но виг даже после этого оставался очень сильным и страшным и здоровой лапой еще глубже разодрал грудь Смелому. Другому чунгу, который кинулся на помощь Смелому, он вырвал глаз и лишь после этого сдался и затих.

Чунги сразу же бросились рвать его на части, а Смелый, не обращая внимания на свои раны, выпрямился и торжествующе заревел. Он первым кинулся на вига; и в то время как один чунг загрызен, а другой лишился глаза, он вышел из битвы только с разодранной грудью. Тонкие струйки крови стекали по его шерсти, и та начала слипаться от запекшейся крови. Бурая подошла к нему и, тревожно ворча, начала

счищать и облизывать ему кровь на груди. В то же время чунг с вырванным глазом держался за голову и жалобно скулил. Ему было очень больно, но он скулил не от боли, а оттого, что у него остался только один глаз и что теперь он не сможет видеть как нужно. Те из чунгов, что были поближе к нему, окружили его, облизывали кровь у него на лице и сочувственно ворчали. Они понимали, какое большое несчастье с ним случилось, но ничего не могли сделать, чтобы ему помочь, — этот чунг на всю жизнь останется одноглазым.

Как и всегда, чунги разрывали вига — кто пальцами, кто зубами. Каждый старался оторвать кусок мяса побольше. Детеныши пробирались между взрослыми, жадно впивались острыми белыми зубами в мясо и пеструю шкуру вига; и никто не мешал другому делать то, что делал сам. Одноглазый чунг, видя, что остальные разорвут и съедят вига без него, перестал скулить и присоединился к ним. Подошел и тот молодой чунг, что испугался вига, убежал далеко от стаи и не помогал ей убить зверя. Но едва он приблизился, как остальные чунги перестали есть и гневно поглядели на него. Этот чунг убежал от вига, — и для всех он был теперь трусливым чунгом.

Трусливый увидел, что остальные не хотят есть с ним вместе и гневно смотрят на него. Он быстро отскочил в сторону, скорчился и виновато заскулил, понимая, что сделал что-то плохое и бесполезное для стаи. Он понимал, что должен был остаться и встретить прыжок вига, хотя бы и умер при этом, как умер старый чунг, как умер бы и Смелый. Теперь чунги могут совсем выгнать его из стаи, оставить его одного и не позволить жить вместе с ними. А для чунга это было хуже и тяжелее всего самого плохого и тяжелого, страшнее даже большой стаи ла-и. И Трусливый заскулил еще трепетнее и жалобнее. Но чунги и на этот раз не приняли его к общей трапезе; и он осмелился приблизиться к обглоданным костям вига лишь после того, как все насытились и разошлись.

Да, тяжкой будет судьба этого чунга! Отныне он будет есть только один, все будут держаться с ним, как с чужим, и ни одна пома не захочет его выбрать. Для чунгов это было законом, который управлял ими с тех пор, как они стали жить стаями и помогать друг другу в поисках пищи и в защите от крупных, сильных зверей.

Когда чунгов застигла темнота, они составили круг, внутри которого находились детеныши с матерями, и каждый начал рвать траву и ломать ветки с кустов, чтобы устроить себе логовище. Потом, не боясь нападения хищников на открытом месте, они начали собирать камни и складывать рядом с собой, чтобы прогнать ла-и или мо-ка, если те нападут на них ночью. Этот способ защиты так укоренился у них в сознании, что они чувствовали себя спокойно и уверенно, только когда собрали около себя много камней.

Все были довольны и сыты, так как перед ночевкой поймали и съели теп-тепа, запутавшегося ветвистыми рогами в густых кустах; теперь они проголодаются лишь, когда свет прогонит темноту. Но больше всего они боялись холода. Даже если белого светила не было видно, днем всегда бывало теплее. Кроме того, они обычно никогда не сидели на месте, а либо шли на юг, либо выкапывали луковицы и коренья, либо обгрызали верхние побеги на кустах и тогда меньше чувствовали холод. Но когда становилось темно, холод мучил их, и они собирались кучкой, чтобы согреться. Поэтому всякий старался нарвать побольше травы и всякий стремился устроить себе защищенное от ветра логово, где они ложились спиной к спине.

Легли и Смелый чунг и Бурая пома. Смутно сознавая и предчувствуя близкое появление детеныша, она нарвала много травы, а Смелый наломал и навалил около нее ветви кустарников. Бурая легла на траву, довольно заворчала и успокоенно вздохнула. Травы так много, а груда веток так защищает от ветра, что если детеныш родится в эту ночь, ему не будет очень холодно.

Тьма постепенно сгустилась и окутала деревья. Неба уже не было видно, не было видно и туч, а деревья и кусты были похожи на смутные тени. Теперь чунги видели кусты около себя как большие черные камни, а более далекие кусты сливались вместе, не отличаясь один от другого; и все, что было подальше, сплывалось в общую темную массу. В темноте с разных сторон доносилось то какое-то порхание, то едва уловимые, крадущиеся шаги, то жалобно-хищный вой ла-и, то испуганный топот.

Оставшиеся на страже чунги, сидя по краям большого круга уснувших, вслушивались во все эти завывания, рев и топот и зорко пронизывали взглядом мрак и каменную неподвижность кустов. Они были готовы при первом же появлении тени какого-нибудь крупного хищника поднять внезапным тревожным криком всю стаю.

Но уснувшие чунги тоже слышали все эти звуки. С тех пор как они спустились с деревьев и стали жить на земле, у них изменился не только образ жизни, но и сон. На деревьях их не могли достать ни грау, ни мока, им можно было спать глубоко и спокойно. Но теперь они привыкли спать чутко, настолько чутко, что и во сне могли распознать шум, в котором кроется для них опасность. Да, в сущности, они перестали спать, а только дремали и в этой дремоте отдыхали.

Но в эту ночь Смелый не мог позволить себе даже такой дремоты. В эту ночь появится детеныш, — и он должен бодрствовать над своей помой. Он лежал рядом с нею и ждал, а в первобытном его сознании блуждали какие-то неясные, неопределенные мысли и чувства. Странно мучительными были для него эти неясные мысли и чувства, ибо они были упрямы и настойчивы; но в тот момент, когда мысли готовы были проясниться и осознаться, они вдруг рассыпались и исчезали. Потом они

снова появлялись, но все такими же неясными и неопределенными, и снова вдруг спутывались и исчезали, и снова, и снова... Все они вертелись вокруг чего-то совсем нового для него, еще неосознанного, мучительно стремились вырваться на поверхность сознания, но опять спутывались и исчезали, и опять, и опять...

Почему его жизнь, и жизнь Бурой, и жизнь всех прочих чунгов стала такой тяжелой? Как случилось, что они потеряли свою прежнюю беззаботность и живут в постоянной тревоге, в постоянных поисках пищи и крова? Почему оставили вольную, беспечную жизнь на деревьях и спустились на землю? Небо всегда было сердитым, белое светило не грело так жарко, деревья больше не давали крупных, яркоцветных, мясистых плодов. Что случилось с тысячелетним лесом чунгов? Никогда для них не было ни голода, ни холода, ни опасностей от крупных, сильных зверей. Настоящей опасностью был тогда только грау, но грау не может лазать по деревьям или скакать с дерева на дерево, а чунги могли вовсе не спускаться на землю, так что из многих, многих чунгов, случалось, только один погибал от грау. Теперь грау не было, но был мо-ка, были стаи ла-и, были и-воды, был кровожадный виг. Были еще голод, и холод, и непрерывные скитания, и бегство. Теперь чунгов окружало множество опасностей; и нужно было непрестанно думать, непрестанно соображать, как защититься и уцелеть. И выживали не все, а только самые сильные и сообразительные. Многие детеныши умирали от холода и от всяких других причин, не успев вырасти. А если бы и те, самые сильные, которые уцелели, не собрались вместе, не научились убивать животных, чтобы питаться их мясом, если бы не искали себе крова и защиты от ветра в пещерах, они бы, наверное, тоже погибли. Да, наверняка погибли бы и самые смелые, если бы не научились пользоваться деревом и камнем для защиты от сильных зверей, погибли бы от невыносимого холода и постоянного недоедания...

Но они побеждали и мо-ка, и и-вода, и вига, и еще многих других свирепых, сильных зверей, и побеждали потому, что ветки и камни стали для них постоянным сознательным средством защиты, и еще потому, что пальцы у них на руках приобрели чудесную гибкость. Да, эти чудесные пальцы, которые учатся хватать все ловчее и ловчее!.. Почему таких пальцев нет ни у какого другого животного? Почему никакое другое животное не может ходить выпрямившись, на одних лишь задних лапах? Смелый чунг не мог вполне осознать этого чудного, необъяснимого различия между чунгами и другими животными, как не мог понять и того, откуда берется темнота. Но все эти вопросы снова и снова стремились выплыть на поверхность его сознания, — и он испытывал чувство тяжелого мучительного недовольства. Где-то глубоко в нем просыпалось новое понятие о животных, о деревьях, о себе, обо всех прочих чунгах.

Он чувствовал, что и он сам и другие чунги — это нечто совсем

отличное от других животных, но никак не мог ясно осознать этого различия, оно все время ускользало от него. Путь к этому самосознанию все еще тонул в стихии первичных инстинктов и в пестром многообразии конкретных представлений. И Смелый мог ясно сознавать только то, что было у него перед глазами и что было непосредственно связано с его потребностями.

Смелый невольно поднес пальцы ближе к глазам и стал их рассматривать. Долго он пристально глядел на них; и все это время в сознании у него блуждали все те же странно мучительные, неясные догадки и ощущения чего-то другого, непохожего ни на что обычное; и снова они спутывались и исчезали, и снова, и снова...

Смелый хрипло недовольно заскулил, потом вдруг скорчился и прижался лицом к Бурой. Наступал рассвет, холод усилился, а по земле промчался морозный северный ветер. Бурая тоже заскулила от холода и начала прикрывать себе тело нарванной травой. Собранные около нее ветки не давали ей защиты от ветра; и она, руководимая верным материнским инстинктом, подползла к куче камней и легла с ее подветренной стороны. Туда же переполз и Смелый, а вслед за ним там собрались и остальные чунги.

В этих поисках защиты от ветра чунги руководствовались не только инстинктом, но и разумом. Все это не было для них новостью, — опыт давно уже подсказал им, что камни могут быть защитой от холодного северного ветра. Поэтому все те, которые оставались без места, стали собирать камни кучками и ложиться с их подветренной стороны. Это были первые из тысяч живых и умерших чунгов, которые сознательно стали делать себе загородки для защиты от холодного ветра.

Вскоре начало рассветать. Один за другим чунги встали. Смелый тоже встал, но Бурая посмотрела на него тревожно-умоляюще и он остался около нее. И многие другие чунги присели вокруг нее и сочувственно-радостно урчали.

Маленький чунг родился как раз в ту минуту, когда

белое светило появилось и брызнуло по всей земле своими первыми лучами. Бурая взяла его в руки, долго-долго облизывала, потом приложила к груди, и он сразу же вцепился ей в шерсть и начал жадно сосать молоко, а она нежно-счастливо скулила. Она не знала, чем еще выразить свою материнскую любовь к этому крохотному чунгу, и только тихо, нежно скулила над ним, как делают все другие помы со своими детенышами. Она обнимала и ласкала его, облизывала ему крохотные ушки, и красную шейку, и низенький лобик. Она скулила и дотрагивалась губами до шерстки у него на головке, а в ее маленьких глазах светилась ласка и нежность. А крошечный чунг, маленький, тепленький и совсем беспомощный, лежал у нее на груди; и она ощущала теплоту его тельца как самую чудесную ласку, и с радостью слушала его жадное сосание. Со всеми этими ощущениями и чувствами она была совсем-совсем счастлива; и в этот момент для нее не существовали ни Смелый, ни другие чунги, ни мо-ка, ни ла-и, ни холод. Она знала, что ее крошечный чунг еще долго будет лежать у нее на груди, а она будет ласкать и кормить его, — и от этого ощущала все большее счастье и радость.

Остальные чунги тоже очень обрадовались новому детенышу и от радости принялись подскакивать и выкрикивать:

— Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха!

Они подпрыгивали и вскрикивали, и эта ритмика так увлекла их, что они забыли о детеныше и продолжали играть ради самой игры. Детеныши тоже разыгрались, и вот уже вся стая, покоренная ритмом игры, прыгала и вскрикивала.

— Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха! — кричали и прыгали все вместе вокруг Бурой, а вместе с ними играли и длинные тени, отброшенные от них лучами белого светила.

Наигравшись, чунги стали разглядывать нового детеныша и увидели, что это — крохотная пома. Шерстка у нее была такая же рыжевато-бурая, как у Бурой помы, но тельце почти голое, красная шейка тоже голая, да и на ногах было очень мало шерсти. До сих пор еще не было ни одного детеныша с таким голым тельцем, и это понравилось всем чунгам.

Смелый покинул Бурую и начал искать в кустах. Вскоре он нашел та-ма. Защищенная от хищников двумя толстыми костяными пластинками сверху и снизу, та-ма высунула голову, похожую на голову тси-тси, и щипала траву. Смелый схватил ее, и та-ма сразу спрятала голову и лапы между костяными пластинками. Но когда Смелый хотел оторвать пластинки от ее тела пальцами, та-ма высунула голову и зашипела. Тогда Смелый свернул ей голову; не сумев разломать костяные пластинки пальцами, он разбил их большим камнем, вынул ее мягкое тело и направился к Бурой. Та-ма, хотя уже безголовая, царапала ему руки когтями.

Некоторые чунги, увидев в руке у Смелого та-ма, заскулили и подбежали к нему. Но Смелый поднял та-ма высоко над головой и предостерегающе закричал:

— Муа-кха! Муа-кха!

Это означало, что он несет та-ма Бурой, так как у нее родился детеныш и она не может идти сама на поиски пищи, и никто, кроме нее, не имеет права на эту та-ма.

ЧЕРЕЗ ВЫСОКИЕ ПЛОСКОГОРЬЯ И ГЛУБОКИЕ ПРОПАСТИ

Еще много раз становилось темно и много раз снова становилось светло, а чунги все двигались на юг, и конца этой широкой долины, где росли только невысокие кусты и обгорелые деревья, все еще не было видно. В пути они питались кореньями и луковицами или поедали какое-нибудь животное, которое им удавалось поймать и убить.

Сначала стая двигалась медленно, часто останавливаясь, так как ни Бурая, ни другие помы с новорожденными детенышами не могли спешить. Стая никогда не останавливалась ради отставшего старого чунга, так как этот чунг все равно должен когда-нибудь отстать. И всякий отставший чунг выпадал из сознания остальных, и уже никто его не помнил, никто не ощущал его отсутствия. Так случилось со Старой помой и с Большим чунгом, так случилось и с другим старым чунгом, которого загрыз свирепый виг. Но если у какой-нибудь помы рождался детеныш, то каждый чунг должен был поджидать ее, каждый чунг должен был защищать каждого детеныша.

Чунги часто окружали Бурую и разглядывали безволосое тельце маленькой помы, пока не привыкли к ней. Присев на корточки, свесив руки меж колен, они рассматривали ее голое тельце и удивлялись тому, что она могла быть их детенышем.

За это время от стаи отстали еще два старых чунга, одну молодую пому съел мо-ка, а еще трое детенышей умерли сами, после того как долго кашляли. Но к стае присоединились взрослый чунг с помой и детенышем, а потом еще у двух пом родилось по детенышу. Чунги снова удивились, увидев, что среди этих новорожденных тоже была маленькая пома с безволосым тельцем.

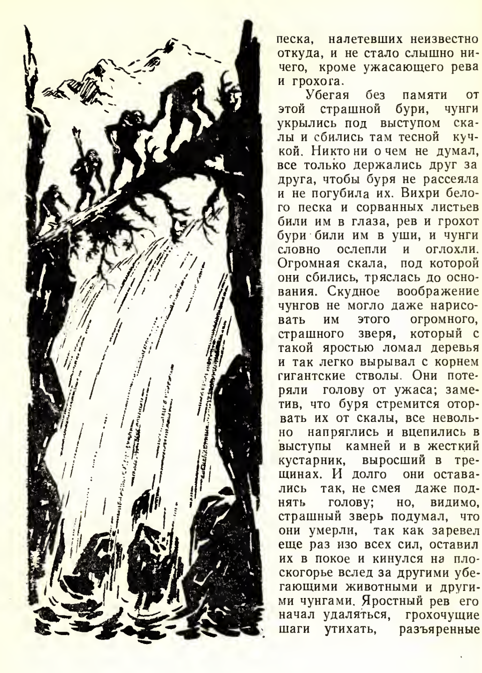
Медленно продвигаясь, они продолжали выкапывать коренья и луковицы, так как им лишь изредка удавалось убить и съесть какое-нибудь животное, а почва была очень твердая, и выкапывание стоило им больших трудов и усилий. Кроме того, острые камни, встречавшиеся в этой долине, легко трескались и иногда ранили им пальцы, так что приходилось постоянно напрягать внимание. Да, теперь недостаточно

было просто поискать, чтобы найти пищу, а приходилось добывать ее. Нужно было подбирать острые камни, и то не всякие, а такие, которые было удобно держать; нужно было следить, чтобы не порезать себе пальцев, и знать, как держать камень, чтобы копать было удобнее. Потом нужно было тщательно обчищать каждую луковицу, так как налипшая на нее земля неприятно хрустела на зубах, заставляя чунгов все время морщиться и плеваться. А потом нужно было заботиться и о тех детенышах, которые не могли сами искать луковицы и устраивать себе логовище из травы и сучьев, потому что не всегда на пути им попадалась пещера, а ночью бывало очень холодно. Нужно было также собирать и складывать в кучу камни, и все это было для чунгов настоящим мучением. Они и сознавали, что это настоящее мучение, но не умели, да и не могли роптать, понимая, что без всего этого труда они не могли бы выжить. И это непрестанное копание в земле, это непрестанное ощупывание и поиски придавали пальцам их рук все бо́льшую опытность, а пальцы на ступнях оставались в забросе и постепенно теряли гибкость. От постоянного ношения камней и палок и рытья земли в поисках луковиц большие пальцы у них на руках стали такими сильными и подвижными, что чунги свободно противопоставляли их другим пальцам, а детеныши у них стали рождаться с уже ловкими пальцами.

Итак, чунги еще долго шли через широкую долину, а потом она окончилась, и они поднялись на высокое плоскогорье. Деревья тут были еще выше и прямее, а трав со сладкими луковицами было совсем мало, и чунги ели только животных. Для охоты стая разделялась надвое; и одна половина уходила далеко-далеко и криками пугала животных, загоняя их к другой половине. Таким образом чунги ловили то теп-тепа, то дже, то и-вода, а однажды убили даже грузного мута и съели его.

На высоте было гораздо холоднее, чем в долине, а один раз небо потемнело и упало так низко, что отрезало верхушки деревьев. Некоторые животные вдруг тревожно завыли и забегали. Вдалеке на севере послышался сильный шум, громкое завывание и свист; и чунги подумали, что это грохот шагов того всевластного существа, которое неотступно гонит их с севера на юг, — страшного грау величиною с гору. Испугавшись, что этот грау нагонит и убьет их, чунги заскулили и тоже побежали. Но страшный зверь, видимо, заметил их, так как заревел вдруг так сильно и напал так страшно, что деревья, согнувшись, жалобно-жалобно застонали. Хрупкие вершины утесов начали трескаться и падать. Небо тоже задрожало и заревело, лохматые тучи яростно понеслись над землей; и уже не было видно ни скал, ни деревьев.

Все плоскогорье содрогалось от страшного грохота. Ужасный зверь начал яростно ломать деревья и скалы с такой силой, что даже мо-ка и хо-хо испуганно заревели. Потом налетели со всех сторон сразу сильнейшие вихри и не стало видно ничего, кроме разъяренных облаков белого

песка, налетевших неизвестно откуда, и не стало слышно ничего, кроме ужасающего рева и грохота.

Убегая без памяти от этой страшной бури, чунги укрылись под выступом скалы и сбились там тесной кучкой. Никто ни о чем не думал, все только держались друг за друга, чтобы буря не рассеяла и не погубила их. Вихри белого песка и сорванных листьев били им в глаза, рев и грохот бури били им в уши, и чунги словно ослепли и оглохли. Огромная скала, под которой они сбились, тряслась до основания. Скудное воображение чунгов не могло даже нарисовать им этого огромного, страшного зверя, который с такой яростью ломал деревья и так легко вырывал с корнем гигантские стволы. Они потеряли голову от ужаса; заметив, что буря стремится оторвать их от скалы, все невольно напряглись и вцепились в выступы камней и в жесткий кустарник, выросший в трещинах. И долго они оставались так, не смея даже поднять голову; но, видимо, страшный зверь подумал, что они умерли, так как заревел еще раз изо всех сил, оставил их в покое и кинулся на плоскогорье вслед за другими убегающими животными и другими чунгами. Яростный рев его начал удаляться, грохочущие шаги утихать, разъяренные

тучи и вихри умчались вслед за ним, а небо опять поднялось высоко.

Тогда чунги боязливо подняли головы и стали оглядываться. Повсюду на плоскогорье валялись поломанные и вырванные с корнем деревья. Некоторые были сломаны пополам, а верхушки у них повисли вниз; у других верхушек совсем не было. Там и сям под наваленными деревьями виднелись убитые, задавленные животные.

Придя в себя после пережитого ужаса, чунги набросились на убитых животных и наелись досыта. Насытившись и радуясь тому, что буря не смогла разогнать и погубить их, некоторые начали подскакивать и вскрикивать:

— Ха-кха! Ха-кха!

И как в то утро, когда родилась маленькая пома и когда белое светило взошло и согрело их, так и сейчас ритм игры увлек и покорил их.

— Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха! — мерно вскрикивали они; и каждый чувствовал, что этот ритмический припев является чем-то новым для них, ибо еще никакой чунг не подпевал своим прыжкам так ритмично.

Еще много дней шли чунги по этому плоскогорью. Они поднимались все выше и выше и наконец поднялись на самую высокую вершину и пораженно оглянулись назад. Далеко-далеко к северу, насколько могли увидеть их глаза, все было покрыто белым. Над равниной лежала тяжелая синевато-холодная мгла. Все было мертво, все было пусто, только холодный северный ветер свободно летал и завывал над этой бескрайней белой пустыней. Неужели этот могучий Некто, тот страшный грау, который с незапамятных времен преследует чунгов, умертвил и оледенил деревья и превратил всю землю в мертвую белую пустыню?

О, этот холодный северный ветер! Это холодное дыхание страшного грау, леденящее всех отставших чунгов и всех других животных!.. Не заморозит ли оно и убегающих чунгов, не превратит ли их в глыбы льда, чтобы чунгов никогда больше не было? Бегите, чунги, бегите! Бегите, все чунги, большие и маленькие! Может быть, вы минете это высокое плоскогорье со скорчившимися деревьями раньше, чем страшный грау настигнет и заморозит вас! Может быть, вы успеете спастись, останетесь живы, и у ваших пом будут рождаться все новые детеныши с безволосым телом, со все более ловкими пальцами...

И большая стая чунгов продолжала бежать. Она миновала высокое плоскогорье, достигла его южного края и спустилась по его склону. Тогда перед чунгами раскинулась бескрайняя зеленая ширь. Долины дымились теплотой и влагой, лучи белого светила опаляли пышный лес, а над лесом носился аромат свежести и буйных живительных соков.

Наконец-то, наконец-то!.. Вот он, лес, который привиделся всем отстававшим чунгам в последний час их жизни!.. Вот он, давно покинутый, но никогда не забываемый лес, тысячелетний лес чунгов!.. Но как дале-

ко еще до этого леса, какой путь еще нужно проделать, чтобы достичь его! Он терялся вдали, и чунгам, наверно, придется пройти еще столько же, сколько они уже прошли, и наверно еще много старых чунгов отстанет за это время и много детенышей родится...

Чунги начали спускаться по крутым склонам высокого плоскогорья и спускались долго, а потом попали в глубокое ущелье. В ущелье клокотала бурная, пенящаяся река. Местами ее скалистое русло суживалось: и она терялась где-то в глубине; местами ее воды падали с большой высоты, образуя белые, пенистые, клокочущие водовороты. Поперек глубокого русла лежали громадные, вырванные бурей деревья, и чунгам легко было переходить по ним то на один берег, то на другой.

Здесь повсюду было рассыпано множество камней, и чунгам не было надобности собирать их вечером в кучки около себя. Но и животных здесь было очень мало; лишь время от времени мелькал какой-нибудь и-вод, или кат-ри, или пещерный виг. Поэтому чунгам редко удавалось убить какое-нибудь из этих животных.

Однажды им случилось окружить рыжего кат-ри, но он быстро прыгнул и взобрался на отдельную неприступную скалу, а оттуда засверкал на них глазами и яростно зарычал.

— У-кха-кха! У-кха-кха! — заревели все чунги, окружив скалу, и замахали своими ветками, но достать и поймать кат-ри не могли. Хищник, припав брюхом к скале, продолжал сверкать глазами, рычать и бить хвостом себя по бокам. Он понимал, что осажден этими странными, непонятными существами и что для того, чтобы уйти от них, нужно быть крылатым, как кри-ри, и перелетать у них над головами. Но он так же не мог перелететь, как и чунги не могли достать его.

А чунги окружили скалу и непрестанно вопили:

— У-кха-кха! У-кха-кха!

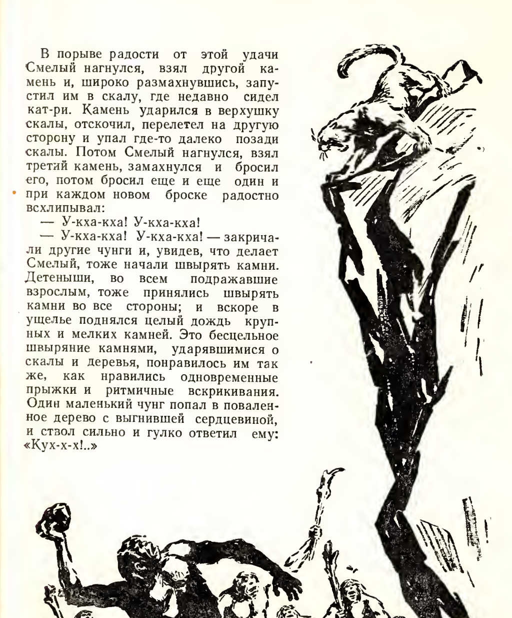
Некоторые из них полезли на другую скалу, почти касавшуюся первой и выше нее, и смотрели на кат-ри сверху, но тоже не могли ничего сделать. Эта беспомощность рассердила их, и они начали прыгать и реветь от ярости; и все ущелье загудело от их громкого дружного рева. Потом они поняли, что — реви не реви — поймать кат-ри им невозможно, отказались от этого и стали расходиться.

Отказался и Смелый, который меньше всех мог примириться с такой неудачей, ведь кат-ри был так близко от них и так безнадежно осажден, а они все-таки не смогли поймать и съесть его. Он сменил мощный рев сердитым гортанным ворчанием и, не зная больше, что делать, гневно швырнул в кат-ри камнем, который держал в руке. Камень, брошенный широким, сильным взмахом, случайно попал кат-ри прямо в голову. Маленький хищник коротко взвыл, метнулся и упал с крутой скалы. Ошеломленный ударом, он даже не мог бежать, и чунги, кинувшиеся на него с радостным всхлипыванием, растерзали и съели его.

В порыве радости от этой удачи Смелый нагнулся, взял другой камень и, широко размахнувшись, запустил им в скалу, где недавно сидел кат-ри. Камень ударился в верхушку скалы, отскочил, перелетел на другую сторону и упал где-то далеко позади скалы. Потом Смелый нагнулся, взял третий камень, замахнулся и бросил его, потом бросил еще и еще один и при каждом новом броске радостно всхлипывал:

— У-кха-кха! У-кха-кха!

— У-кха-кха! У-кха-кха! — закричали другие чунги и, увидев, что делает Смелый, тоже начали швырять камни. Детеныши, во всем подражавшие взрослым, тоже принялись швырять камни во все стороны; и вскоре в ущелье поднялся целый дождь крупных и мелких камней. Это бесцельное швыряние камнями, ударявшимися о скалы и деревья, понравилось им так же, как нравились одновременные прыжки и ритмичные вскрикивания. Один маленький чунг попал в поваленное дерево с выгнившей сердцевиной, и ствол сильно и гулко ответил ему: «Кух-х-х!..»

— А-кха! А-кха! — завизжал от радости маленький чунг и снова нацелился в пустой ствол, и тот снова отозвался сильно и гулко: «Кух-х-х!..»

Стали швырять камнями и другие детеныши и взрослые, стараясь попасть в пустой ствол. Впервые чунги метились сознательно, да еще в неживую цель. Но они швыряли камни очень неумело и редко когда попадали по пустому стволу. Однако постепенно они начали приобретать ловкость и в этой новой деятельности. Постепенно и тут стали достигать меткости, причем молодые чунги всегда попадали лучше, чем старшие.

Ущелье стало расширяться, скалы по обеим сторонам становились все реже и потом совсем исчезли; бурная, пенистая река укротила свои воды и потекла тихо и плавно. Вместе с тем лес стал как-то ровнее, деревья погустели, а листья на них стали широкими и светло-зелеными. Тут и там в ветвях виднелись сочные плоды, и чунги с радостными криками полезли на деревья. В одном месте между деревьями мелькнуло какое-то животное, о котором они не могли вспомнить, видели ли его когда-нибудь, а за одной излучиной реки открылся широкий песчаный берег.

Чунги спустились на берег и пошли по песку. Их волновало чувство какой-то особенной легкости. Песок был мелкий и сыпучий; и все они удивленно глядели, как ладони задних лап тонут в этом песке и оставляют в нем отпечатки. Детеныши кричали и бегали по песку, а взрослые чунги тоже начали кричать и бегать.

— Ву-о-о-о! Ву-о-о-о! — кричали они и удивленно вытягивали губы, видя длинный ряд отпечатков, оставляемых каждым чунгом на песке. Некоторые из них, вспомнив, как рыли в болотах ямки, чтобы пить воду, начали рыть такие же ямки и здесь. Но никто не решался влезть в самую реку: никто не помнил, чтобы какой-нибудь чунг когда-нибудь бродил по реке и плавал в воде.

Как ни нравилось чунгам играть на песке, но к вечеру они ушли поближе к лесу и начали устраивать себе логовища. И хотя сейчас было тепло и безветренно, они опять стали собирать камни, складывая их кучками. Они делали это не только для того, чтобы обороняться ночью от свирепых хищников, но и ощущая пробудившимся сознанием, что кучки камней защищают их от холодного ветра ночью или на рассвете.

На другой день, утолив голод луковицами и ягодами, какие нашлись в лесу, чунги снова спустились к реке и пошли по песчаному берегу. Каменные кучки, оставшиеся позади, четко белели на зеленом фоне леса, указывая место их ночлега. Ни у кого из чунгов еще не было сознания, что эти каменные кучки — первые памятники на земле, созданные с ясной и определенной целью существами, которые уже были чем-то бо́льшим, чем животные. Детеныши бежали впереди, собирали бле-

стящие песчинки и камешки и пищали от удовольствия. Некоторые из этих камешков блестели, совсем как маленькие звездочки, и они хватали их руками и радовались. Вместе с ними радовались и взрослые чунги. Радовались обильным лучам белого светила, трепещущим отражениям света на медленно текущей реке, свежей зелени леса. В душе у каждого зарождалось предчувствие, что долгое безрадостное скитание окончено и что впредь они будут жить без забот и страданий.

Как всегда, Смелый и еще несколько молодых, сильных чунгов отделились от большой стаи и шли впереди. Смелый был чунгом-вожаком; и глубоко в сознании у него таилось смутное чувство ответственности за безопасность всей стаи. Стая может встретиться с какой-нибудь неожиданностью — со стаей ла-и или и-водов, со стадом грузных мутов или огромных хо-хо, с обманчивой трясиной или непроходимой чащей, — и он должен первым заметить все это и вовремя предупредить своих. И Смелый время от времени вскрикивал:

— У-а-кха! У-а-кха!

На языке чунгов это означало: «Вперед, вперед! Путь перед нами свободен и безопасен, и я не вижу ни грау, ни мо-ка, ни мута, ни хо-хо!»

Так передовая группа достигла новой излучины, и Смелый первым увидел большого белого кри-ри с длинными лапами и длинным носом, стоявшего в неглубоком рукаве реки. Кри-ри стоял совсем неподвижно, время от времени погружая клюв в воду. Он делал это так быстро, что чунги не могли уловить этого движения; видели только, что каждый раз в клюве что-то блестело и тотчас же исчезало.

— У-кха-кха-кха! — Смелый швырнул в кри-ри камнем и бросился на него, — не столько для того, чтобы поймать кри-ри, сколько для того, чтобы разглядеть, что он ест. Но кри-ри распустил белые крылья, резко, пронзительно вскрикнул, поднялся у них над головами и, описав плавный круг, перелетел через реку. Чунги обошли мелкий рукав и достигли того места, где недавно стоял кри-ри.

В воде плавали какие-то маленькие животные, каких чунги не видели когда-либо раньше. Ног у них не было, а головы похожи на голову тси-тси или та-ма, и хвостики были странные. Никто из чунгов не ловил и не ел таких животных, и Смелый со спутниками присел у самого края мелкой воды, смотрел, удивлялся их странному виду и подвижности и восклицал:

— Ву-о-о-о! Ву-о-о-о!

В своем удивлении они уже забыли о большом кри-ри и о том, что он делал в воде. И, наверное, остались бы далекими от мысли, что этих маленьких плавающих животных можно есть, как и всяких других, если бы не научились от маленького мо-ка, которого видели на соседней отмели. Этот маленький мо-ка был очень похож на больших: мохнатый, как и они, с опущенной книзу головой, с очень коротким хвостом; но

цвет шерсти у него был белесовато-серый, морда очень тупая, а весь он был вдвое меньше больших мо-ка. Он стоял в воде неподвижно, как кри-ри. Потом он вдруг плеснул в воде передней лапой так сильно, что весь обрызгался. В следующий момент он сунул морду в воду, а потом быстро выскочил на берег, держа в зубах то самое маленькое животное со странным хвостом.

Едва увидев мохнатого зверя, чунги передовой группы замахали камнями и ветками, закричали и кинулись к нему. Мо-ка вздрогнул, обернулся, увидел, как их много, и с ревом убежал. Прыгая по песку, он быстро отбежал подальше, а потом бросился в реку, переплыл ее и исчез на другом, гористом берегу. Чунги столпились у края отмели и сердито рычали, так как мо-ка убежал, а мясо у него такое вкусное...

Вдруг Смелый вытянул шею, нагнулся и протянул:

— Ву-о-о-о!

Один из чунгов тоже заметил наполовину съеденное плавающее животное и всхлипнул:

— Ву-о-о-о!

Он подскочил туда, схватил его обеими руками, и бледная кровь окрасила ему пальцы и ладони. В лицо ударил новый, незнакомый, сильно возбуждающий запах, заставивший его облизать себе пальцы. Вслед за тем он начал жадно грызть мясо.

В то же время Смелый, заметив в мелкой воде много таких плавающих животных и уже догадавшись, что делали крири и мо-ка, полез в воду. Рукав был действительно мелкий, и вода не доходила ему даже до колен. Непривычный к воде, он ощутил невольный страх, и холод, и особенное щекотание в теле и невольно всхлипнул:

— Хи-ки-и!

Он сам обрадовался и удивился этим новым звукам, которые произнес невольно; а так как холод и щекотка были ему приятны и стоять в мелкой воде ему тоже понравилось, то он повторил с удовольствием:

— Хи-ки-и! Хи-ки-и!

Около ног у него плавало много таких животных с головами, как у тси-тси или та-ма; и Смелый сумел быстрым метким движением рук поймать одно из них. Но едва он вытащил его из воды, как оно гибко рванулось и так быстро выскользнуло у него из пальцев и нырнуло в воду, что Смелый снова удивленно воскликнул:

— Хи-ки-и!

— Хи-ки-и! — восклицали и все остальные чунги вокруг него, удивленные гибкостью и необычайным видом плавающих животных и ошибочно думая, что восклицание Смелого относится именно к ним. Жадные ко всему новому и необычному для них, они тоже полезли в воду и начали шарить в ней руками.

— Хи-ки-и! Хи-ки-и! — вскрикивали они, видя, как блестят у них в руках чешуйчатые тела хи-ки и как быстро и скользко они выскакивают у них из пальцев и снова ныряют в воду. Смелый поймал еще одного хи-ки, но на этот раз стиснул его так крепко, что тот буквально размазался у него в руках. Бледная кровь окрасила ему пальцы, он жадно облизал их, а потом съел всего хи-ки, выбросив только голову и хвост.

Мясо у хи-ки было очень вкусное и не было похоже ни на мясо та-ма, ни мо-ка, ни какого другого животного; оно так и таяло во рту, а кости у него были такие мелкие и мягкие, что он сгрыз их целиком.

Долго еще чунги шли вдоль реки, которая становилась все шире и спокойнее. Они вылавливали в ее мелких затонах много хи-ки; и все были довольны и благодарны реке. Но потом светлые песчаные берега исчезли, исчезли и мелкие затоны, а на маленьких отмелях не было никаких хи-ки. Уже и самого высокого дерева не хватило бы перебросить с берега на берег, и такое множество воды стало невольно пугать чунгов. Они вообще боялись воды и не смели входить в глубокие места, так как не умели плавать. Собравшись у берега и войдя в воду настолько, чтобы она покрыла им ступни, они смотрели, как плавают вверх и вниз большие и маленькие хи-ки, и завистливо всхлипывали, сердясь, что не могут поймать ни одного из них.

О, если бы они могли плавать, как маленькие мо-ка, или могли ловить хи-ки каким-нибудь другим способом! Тогда они ели бы только хи-ки и никогда не страдали бы от голода...

Постепенно вокруг реки начались болота, и чунги уже не могли идти вдоль нее. После того как двое чунгов погибли в трясине, стая свернула в сторону и вошла в лес. Они вскоре забыли и хи-ки и об их вкусном мясе, так как в лесу уродилось много крупных сладких плодов, а верхние побеги многих невысоких кустов стали мягкими, и из надломленных веток вытекал молочный сок — любимое лакомство у чунгов. Поэтому они остались в лесу и мало-помалу стали забывать и голод, и холод, и все другие великие лишения и страдания, пережитые ими за время их великого бегства.

Здесь же в лесу стали жить и многие из животных, убегавших вместе с ними. Здесь грау впервые в жизни встретился с мо-ка, и-вод с гри, ла-и с ри-ми, жиг с кат-ри, а всех этих зверей стало гораздо больше, чем где бы то ни было. Но чунги уже научились двигаться всегда большой стаей и сражаться не зубами и когтями, а палками и камнями. Теперь не они убегали от зверей, а звери от них. Даже грау и мо-ка поняли, что чунги не похожи на всех прочих зверей, а потому осмеливались нападать только на отдельных чунгов, да и то, когда бывали очень голодны.

НОВЫЕ БИТВЫ И НОВЫЕ ПОБЕДЫ

Чунги так привыкли к совместной жизни, что если какое-нибудь семейство отделялось и оставалось одно, то и чунг, и его пома, и их детеныш начинали громко реветь и не успокаивались, пока не находили стаю. Ночью все семейства устраивали себе логовище поближе друг к

другу и всегда на земле, так как им уже было трудно лазать по деревьям и спать на ветвях.

Из взрослых чунгов бессемейными остались только Одноглазый и Трусливый. Пома Одноглазого была растерзана самкой вига, когда полезла в ее логово, чтобы убить детенышей, а их маленький чунг был еще слишком маленьким и умер.

Трусливый тоже остался одиноким, так как ни одна пома не захотела выбрать его. Все давно уже забыли, как он испугался вига, но неприязненное чувство от этого поступка все еще оставалось у них, и все продолжали чуждаться его.

За это время маленькая пома Смелого и Бурой подросла; хотя она была еще совсем маленькой, но ходила на задних лапах совсем прямо, играла с другими детенышами и очищала от кожуры сладкие стебли гали искуснее самого Смелого. Она была очень любопытной ко всему, что видела и чуяла, и очень любила яйца и детенышей кри-ри, так что постоянно шныряла по кустам в поисках гнезд. Вдруг какое-то щебетание приманило ее, и она прокралась в чащу. Бурой было лень последовать за нею, и она осталась лежать в общем семейном логовище, устроенном среди больших кустов. Она не боялась за маленькую пому, так как повсюду кругом виднелись чунги, да и место, выбранное для ночлега, было открытое. Кроме того, Смелый, забравшийся на дерево за плодами, тоже был близко, стояли поблизости и Одноглазый с Трусливым.

Было раннее утро. На листьях кустов блестели капли росы, с вершин деревьев доносилось звонкое щебетание. Небо было совсем ясное и трепетало от чистоты. Только что взошедшее белое светило ткало между листьями и ветвями золотые сети, и все вокруг было веселым и спокойным.

Вдруг послышался громкий, пронзительный крик детеныша чунгов:

— А-па! А-па! А-па!

Бурая сразу узнала голос своей маленькой помы. Она быстро вскочила и бросилась в ту сторону, крича в свою очередь громко и тревожно:

— А-ха-кха! А-ха-кха!

Крик маленькой помы говорил об очень большой опасности, и она сзывала на помощь других чунгов. Одноглазый и Трусливый, стоявшие ближе всех к Бурой, кинулись вслед за нею, издавая тревожные крики. Но, увидев, что за бегущей маленькой помой гонятся, рыча, два огромных мо-ка, они вдруг повернули и побежали обратно. Трусливый чунг побежал потому, что был трусливым от рождения, а Одноглазый — потому, что не мог хорошо видеть одним глазом. Бурая осталась совсем одна перед двумя огромными мохнатыми хищниками. Но она и не думала бежать. Она думала только о своем детеныше, о том, чтобы спасти его. А маленькая пома бежала изо всех сил и кричала с большим страхом:

— А-па! А-па! А-па!

Увидев, что два мо-ка уже настигают ее, Бурая издала громкий рев и бросилась наперерез им.

— А-па! А-па! — крикнула она, невольно подражая маленькой поме, и швырнула в мо-ка камнем, который держала в руке. Камень попал в зверя, и он страшно взревел от боли, поднялся на дыбы и завертелся. Поднялся на дыбы и другой мо-ка. Это дало маленькой поме преимущество, и она успела добежать до матери. И как раз вовремя, так как Бурая едва смогла прикрыть ее своим телом, когда разъяренные мо-ка налетели на нее. Бурая была совсем одна, даже без камня или ветки в руках. У нее не было другого выбора, как только принять неравный бой и быть съеденной.

В это время неподалеку от нее разнесся громовой рев:

— У-а-кха! У-а-кха!

Бурая узнала голос Смелого и тотчас же увидела, как он промчался мимо нее, очутился перед двумя зверями; быстро, как молния, взмахнув длинной веткой, которую держал в руках, он ударил зверей по головам и побежал в сторону. В нем проснулись все первичные силы и инстинкты, и они приказывали ему броситься на мо-ка и перегрызть им горло или сломать спину. Но пробужденный разум подсказывал, что если он кинется бороться с ними вслепую, то погибнет сам и погибнут Бурая и маленькая пома, ибо один мо-ка был сильнее двух или даже трех чунгов сразу. И еще разум подсказывал ему, что для победы в этой лютой битве ему нужны не только сила и ловкость, но и хитрость и сообразительность. И потому, подбежав вплотную к зверям и ударив их, чтобы отвлечь их внимание от Бурой и маленькой помы, он побежал прочь.

Мо-ка с ревом кинулись вслед за ним. Смелый подбежал к дереву, прислонился к нему спиной, дождался первого из мо-ка и, молниеносно замахнувшись, вонзил ветку в его раскрытую пасть. Мо-ка мигом выпрямился, глухо, отрывисто заревел, рванулся, упал и своей огромной тяжестью вырвал ветку из рук у Смелого. Теперь чунг и другой мо-ка остались один на один и забегали вокруг толстого дерева. Встав на задние лапы, мо-ка старался сгрести Смелого своими могучими передними лапами. Смелый, оставшись без ветки и не имея возможности взобраться на дерево, бегал вокруг ствола и ревел, что было голосу:

— У-а-кха! У-а-кха!

Этим он сзывал остальных чунгов на помощь, так как ему нельзя было бороться со зверем только голыми руками.

И действительно, другие чунги, какие были поближе, уже спешили ему на помощь, громко ревя:

— У-а-кха! У-а-кха!

Крупные, косматые, с лицами, искаженными возбуждением и яро-

стью, они размахивали ветками и камнями и быстро мчались к Смелому и к мо-ка. Но Бурая опередила всех. Увидев, что оба мо-ка погнались за Смелым, она стала присматриваться, не найдет ли камня или отломанного сухого сука. Но близ нее не было ни камней, ни сучьев, и она не могла найти никакого оружия против мо-ка. А выходить на мо-ка с голыми руками — это означало погибнуть, но не помочь. Тогда она подбежала к ближайшему дереву, с неожиданной для себя силой оторвала густую ветку, обломала у нее конец и помчалась на помощь к Смелому. Сильным ударом по мохнатой спине зверя обратила его внимание на себя. Теперь мо-ка погнался за нею, и Бурая, в свою очередь, побежала и спряталась за деревом. Но в это время подоспели другие чунги, и свирепому мо-ка пришлось убежать.

Чунгам всегда нравилось мясо мо-ка, так как оно было вкуснее, чем у всех других животных. Они уже столпились вокруг убитого Смелым первого зверя и начали рвать его зубами, когда громкий крик вожака остановил их. Этот крик означал, что Смелый увидел что-то особенное и что нужно быть настороже. Поэтому все умолкли, подняли

головы и стали прислушиваться, зорко оглядываясь во все стороны: может быть, к ним подкралась какая-нибудь опасность — другой мо-ка или грау. Но предостерегающий крик Смелого относился, очевидно, к чему-то совсем другому, не похожему на это. В то время как все прочие чунги зорко оглядывались по сторонам, он стоял, устремив взгляд на убитого мо-ка. Потом он подошел к зверю, присел около него, вытащил из его пасти ветку и стал разглядывать.

Ветка была прямая, сухая, очень крепкая, без сучков, а когда ее отломало, — вероятно, сильным ветром, — то ее толстый конец естественным образом заострился. Смелый начал разглядывать именно этот острый конец, даже ощупал его и при этом окровавил себе пальцы.

Когда-то Старая пома, его мать, именно таким способом убила грау. Но в то время как она убила грау в силу простой случайности, бессознательно подняв передние лапы, чтобы защититься от его прыжка, и даже не сознавая, что держит ветку, — Смелый убил мо-ка метким, рассчитанным ударом. Он вонзил ветку в пасть мо-ка не только потому, что эта зияющая, оскаленная пасть больше всего привлекла его внимание, но и потому, что так ему было удобнее. А если когда-то Старая пома своим животным сознанием поняла, что произошло и почему грау умер, то тем легче это было для Смелого. И он действительно сообразил, что веткой можно убивать быстрее и легче, если она заостренная и если вонзить ее в пасть или в тело животного, чем если ударить ею по голове или по спине. И потому он высоко поднял ветку и громко заревел:

— О-кха-кха! О-кха-кха!

Это означало, что он победил; и все чунги, считавшие победу одного из них над крупным, сильным зверем своей общей победой, подняли, подражая ему, ветки и камни, которые держали в руках, и тоже проревели:

— О-кха-кха! О-кха-кха!

Заостренная ветка стала для Смелого дороже, чем что бы то ни было. Он не выпускал ее из рук, даже когда лазал на деревья за плодами. Ветка служила ему для того, чтобы доставать плоды, до которых он не мог дотянуться рукой. Он протягивал ветку, ударял — и плоды падали. Довольный, он спускался на землю и подбирал их. Это было для него новостью, но не вызывало удивления. Подражая ему, другие чунги тоже стали пользоваться ветками, чтобы добывать плоды, хотя делали это не очень искусно... Теперь ему хотелось опять ударить мо-ка в раскрытую пасть и убить его, и это желание постепенно взяло в нем верх над естественным чувством страха перед мо-ка. Никто из чунгов еще не испытывал такого постоянного влечения, никто из чунгов еще не ставил себе цель, которую преследовал бы так упорно.

Двигаясь обычно впереди всех остальных чунгов и держа заостренный сук всегда наготове для удара, Смелый стал заходить все глубже

в лес, далеко опережая всех прочих: не увидит ли он мо-ка или какого-нибудь другого могучего хищника? Он подстережет его, вступит с ним в единоборство и вонзит ему заостренную ветку в пасть — любому зверю, кроме грау, так как грау очень ловок и гораздо сильнее даже самого сильного мо-ка и прыгает на свою жертву быстро, как молния.

Однако не только грау, но и другие крупные, сильные звери, питавшиеся мясом убиваемых ими животных, встречались очень редко и обычно избегали непонятных, опасных чунгов, и потому Смелому долго не удавалось встретиться ни с одним из них.

Случалось ему подстеречь и пронзить своей веткой либо жига, либо купа, либо ланча, но все эти звери, хоть и хищники, были мелочью для крупного, сильного чунга, и Смелый попросту забавлялся ими.

И все-таки Смелый не мог не встретиться либо с грау, либо с мо-ка. Как и чунги, эти звери блуждали по всему лесу, и встреча произошла так же неизбежно, как и неожиданно, — встреча с грау.

Молоденькая пома, всегда ходившая вместе со Смелым и Бурой, первая заметила сквозь кусты жестокого, сильного грау. Хищник только что убил маленького дже; он лежал и раздирал его. Он удовлетворенно мурлыкал, слегка ударяя хвостом по земле, и даже не глядел по сторонам, спокойный и уверенный в своей силе. Любое животное не только не посмело бы огнять у него добычу, но и убежало бы стремглав, едва увидев его.

Молоденькая пома, увидев его и угадав страшную опасность, пронзительно закричала:

— А-па! А-па!

Для Смелого и Бурой этот крик уже не был чем-то новым и неизвестным. Для обоих он означал близкую опасность, и оба подумали, что молоденькая пома опять увидела мо-ка. Бурая испустила такой же крик, взъерошилась, уперлась ногами в землю и крепко стиснула ветку, которую держала в руках. Молоденькая пома уже полезла на дерево и была вне опасности, но мать не спешила последовать за нею. Прежде всего, мо-ка мог быть только один, и он совсем не нападет на нее. И потом она не одна: Смелый поблизости, а позади есть и другие чунги, которые сразу же придут к ним на помощь...

И Бурая, охваченная смешанными чувствами страха и уверенности в помощи других чунгов, заревела, предупреждая и зовя на помощь:

— У-а-кха! У-а-кха!

Но, увидев в кустах грау, который вскочил, сверкая желтыми глазами и обнажая зубы в грозном рычании, она страшно вскрикнула и кинулась на дерево, где была молоденькая пома.

— А-па! А-па!.. — закричала она изо всех сил, словно сообщая всем чунгам: «Бегите, бегите! Перед нами страшный грау!»

Смелый тоже заметил грау. И грау увидел Смелого, лязгнул на

него зубами, словно ожидая, что тот побежит. Но Смелый не побежал. Охваченный ужасом, он все же сообразил, что если повернется и побежит, то грау в несколько прыжков настигнет его и вонзит когти ему в спину. Он почти касался плечом одного толстого дерева, но не мог бы легко и быстро взобраться на него: дерево было прямое и высокое, а к земле не спускалось ни одной ветки, за которую он мог бы ухватиться. И потому, прислонившись спиной к дереву и слегка подавшись вперед, он продолжал смотреть в желтые глаза грау, все еще не зная, что делать. В мозгу у него промелькнула еще темная и неясная мысль, что до сих пор он всегда побеждал: когда один, когда вместе с другими чунгами, что он — вожак чунгов и не может, не должен бежать. Правда, он встречает грау впервые, но он один уже убил мо-ка, а грау не крупнее мо-ка... Разве нельзя убить и его, если бросить ветку ему в раскрытую пасть?

Тем временем грау, встав над растерзанным дже и устремив на Смелого пылающий взгляд, бил хвостом по земле и продолжал угрожающе рычать. Он убил дже и не жаждал больше крови, да и чунги не были для него тем же, что и прочие животные... Грау хотел только прогнать Смелого. Но Смелый не только не хотел, но и не отваживался обернуться, и тогда грау потряс головой, широко разинул пасть и грозно заревел:

— Гррр-а-уу!

Увидев, что грау готовится к прыжку, Смелый поднял ветку и на-

правил к нему острый конец: если грау прыгнет, он вонзит ветку ему в раскрытую пасть — и грау умрет. А если и не умрет, то либо подоспеют другие чунги, либо Бурая победит свой страх и придет ему на помощь. И он громко закричал:

— У-а-кха! У-а-кха!

При этом крике грау припал брюхом к земле, и лопатки у него резко выдались... Еще миг, и он взвился в воздух и мелькнул, как тень крири, пролетевшего низко над деревьями. Не ожидая прыжка так быстро, Смелый испугался, бессознательно бросил ветку в грау и укрылся за деревом.

Ветка встретила грау в воздухе, вонзилась в него. Грау страшно взревел, перевернулся уже в воздухе, а потом упал в двух шагах от Смелого и забился в кустах, обагряя их дымящейся кровью: ветка попала ему прямо в грудь и глубоко вонзилась в нее.

Смелый не увидел в точности, как это случилось, но когда грау начал биться, брызгая кровью во все стороны, он понял, что убил его. Он торжествующе закричал и выскочил из-за дерева. Грау не может больше ни прыгнуть, ни вонзить в него когти. Теперь он может только биться и колотить передними лапами по земле. И когда первые чунги подбежали, то у грау уже не было сил даже на то, чтобы реветь; он только корчился и хрипел, а его желтые глаза глядели мутно, без блеска.

Смелый первым подошел к нему и вытащил вонзившуюся в грудь ветку. Значит, отныне ему не нужно позволять грау или мо-ка прибли-

зиться к нему, чтобы пронзить их, а можно бросить ветку еще издали. И они все-таки умрут, а он не будет получать раны от их зубов и когтей...

Радостно заскулив, он стиснул окровавленную ветку, отдалился на несколько прыжков от трупа грау и вскрикнул:

— О-кха-кха! О-кха-кха!

Потом поднял ветку, направил ее острым концом к убитому зверю и швырнул. Ветка быстро пролетела и снова вонзилась в тело зверя. Другие чунги, глядевшие на него с любопытством и интересом, тоже закричали в один голос:

— О-кха-кха! О-кха-кха!

Смелый снова вырвал ветку и снова швырнул ее в грау. И все чунги, подражая ему, начали швырять в мертвого грау ветки, которые держали в руках. Но не у всех ветки были такие заостренные, и не все попадали одинаково метко. Однако это было для них чем-то новым, увлекло их, и они долго еще швыряли ветки в грау и кричали:

— О-кха-кха! О-кха-кха!

Для Смелого больше не было крупного и сильного зверя, которого он не мог бы убить, вооружившись заостренной веткой. Правда, грузного мута или огромного, как гора, хо-хо веткой убить нельзя. Но мут и хо-хо питались травой и листьями и никогда не нападали первыми. Стоит ли Смелому бросаться на них и рисковать быть раздавленным вместе со своей веткой?

Но однажды ветка у него была отнята, и отнял ее не какой-нибудь хищник, а теп-теп. Это случилось так.

Как-то раз, идя по обыкновению впереди прочих чунгов, Смелый увидел двух пасущихся теп-тепов. Один был большой, с широкой грудью и большими ветвистыми рогами, другой — гораздо меньше, с маленькими, только что прорезавшимися на лбу рожками. Чунги знали, что мясо у теп-тепа очень вкусное, и потому Смелый, жадно вперив в них взгляд, начал подкрадываться к ним сквозь кусты, едва сдерживая ворчание в предвкушении этого сладкого мяса. Слабый, порывистый ветерок дул навстречу ему от теп-тепов; листья кустов и деревьев слабо шуршали, и это мешало теп-тепам услышать его. Итак, Смелый подкрался еще ближе и уже приготовился метнуть ветку в большего из теп-тепов... Но в этот миг теп-теп увидел его. Большой теп-теп быстро поднял голову, стукнул передним копытом, и маленький теп-теп тотчас же исчез в кустах. Большой теп-теп тоже повернулся, и Смелый поспешил швырнуть в него свою ветку. Ветка настигла его, вонзилась ему в бедро. Теп-теп громко замычал, но не упал, как ожидал Смелый, а исчез в кустах вместе с веткой.

Смелый ожидал чего угодно, но не того, чтобы потерять таким образом свою острую ветку. Он долго искал ее в кустах по следам теп-тепа, но так и не нашел. И впервые за время существования чунгов один

из них начал искать и подбирать среди множества веток подходящую для себя — прямую и гладкую, ни слишком толстую, ни слишком тонкую и непременно с заостренным концом, но не мог ее найти. Если конец у ветки был острый, то вся она была сучковатая или кривая. А если она была прямая, то с тупым концом.

Наконец Смелый нашел более или менее подходящую ветку, успокоился и начал забывать о случившемся. Но однажды, пробираясь в чаще высокого толстого кустарника, ветки которого вырастали прямо из земли целыми снопами, он вдруг остановился и вытаращил глаза: ветки были такие же, такие же самые, как его пропавшая ветка! Такие же прямые и ровные, ни слишком толстые, ни слишком тонкие...

Он окинул их взглядом от корней до пучка широких листьев, которые росли на верхушке каждой ветки и между которыми краснели мелкие, но очень вкусные ягоды. Смелый не раз уже поедал такие ягоды и знал их вкус, а потому ухватил одну ветку за вершину и нагнул, чтобы оборвать с нее ягоды. Но ветка треснула и отломилась у основания, как высохшее дерево. Обломилась так, что нижний конец ее сам собой заострился.

Как и все прочие чунги, Смелый уже не раз испытывал сильные волнения: и радость, и страх, и ярость, естественно порожденные невзгодами при бегстве чунгов с севера на юг или битвами с вигом, с мо-ка, с грау. Но такого сильного и совсем нового волнения он никогда еще не испытывал, волнения от внезапной догадки. Ему уже не нужно искать подходящую ветку, не нужно сердито ворчать, не находя ее, а можно сделать ее самому, обломав ее.

Радостно заурчав, он схватил верхушку, обломал ее и теперь держал в руке ровную, заостренную ветку длиной почти с самого себя или даже чуть побольше. Ликование его было так сильно, что он испытывал непреодолимую потребность сообщить о нем и другим чунгам, поделиться с ними своей радостью, рассказать о том, что сделал. Он набрал в грудь воздух и издал какие-то совсем новые звуки. Это было что-то среднее между обычным скулежом и обычным ревом всякого чунга; Смелый не был ими удовлетворен, а потому не стал больше реветь, а закричал так, как кричал обычно всякий чунг, желая сообщить другим что-то важное и радостное:

— О-кха-кха! О-кха-кха!

Услыхав его, ближайшие чунги собрались вокруг. И Смелый снова издал эти новые звуки, а остальные чунги стали смотреть на него, мигая глазами от любопытства и изумления: они не понимали, что хочет сказать им вожак. Тогда Смелый согнул другую ветку, сломал ее, обломал и верхушку, пощупал заостренный конец и взмахнул веткой над головой.

— О-кха-кха! О-кха-кха! — снова закричал он, схватил еще одну ветку, сломал ее и взмахнул ею над головой.

На этот раз чунги поняли, разразились криками и кинулись ломать ветки. Все они вооружились ровными, прямыми ветками и тоже начали размахивать ими над головой и радостно прыгать.

— Ха-кха! Ха-кха! — припевали они при этом, и эти задыхающиеся звуки, радостно блестящие глаза и возбужденно-торжествующее выражение красноватых лиц говорили: «Отныне в битвах со свирепыми зверями мы не будем рассчитывать на случайно найденные ветки и камни! Мы уже сами умеем делать заостренные ветки, и плохо придется тому зверю, который захотел бы напасть на нас!»

ЧУДО ОГНЯ

Жизнь, которую чунги вели в лесу, была сравнительно легкой и беззаботной. Было тепло, да и пища была в изобилии: плоды на деревьях, сладкие коренья и луковицы, которые они выкапывали все искуснее, сочные побеги и молочная сердцевина многих кустов.

Но, давно уже привыкнув к мясу, они очень радовались, когда им случалось убить какое-нибудь животное. Особенно, если этим животным был большой, сильный хищник; тогда они собирались вокруг него и, прежде чем съесть, ритмически прыгали и вскрикивали, выражая этим свое удовольствие по поводу того, что избавились от опасного хищника. Но с таким же удовольствием они ели и та-ма и других мелких зверьков, совсем беззащитных и умеющих только ползать. А яйца и детеныши кри-ри были любимым лакомством маленьких чунгов, которые и без того любили лазать по деревьям.

Итак, чунги бродили по лесу, не оставаясь подолгу на одном месте и делая себе только временные логовища из травы и листьев. Лишь когда рождался новый детеныш или бывал ранен хищником взрослый чунг, которому нужно было лежать, пока он не выздоровеет, они задерживались на одном месте подольше.

Тем временем ладони и пальцы на задних лапах становились у них все грубее и теряли ловкость. Чунги почти не пользовались ими для хватания, а только для ходьбы, и все делали руками: рвали ими плоды, разламывали скорлупки, устраивали себе логовища, ломали ветки и обламывали им верхушки, чтобы их можно было бросать в опасных зверей; очищали стебли га-ли, выкапывали сладкие коренья и луковицы. При этом им нужно было крепко стискивать ветки и камни и с еще большей силой ударять нападающих зверей, если они хотят остаться в живых и есть мясо. От всего этого они становились все более ловкими и находчивыми, все более ловко и умело нападали и защищались от больших, сильных зверей. Правда, время от времени грау и мо-ка съедали какого-нибудь чунга, но стая от этого не уменьшалась. Постоянно рождались

новые детеныши; и все они рождались все более выпрямленными, со все более ловкими и гибкими пальцами на руках. У многих пом бывало по нескольку детенышей, а так как самцы выбирали себе безволосых самок, а самки — безволосых самцов, то и детеныши рождались все чаще безволосыми.

Бурая пома чувствовала, что у нее скоро снова появится детеныш. Поняв это, она устроила себе логовище под двумя большими деревьями, когда-то поваленными сильной бурей друг на друга. Густые травы и кустарник переплетались вокруг, образуя между деревьями что-то вроде большого уютного дупла. Бурая очистила его от толстых гнилых веток, натаскала много травы и листьев и, когда белое светило спустилось низко над лесом, забралась туда. Вместе с нею забрались молоденькая пома и еще две молодые помы, у которых еще не было детенышей, а Смелый и еще двое чунгов легли перед входом. Вокруг было много таких же семейств, и опасности внезапного нападения не было. Все же, когда стемнело, Смелый встал, поднялся на одно из деревьев и присел там, оберегая будущего детеныша. Он поднял голову и взглянул вверх, в просветы между вершинами деревьев. На небе ничего не было видно — ни звездочки, ни большого желтого светила, все вокруг терялось в темноте, и дышать было тяжело. Не доносилось ни дуновения ветра, не слышалось рева зверей. Изредка взлетал кри-ри, тревожно вскрикивал и снова скрывался в ветвях или улетал куда-то. Все предвещало сильную бурю, и Смелый, поняв это, выпрямился во весь рост и громко тревожно взревел:

— У-а-кха! У-а-кха!

— У-а-кха! У-а-кха! — донеслось из леса со всех сторон, и разбежавшиеся чунги стали собираться в направлении этих тревожных криков. Они сознавали, что против разбушевавшегося леса и огненной ярости неба не помогут ни заостренные ветки, ни многочисленность, но все же спешили собраться вместе, потому что тогда им было не так страшно.

Те, что собрались вокруг Смелого, присели на деревьях и стали прислушиваться к далекому гулу, к ломавшему лес ветру, который усиливался все больше и больше.

Вдруг небо вспыхнуло так ярко, словно выпрыгнуло белое светило, озарив весь лес. Потом стало вдвое темнее — и раздался страшный грохот. Словно тяжелая волна обрушилась на лес, налетев неизвестно откуда, — и он весь закачался и зашумел. Гром и грохот раздавались везде сразу. При частых молниях чунги видели, что огромные деревья гнутся, как тонкие ветки, а тучи сорванных листьев вьются над их вершинами, как рои жу-жу.

Чунги испугались: одни из них притаились под деревьями, другие прилегли около них, а Смелый и еще двое чунгов залезли в логовище Бурой. Но чудовищно сильная буря спустилась совсем низко, понеслась

по земле и начала трепать и бить по кустам, деревьям, дуплам. Небо непрестанно вспыхивало и гремело, и огненные борозды раздирали его от края до края.

Вдруг что-то ослепительно огненное ударило совсем близко от чунгов, а потом раздался такой ужасающий грохот, что многие из них потеряли сознание, а другие кинулись во все стороны, дико вопя. Те, что укрылись в дупле со Смелым и Бурой, видели в блеске молнии, как одно высокое дерево треснуло надвое, и верхушка у него повисла. Тотчас же вслед за тем по коре дерева заиграли огненные языки; они быстро облизали его сверху донизу — и вот уже все дерево запылало.

Чунги много раз видели, как с неба падает огонь и зажигает деревья, как загоревшиеся деревья передают огонь другим и как весь лес начинает пылать. Почему это происходит — они не могли понять, да им и в голову не приходило задумываться над этим. Но они знали, что если огонь с неба упал близко от них и зажег дерево, то нужно поскорее убегать. Иногда бывало и так, что небо очень сильно гремело и бросало огонь на какое-нибудь дерево, и тогда все чунги, находившиеся на этом дереве или под ним, вдруг падали и умирали. Кто поражал их и убивал так могуче? Поражало и убивало разъяренное небо, но поражало их совсем невидимо. И чунги испытывали таинственный страх и трепет, когда небо метало огонь на лес, и старались уйти подальше от такого места.

Поэтому и сейчас, когда дерево загорелось так близко от них, вся стая побежала, испуганно вопя. И хорошо, что они вовремя выскочили из дупла, так как горящая вершина обломилась и упала прямо перед входом. Огонь быстро пополз по сухим сучьям и веткам, они тоже запылали, и уютное логовище Бурой уже было охвачено бурным пламенем. Все поняли, что ничего не могут сделать с огнем. Его может укротить только небо, плеснув сверху побольше воды, а до тех пор он будет бушевать и сожжет все живое.

Понимая, что здесь не поможет никакое рычание, никакие ветки и камни, чунги убегали от пожара и слушали, как огонь шумит и трещит позади них и превращает все в пепел. Много перепуганных животных догнало и обогнало их. Испуганные кри-ри, покинув свои гнезда и детенышей, долго вились над огромным столбом пламени и дыма, пронзительно пища и крича; потом некоторые улетали куда-то, а другие падали в пламя и исчезали там.

Чунги остановились лишь тогда, когда увидели, что находятся на голой земле, опустошенной другим, прежним пожаром. Отсюда пожар казался еще страшнее. В его огромном красном зареве все вокруг тоже стало красным: и чунги, и бегущие вместе с ними животные, и низко нависающие, вьющиеся клубы дыма...

Чунги были уверены, что пожар охватил весь их лес и уничтожил вместе с ним все плоды, все луковицы и всех животных. И потому, когда

небо расплакалось и укротило огненную стихию, они завизжали от радости. Сбившись в кучки, не видя друг друга в темноте, они стали вскрикивать, чтобы увериться в том, что они снова вместе:

— У-о-кха! У-о-кха!

Так они дождались утра и увидели, что от места пожарища поднимается прозрачными облаками белый пар. Большое пространство в лесу было покрыто толстым слоем теплого, дымящегося пепла, и там и сям дымились толстые, недогоревшие стволы. В другом месте огонь успел сжечь только листву на деревьях, и они торчали с каким-то пустым, грозным видом. В третьем месте поломанные бурей деревья были нагромождены друг на друга. Дождь не дал им сгореть полностью, но и на них не было ни листьев, ни веток.

Чтобы вернуться в лес, чунгам нужно было пройти всю эту сожженную местность. Они осторожно, недоверчиво вступили на пепел. У всех под подошвами и пальцами на задних лапах ощутилась приятная теплота и мягкость, а детеныши заверещали от удовольствия и начали кувыркаться в пепле, так что их черная шерсть сделалась совсем серой.

Чунги углубились в сожженную область и вдруг начали расширять ноздри и внюхиваться. Какой-то особенный запах начал вдруг раздражать их аппетит — запах, не сравнимый ни с каким другим, ибо он отличался и от запаха плодов, и от запаха мяса и крови животных, и от запаха цветущих кустов и травы. Им казалось, что так необычно пахнет сам пепел; они начали рыться в нем, а некоторые нашли в пепле опавшие плоды с твердой скорлупой.

Всем стало ясно, что новый запах идет именно от этих плодов.

Нашел такой плод и Смелый. Плод был еще теплый, с приятным запахом, и Смелый заурчал от жадности. Он стиснул плод в пальцах, и скорлупа лопнула. Оттуда потянуло еще более сильным и приятным запахом. Удивленный, странно ошеломленный этим ароматом, он нетерпеливо разломал скорлупу; вытащил сочную мякоть и с жадностью начал есть ее.

Никогда еще никто из чунгов не ел такого вкусного плода. Еще теплый, капающий молочным соком, он так и таял во рту, и его не нужно было кусать и жевать, а можно было глотать сразу. И правда, Смелый с аппетитом проглотил его.

Чунги нашли печеных кри-ри, та-ма и других животных. Некоторые из них совсем сгорели, но были и такие, которые только испеклись. Мясо у них стало очень вкусное и мягкое, легко разрывалось и совсем побелело, а крови в нем совсем не было.

Почему плоды стали такими вкусными и скорлупа у них лопалась так легко? Почему мясо у животных стало таким вкусным и крови в нем не было? Пробужденный разум чунгов подсказал им, что произошло: все это сделал огонь, упавший с неба; и потому всегда, когда небо бро-

сит огонь и зажжет пожар в лесу, можно будет найти испеченные плоды и печеных животных.

Чунги оставались у края пожарища целый день, а ночью улеглись в мягкий, еще теплый пепел и спали очень хорошо, довольные и сытые. На другой день они продолжали бродить по пожарищу, снова нашли много плодов, много кри-ри и та-ма и снова ели печеные плоды и печеное мясо. Всюду огромные, поваленные бурей деревья продолжали дымиться, — огонь сохранился под толстым слоем пепла и медленно тлел. Не было чунга, который не обжегся бы о тлеющий уголь, скрытый под пеплом, и это сделало их еще более осторожными. Они научились раскапывать пепел не пальцами, а веточкой. Так, разыскивая печеные плоды и печеных животных, они нечаянно разрыли пепел на одном тлеющем стволе, и огонь вдруг снова проснулся. Но он не давал пламени, а только светил и грел.

Чунги долго стояли вокруг тлеющего дерева, глядели и изумленно урчали: как сохранился огонь и почему от него нет пламени? А когда жар покрылся пеплом и огонь угас, они снова разрыли пепел, и дерево снова засветилось.

Вечером чунги расположились вокруг дерева и улеглись в пепел. Когда стало совсем темно, дерево разгорелось и стало светить далеко и ярко.

Никто из чунгов не помнил, чтобы ночевал когда-нибудь у огня или когда-нибудь грелся около него. До сих пор они только убегали от него, а оказывается, что он может и греть их, а не только жечь... И как трепещут огоньки на этих угольях, как веет от них приятным теплом!

Чунги поворачивались к этому чудесному огню то одним боком, то другим, грели спины, вытягивали губы друг к другу, почесывались и мурлыкали от удовольствия. Огонь освещал их косматые тела и отбрасывал назад странные, длинные-длинные тени... Сначала детеныши принимали эти тени за каких-то огромных зверей, визжали от ужаса и жались к матерям, но потом привыкли и смотрели на них так же, как на тени, отбрасываемые белым светилом.

В эту ночь никто из чунгов не уснул, но никому и не хотелось спать, — так приятно им было сидеть у огня, греться и смотреть, как трепещет и вспыхивает живое пламя. Они уснули только на рассвете, когда огнедышащее дерево покрылось тонким слоем воды и опять потемнело. Но вскоре они проснулись и, увидев погасшее дерево, стали раскапывать пепел ветками, чтобы стало опять светло. Одна ветка, очень сухая, вспыхнула и загорелась, осветив все вокруг ярким пламенем. Чунги закричали от неожиданности, так как подобного случая еще не бывало, быть может, потому, что ветки были в огне недостаточно долго или были слишком сырыми. Смелый схватил загоревшуюся ветку и

поднял ее высоко над головой. Не отрывая глаз от ее горящего конца, он протянул изумленно и недоумевающе:

— О-кхо-о!..

— О-кхо-о!.. — протянули и другие чунги, подумав, что Смелый как вожак и самый сообразительный из всех нарочно зажег свою ветку и хочет, чтобы все увидели это. И действительно, многие из них поняли, в чем дело, оставили свои ветки в огне и увидели, что их концы загорелись и запылали.

— О-кхо-о! О-кхо-о! — закричали они и, как и Смелый, подняли горящие ветки над головами. А ветки ярко горели, разбрасывая во все стороны мелкие искры и освещая лица чунгов, изумленных и возбужденных тем, что они сами сделали огонь, да еще так легко.

И при ярком свете скачущего пламени этих чудесных факелов, нечаянно зажженных чунгами, у Бурой помы родились детеныши — не один детеныш, а двое. А Смелый и все прочие чунги, высоко подняв пылающие факелы, заплясали вокруг нее и вокруг тлеющего дерева, подпрыгивая и выкрикивая:

— Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха!

...И ОНИ ВМЕСТЕ ПОДНЯЛИ И ПОНЕСЛИ ДЕРЕВО...

Обычно у пом рождалось по одному детенышу, но иногда случалось, что и по два и даже по три. Однако такие случаи бывали редко, и в своей стае Бурая была первой, у которой родилось двое.

Чунги присматривались к новорожденным с необычайным любопытством. У этих детенышей шерстка тоже не была ни густой, ни длинной, и они очень походили на безволосую молоденькую пому, когда та родилась, и тельца у них тоже были голенькие.

Почему чунгам-самцам больше нравились безволосые помы и почему помам больше нравились безволосые чунги, этого не знали ни те, ни другие. Они даже не сознавали своего предпочтения, но видели, что безволосые детеныши рождаются все чаще. Им даже стали не нравиться те детеныши, которые рождались с густой шерстью.

Молоденькая пома, любопытнее всех, присела перед матерью, разглядывала своих маленьких братьев и никак не могла понять, откуда и как они вдруг появились. Она таращила на них глаза, шевелила губами, время от времени хихикала от смешанного чувства радостного удивления и страха; и ей очень хотелось схватить обоих и поиграть с ними. Она даже начала потрагивать у них голые шейки и спинки; но Бурая неодобрительно и предостерегающе зарычала на нее. Несмотря на это маленькая шалунья потянула одного детеныша за ножку, и мать шлепнула ее дважды — с одной и с другой стороны. Молоденькая пома

отбежала от нее и плаксиво заскулила. Но, увидев, как взрослые и маленькие чунги бросают на тлеющее дерево недогоревшие ветки, она тотчас же забыла столкновение с матерью, схватила ветку и тоже положила ее на горячие уголья. Ветка загорелась, а она запрыгала и заплясала.

— А-кха! А-кха! — радостно запищала она, бросая загоревшуюся ветку в горящие уголья, и начала собирать куски недогорелых сучьев, торчавших из золы, и швырять их в огонь.

Сознание чунгов озарилось новой догадкой, и они тоже кинулись собирать в золе недогоревшие куски. Но эти куски, брошенные в огонь, очень быстро сгорали, оставляя только пепел. Тут Смелый догадался, что долгое время горят только большие ветки, тогда как мелкие сгорают быстро и без остатка. А так как никаких веток вокруг больше не было, он попытался поднять толстое полуобгорелое дерево. Однако оно было слишком тяжелым для одного чунга, и он едва смог приподнять его, хотя напрягал все силы. Он крепко обхватил дерево за один конец и попытался тащить его спиной вперед, но и на этот раз оно едва шевельнулось.

Смелый очутился в затруднении: как донести дерево к огню? Он не мог ни поднять его, ни тащить.

В это время небольшая группа чунгов медленно двигалась в его сторону, выкапывая из золы печеные плоды. Смелый поглядел на них, и в сознании у него мелькнула удивительная догадка: не живут ли все чунги заодно, чтобы помогать друг другу и защищать друг друга от крупных, сильных зверей? И разве два чунга не сильнее, чем один, а если их еще больше, то не сильнее ли они двух чунгов?

И Смелый, захваченный своей новой догадкой, остановился и возбужденно, нетерпеливо крикнул:

— У-о-кха! У-о-кха!

— У-о-кха-ха! У-о-кха-ха! — отозвались другие чунги: они подумали, что вожак предупреждает их о какой-то опасности и сзывает всех вместе, и начали оглядываться. Смелый закричал еще настойчивее и повелительнее, сильно и нетерпеливо размахивая руками. Чунги подошли к нему, и Смелый начал как-то мычать и издавать совсем новые, непонятные звуки. Он испытывал непреодолимую потребность каким-нибудь образом сообщить другим чунгам, зачем зовет их и чего от них хочет, но не мог, не знал, как это сделать.

Чунги стояли перед ним, смотрели и совсем не понимали его гортанных, сдавленных звуков. А в горле у Смелого собиралось все больше страдания и гнева, грудь у него вздувалась, он задыхался. Нет, он и вправду задохнется, если не выразит хоть как-нибудь своего намерения, если хоть как-нибудь не выразит того нового, что ощущает, что со страшной силой теснится у него в груди и в голове. Ему нужно было перевести дыхание, чтобы издать звуки, стеснившиеся у него в горле.

И чтобы освободиться от этого ощущения удушья, Смелый проревел:

— А-ха-кха-а! А-ха-кха-а!

Потом он наклонился, подсунул руки под конец толстого бревна, сделал вид, что старается поднять его, и снова проревел:

— А-ха-кха-а! А-ха-кха-а!

На это раз чунги поняли его, разразились криками и облепили бревно. Все они подсунули руки под ствол с обеих сторон и подняли его. Толстый, тяжелый ствол лежал у них на руках совсем легко, и они, поняв смысл совместного усилия, радостно и беспорядочно закричали:

— А-ха-кха! А-ха-кха!

Но они никак не могли понять намерения Смелого перенести дерево и положить на огонь, а потому потоптались, потоптались с радостными криками, а некоторые из них отпустили бревно. От этого другим чунгам стало тяжелее, и они тоже отпустили его. Падая, бревно слегка придавило двух чунгов, и они завизжали от боли.

Завизжал и Смелый, но завизжал от гнева на то, что его не поняли. Оскалив зубы в грозной, гневной гримасе, он запрыгал, издавая какие-то новые, непонятные звуки, шевелил пальцами, блестел и сверкал глазами и снова наклонялся к дереву, делая вид, что старается поднять его. Но чунги все не понимали его и только смотрели. И тогда Смелый, подчиняясь властному внутреннему порыву, ударил ладонью по дереву, выпрямился, обернулся, потряс рукою и указал растопыренными пальцами на медленно догорающий ствол.

— Ха-ка-ка! Ха-ка-ка! Ха-ка-ка! — произнес он быстро и сердито, потом снова нагнулся, схватил бревно с одного конца, со страшным усилием приподнял его и протащил на два-три шага.

Все еще не понимая, но догадываясь, что вожак хочет снова поднять дерево, чунги опять наклонились и старательно, осторожно подняли бревно. Тогда Смелый, продолжая выкрикивать «ха-ка-ка! ха-ка-ка!», подтолкнул всю группу вместе с бревном в сторону огня, и все чунги двинулись туда.

— Ха-ка-ка! Ха-ка-ка! — радостно повторяли они вслед за Смелым, выражая этим новым звукосочетанием удовольствие от того, что впервые несут вместе толстое, тяжелое бревно, и называя так самую работу, которую проделывали. Смелый кричал теперь не сердито и раздраженно, а бодро и радостно, так как другие чунги наконец-то поняли, что он хотел им сказать.

В сущности чунги еще не поняли, зачем они несут бревно и куда его несут. Они совершали нечто поистине совместное и хотя не сознавали как должно цели своей совместной деятельности, но она наполняла их чувствами, которых они раньше не испытывали.

Действительно, они все яснее сознавали, что живут не так, как все другие животные на земле. У какого другого животного есть руки? Кто

еще, кроме них, пользуется палками и камнями для защиты или нападения? Есть ли на свете другое животное, которое догадалось бы сорвать ветку, обломить у нее конец и бросать ее в других животных? Есть ли другое животное, которое ходило бы выпрямившись, на одних задних лапах? Есть ли другие животные, которые соображали бы и догадывались так легко и быстро? Могут ли другие животные поднять такое тяжелое бревно и так дружно нести его? Да и как бы они его подняли, если не могут хватать ни передними, ни задними лапами? Нет, чунги были не только животными, чунги переставали быть только животными, так как у них были руки и они могли делать что-нибудь так дружно и осмысленно...

— Ха-кха! Ха-кха! — радостно вскрикивали они и ступали в такт этим дружным крикам. Так, руководимые Смелым, они принесли бревно, положили его на тлеющие уголья и раскричались еще громче, увидев, что оно мало-помалу загорелось и запылало.

В этот день чунги нашли в золе совсем мало печеных плодов, и голод заставил их уйти в лес, не тронутый пожаром. У огня остались только Бурая с двумя близнецами и две совсем старые помы; Смелому и чунгам этих старых пом нужно было оставаться поблизости и носить им пищу. Смелый дважды приносил плоды, а на третий раз принес та-ма.

Голодная и жадная, Бурая стала рвать та-ма еще живой, а Смелый, присев перед ней, мигал глазами, ощущая все растущую гордость и привязанность к Бурой, давшей ему двух безволосых детенышей. Он был готов принести ей еще много плодов и та-ма, и это желание так и переливалось у него в душе. Переполняли его душу и чувства гордости и привязанности, и ему хотелось, чтобы она знала об этом. Но, не умея выразить все это, он сидел перед ней молча и только время от времени скулил.

В это время молоденькая пома; играя с плодами, швырнула один из них в сторону костра, и он упал в горячие уголья. Пылкая, по-детски капризная пома запищала, подбежала схватить его, но не посмела подойти ближе и от гнева и беспомощности запрыгала, плаксиво визжа.

— У-о! У-о! — тревожно крикнул Смелый, не зная, в чем дело и почему визжит молоденькая пома. А поняв, он взял ветку, сорванную в этот день, протянул ее и выкатил плод из огня; попробовал даже взять его, но тотчас же бросил. Плод сильно обжег его.

Все это — и сильный ожог, и вытаскивание плода из огня, и возбуждающий запах печеного — связалось с найденными в пожарище печеными животными и вызвало у него новую догадку. Он кинулся к Бурой, выхватил у нее из рук полусъеденную та-ма и бросил в огонь. Потом бросил и остальные еще не съеденные плоды и запрыгал с радостными, торжествующими криками!

— Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха!

Напрыгавшись у огня, Смелый схватил ветку, вытащил ею та-ма и

плоды, откатил в сторону от огня и стоял над ними, пока они не остыли настолько, чтобы их можно было съесть.

Вечером, еще до наступления темноты, все чунги собрались у медленно догоравшего дерева. Но никому из них и в голову не пришло, что это дерево тоже сгорит и погаснет, как большой ствол. Итак, уголья медленно погасли и скрылись под слоем пепла, а наутро чунги не нашли никакого огонька, сколько ни рылись в золе. Они были удивлены и недовольны, так как не могли понять, почему огня больше нет. И долго стояли они у мертвого костра — унылые, опечаленные, разочарованные: огонь умер окончательно, и им больше не придется есть печеных плодов и греться у костра.

Смелый поднял голову и поглядел на небо, но оно совсем не выказывало намерения рассердиться и бросить огонь на деревья. Оно было ясное и тихое. Белое светило уже восходило над вершинами деревьев на опушке сожженного леса, рассыпая свои золотые лучи по черно-серому пожарищу.

Чунгам больше нечего было делать на пожарище, и все они снова ушли в нетронутый лес. Шла и Бурая, прижимая к себе двух маленьких детенышей. Выпрямив косматое туловище, сжав в руке толстую ветку, шел с нею Смелый. Он был невесел и недоволен, и все прочие чунги тоже были невеселы и недовольны. Только детеныши были веселы и жизнерадостны, как всегда. Они бегали вокруг взрослых, боролись, и все непрестанно визжали и повторяли совсем новые для них звукосочетания, услышанные от старших:

— Ха-ка! Ха-ка!.. А-кха-кха! А-кха-кха!..

Чунги долго не забывали пожара в лесу и все время ждали, что небо опять бросит огонь и подожжет деревья. И действительно, однажды небо разгневалось и снова начало бросать огонь. Сначала собралось много-много туч, за которыми скрылось белое светило, а потом тучи заревели и начали метать извилистые молнии с одного конца леса до другого.

Увидев первую молнию, чунги завизжали и запрыгали, оглядываясь во все стороны: не увидят ли где-нибудь запылавший огонь. И вот небо бросило в одном месте сильный огонь, и вскоре в ветвях деревьев блеснуло и заиграло яркое пламя, а над ним взвился синеватый дым.

— Ха-кха-а! Ха-кха-а! — закричали все чунги разом и стремглав кинулись к месту вспыхнувшего пожара, ибо всякий уже представлял себе, как он и на этот раз будет есть печеных животных и печеные плоды. Среди деревьев протянулась длинная вереница бегущих, прыгающих, визжащих от радости чунгов, а для зверей в лесу это было так необычайно, что все они пустились наутек.

Но едва добежали они до места пожара, как небо вдруг плеснуло много воды и быстро погасило огонь, и чунги очутились под проливным

дождем и только мигали глазами. Пламени больше не было, только легкий белый дымок вился между ветвей, указывая место пожара, но и он вскоре исчез. Поняв, что случилось, чунги тяжело, недовольно завздыхали и побежали к большим развесистым деревьям, чтобы укрыться от льющей волнами сверху воды.

СТРАШНЫЕ ДРУГИЕ ЧУНГИ

Постепенно чунги стали забывать о своем прошлом, о том, как бежали когда-то с севера на юг. Те из них, которые во время этого бегства родились или были маленькими, не помнили ничего. Родившимся в лесу детенышам нечего было вспоминать, а старые чунги умирали один за другим, не умея рассказать младшим о том, что пережили. И потому все чунги думали, что родились в лесу и что лес, как бы велик он ни был, принадлежит только им, а все животные, встречающиеся в нем, явились сюда тайком, как пришельцы, и живут в нем без разрешения. Они думали также, что других чунгов, кроме них, нет, и потому были очень удивлены, встретившись однажды в лесу с совсем другими чунгами.

Эти два чунга были такие огромные, что каждый был величиной с двух чунгов, и все они целиком были в длинной густой шерсти. Лица у них тоже обросли шерстью, даже ушей из-под шерсти не было видно, а волосы на голове начинались от самых бровей, совсем прямые и взъерошенные. У них почти не было лба, глазки были маленькие и подвижные, а челюсти — очень широкие. И эти два огромных чунга стояли на задних лапах, но довольно сильно наклонившись, и передние лапы у них касались земли.

Смелый и с ним другой молодой чунг, безволосый, как и он, высокий и сильный, шли впереди всех остальных чунгов и первыми заметили этих других. Два огромных чунга стояли на задних лапах и обгрызали на сладком кустарнике верхние побеги, пригибая их передними лапами. Смелый и Безволосый вздрогнули от удивления и страха — такими страшными показались им эти другие чунги. А огромные чунги мигом обернулись, увидели их и оскалились. Их крупные зубы грозно заблестели, из горла вырвался глухой, сдержанный рев, а маленькие глазки сверкнули, словно спрашивая: «Что это за чунги, такие маленькие ростом?»

Действительно, эти два других чунга были страшными даже для выпрямленных, у которых были руки и которые научились убивать мока и грау острыми палками и камнями. С громадным туловищем, с очень широкой грудью, очень косматые и совсем без шеи, они выглядели такими грозными и свирепыми, что Смелый и Безволосый застыли на месте.

Долгое время обе породы смотрели друг на друга, словно не веря

своим глазам; не веря, что и те и другие — чунги. Наконец один из огромных чунгов, все еще слабо ворча с какой-то непонятной угрозой, повернулся и медленно двинулся в глубь леса, опираясь на обе передние лапы точно так же, как это делали все давно уже умершие старые чунги. Вслед за ним двинулся и другой; и оба даже не обернулись на Смелого и Безволосого, словно те не заслуживали больше их внимания. А Смелый и Безволосый повернулись и побежали обратно, словно громадные чунги гнались за ними.

— У-а-кха! У-а-кха! — встретили они остальных чунгов, размахивая руками, вытягивая губы и испуганно тараща глаза. Этим они хотели сообщить стае, что видели что-то очень страшное и очень опасное, так что нужно собраться всем вместе. Смелый хотел выразить определеннее: что эта страшная опасность — не мо-ка и не грау, но в горле у него стеснились новые звуки. И он опять очень страдал оттого, что другие чунги не могут понять его, как нужно.

Все же остальные чунги, поняв по его обычному предостерегающему реву, что им грозит какая-то опасность, тоже тревожно крикнули более далеким чунгам:

— Ха-кха-кха! Ха-кха-кха!

Подошли и другие ближайшие стаи. Потом вперед вышли крупные чунги-самцы и бездетные помы, а матери с младенцами и детеныши двигались вслед за ними. Все были уверены, что Смелый и Безволосый видели какое-то новое большое и сильное животное, и потому крупные самцы и бездетные помы сжимали в руках острые палки и камни и воинственно рычали. «Пусть это животное будет большим и сильным, как хо-хо, и свирепым, как грау, мы все-таки его убьем, — означало это рычание. — Убьем, потому что нас много и мы держим в руках острые камни и толстые ветки...»

Впереди всех шел Смелый, а с ним Безволосый, еще молодой, но не уступавший ему по силе и смелости. Но и они шли сейчас не так смело и уверенно, как всегда. Потому что они видели не просто какого-то зверя, а чунгов. Эти новые, непохожие чунги смущали их, и они не знали, что делать. И не потому, что боялись, а потому, что это тоже были чунги... А к этим сложным, необъяснимым чувствам прибавлялось также и любопытство, желание увидеть еще раз, рассмотреть...

Они привели стаю туда, где видели огромных чунгов, и вся стая вдруг отступила; у одного тысячелетнего дерева стояли, выпрямившись, два огромных чунга, словно ожидая их. В нескольких шагах позади них виднелись еще два таких чунга, а немного в стороне — еще один чунг и пома с детенышем на груди. Все они смотрели на выпрямленных чунгов подвижными блестящими глазами и удивленно мигали. Вероятно, эта необыкновенная встреча была неожиданностью и для них, и они тоже не знали, что делать. Выпрямленные чунги, охваченные страхом и

удивлением, тоже молча глядели на них и мигали. Откуда взялись в лесу эти огромные, страшные чунги? Почему они не убежали, как убегают все звери, увидев большую стаю выпрямленных?

Остановившись друг против друга, обе стаи различных чунгов продолжали смотреть одна на другую. Их повадка была полна недоверия друг к другу, но ни те, ни другие не выказывали намерения нападать. И те и другие догадывались о своем кровном родстве, но это родство было погребено под наслоением множества прошедших лет и не оставило у них в памяти заметного следа.

Наконец один из огромных чунгов гортанно заворчал, медленно обернулся и направился в глубь леса. Другие последовали за ним, даже не обращая внимания на выпрямленных чунгов, и по пути стали обгрызать побеги кустов. Они делали это спокойно, не спеша и не оборачиваясь, словно не желая знаться с глядевшими на них со странным изумлением выпрямленными чунгами.

Стая Смелого постояла немного и тоже вернулась назад, так как никто не посмел пойти вслед за огромными чунгами. Каждый думал, что они уйдут, как пришли, и никогда больше не встретятся.

Но огромные другие чунги не ушли, а остались жить в этом же лесу. Таким образом, обе породы стали часто встречаться. Никто из выпрямленных чунгов не решался напасть на других, но и другие никогда не нападали, а при встрече только издавали ворчание и спокойно отходили. «Мы тоже чунги, как и вы, — словно говорили они своим ворчанием, — потому и не нападаем. Но если вы на нас нападете, если рассердите нас, то мы вас растерзаем».

Сильные челюсти и мощные передние лапы огромных чунгов показывали, что они могут очень легко и быстро растерзать любого из выпрямленных. Поэтому выпрямленные приняли предложенное им сосуществование и мало-помалу перестали бояться.

Огромные другие чунги были очень жадны, и каждый из них съедал столько же, сколько целая небольшая группа выпрямленных. Выпрямленные видели, как они быстро уничтожают по многу плодов, луковиц, побегов, млечных стеблей и молодых сочных трав. Поэтому выпрямленные ворчали от гнева и досады, так как думали, что огромные чунги съедят все плоды в лесу, а ведь лес и все его плоды принадлежат им. Иногда они даже приходили в ярость, видя, как огромный чунг обирает плоды с невысокого дерева и далеко отгоняет выпрямленных своим предостерегающим рычанием.

И все же для выпрямленных чунгов это не было самым худшим, так как лес был очень велик и ни плодам, ни животным в нем конца не было. Но огромные чунги начали красть у них детенышей, и началось это так.

Как-то раз одна молодая пома сидела в чаще стволов о-ра и кормила своего первенца. В нескольких прыжках отсюда ее чунг, еще один чунг и другая пома разбивали камнями скорлупу очень большой тама. Все трое увлеклись этим и не смотрели во-

круг, да и пома была спокойна и уверена: давно уже ни мо-ка, ни грау не показывались чунгам на глаза. Пома глядела на своего детеныша, облизывала ему шейку языком и мурлыкала над ним с нежнейшей любовью.

А в это время огромная пома других, не похожих чунгов, спрятавшись в листве невысокого дерева, не отрывала глаз от матери и детеныша. Она тоже была матерью, но потеряла своего детеныша в битве с грау. И теперь, когда она увидела, как счастливая мать кормит свое дитя, неукротимый материнский инстинкт толкнул ее похитить маленького чунга. Она быстро огляделась, увидела троих взрослых чунгов в стороне от ничего не подозревающей помы, бесшумно соскользнула с дерева и стала подкрадываться сквозь кусты. Подкрадывалась тихо, хитро, шаг за шагом, потихоньку раздвигая ветки.

Молодая мать услыхала позади себя легкий шорох и треск веток. Она вздрогнула и быстро обернулась, но было уже поздно. Похитительница наклонилась к ней, огромная и косматая, быстро схватила детеныша, оторвала его от матери и исчезла в кустах, как тень. Это произошло так быстро и неожиданно, что мать не успела защитить своего детеныша и прыгнула только тогда, когда огромная пома уже убежала.

С душераздирающим воплем пома кинулась сквозь кусты, настигла похитительницу и бросилась на нее, но борьба была очень короткой. Огромная пома зарычала, схватила пому свободной передней лапой, подбросила ее в воздух и отшвырнула далеко от себя. Пома упала полумертвая, со сломанным плечом и разодранной рукой.

Ближайшие чунги, услышав отчаянный вопль матери, оставили тама и пустились в направлении вопля.

— У-а-кха! У-а-кха! — закричали они разом, думая, что на нее напал хищник.

Они нашли выпрямленную пому, лежавшую раненой в кустах, и увидели огромную фигуру похитительницы, исчезавшей в чаще. Тонкий, беспомощный писк похищенного детеныша указывал направление ее бегства.

Поняв, что случилось, испуганные, ошеломленные чунги заревели еще громче:

— У-а-кха! У-а-кха!

На этот призыв о помощи прибежало еще много чунгов, прибежали и Смелый с Безволосым, и все вместе кинулись в погоню за похитительницей. Но той уже и след простыл, не слышно было и писка маленького чунга.

Так детеныш был украден огромными чунгами, а его мать, очнувшись, жалобно завыла, и этот вой раздавался в лесу еще много дней.

Сначала после похищения детеныша выпрямленные чунги были только потрясены и озадачены. Испуганные силой огромных чунгов, они не

смели вступать в борьбу с ними. Так прошло довольно много времени, и большинство чунгов постепенно забыло о случившемся. Только никакое семейство с детенышами не решалось отделяться от стаи.

Но вот огромные чунги украли еще двух детенышей, а одна помамать, бросившаяся отнимать свое дитя, была убита на месте. И тогда выпрямленные чунги серьезно испугались.

Охваченные яростью и гневом, они начали собираться вместе: нужно было покарать похитителей детенышей, нужно было выгнать их из леса! Иначе выпрямленные чунги останутся без потомства и исчезнут с лица земли...

Смелый, беспокоясь за двух детенышей, родившихся у Бурой, начал бить себя кулаками в грудь и воинственно кричать:

— У-а-кха! У-а-кха!

— У-а-кха! У-а-кха! — заревели и другие крупные самцы-чунги, тоже ударяя себя кулаками в грудь. Потом Смелый забрался на очень высокое дерево, а на другое дерево полез Безволосый, и оба громко протяжно заревели:

— У-а-кха-кха-а! У-а-кха-кха-а!..

Чунг за чунгом, стая за стаей откликались им, и вскоре весь лес загудел от этих протяжных, повторяющихся, словно эхо, криков.

— У-а-кха-кха! У-а-кха-кха-а! — слышалось отовсюду, и чунги начали собираться вместе; все они держали в руках толстые сучья и острые камни и все в один голос повторяли:

— У-а-кха! У-а-кха! У-а-кха!

Тогда Смелый вышел перед всеми и замахал своей заостренной веткой, словно пронзая животное, а потом начал подкрадываться, втянув голову в плечи и разинув пасть. Вдруг он кинулся к Бурой, державшей двух детенышей-близнецов, схватил одного детеныша и побежал с ним. Бурая, не разобрав, что хочет сделать Смелый, с яростным криком кинулась за ним. Но Смелый, сделав столько прыжков, сколько пальцев было у него на руках, вернулся бегом и отдал детеныша Бурой. Потом он опять стал красться, нагнувшись, разинув пасть, подражая реву огромных чунгов:

— Ху-кхвуа! Ху-кхвуа! Ху-кхвуа!

— Ху-кхвуа! Ху-кхвуа! — повторили чунги, а Смелый снова ударил себя в грудь и взмахнул веткой. Потом он двинулся вперед, а за ним и остальные взрослые чунги, твердо решившие прогнать огромных далеко от себя. Они вступили в лес цепью, которая разрывалась, проходя между очень густыми стволами, а потом опять соединялась. Теперь уже никто не боялся огромных других чунгов: своих было столько, сколько никогда раньше не бывало, и все держали сучья и камни; а эти другие чунги жили и передвигались маленькими группами, и ни у кого не было ни сучьев, ни камней.

Многие звери, испугавшись их криков, побежали куда глаза глядят, ибо никто из зверей еще не видел так много чунгов сразу. Побежали и грау, и мут, и мо-ка, и даже хо-хо, а дже и рок убегали так, словно в лесу вспыхнул пожар.

А цепь выпрямленных чунгов углублялась в лес, громко ревя:

— Ху-кхвуа! Ху-кхвуа!

Сначала огромные чунги, разбросанные маленькими группами, тоже испугались этого небывалого дружного рева. Но увидев, что ревут выпрямленные чунги, которые гораздо слабее их, они предостерегающе и пренебрежительно заворчали. Они даже не полезли на деревья. Так группа, состоявшая из одного чунга, двух пом и двух подростков, подпустила к себе цепь выпрямленных чунгов совсем близко и лишь тогда, сменив любопытство на своих косматых мордах гримасой ярости и угрозы, начала громко реветь и бить себя кулаками в грудь.

Некоторые из выпрямленных чунгов испугались, но бóльшая их часть, почерпнув смелость и

отвагу в собственной численности, тоже яростно и воинственно заревела. Громче всех ревели Смелый и Безволосый. Потом, словно уговорившись, они одновременно метнули в переднего огромного чунга по заостренному суку. Оба вонзились огромному чунгу прямо в грудь, он страшно заревел и упал. Остальные выпрямленные чунги тоже стали швырять камни и сучья в огромных, и одни из огромных падали и умирали, а другие побежали.

В других местах леса другие большие стаи выпрямленных чунгов тоже нападали на маленькие группы огромных и убивали их камнями и ветками. Но и огромные чунги растерзали немало выпрямленных. Однако выпрямленные нападали помногу сразу, а их ветки пронзали врагов издали, это приводило огромных в смятение, так что в конце концов все они убежали и больше не вернулись в лес. Так выпрямленные чунги очистили лес от страшных других чунгов, от похитителей их детенышей, и им стало еще яснее, что они сильнее даже самых сильных животных, если действуют дружно и живут помногу вместе. Поэтому они собрались в еще бо́льшие стаи, а ночью устраивали себе логовища бок о бок, как делали во время бегства с севера на юг.

МОЛОДАЯ ПОМА

Время шло. Молоденькая пома выросла, догнала ростом свою мать и даже обогнала ее. Правда, грудь у нее была не такая широкая, да и шерсть не такая густая, туловище и ляжки у нее были почти голые. Также и кожа на лице была не такая красная и несколько глаже. Зато Молодая пома ходила гораздо прямее Бурой, была легче и гибче, да и сложена гораздо стройнее старших.

Так как она всегда ходила выпрямившись, то ладони на задних лапах у нее стали совсем похожими на ступни, а большие пальцы не оттопыривались от остальных. Она уже почти не могла хватать что-нибудь пальцами задних лап и, видя, как ловко пользуются ими некоторые из старых чунгов, считала это своим недостатком. Старые чунги, например, могли даже прочищать себе шерсть пальцами задних лап, а Молодая пома не могла схватить ни веточки. Она удивлялась этому. Но она не знала, что обязана всем этим понемногу и Старой поме, и Большому чунгу, и Бурой, и Смелому. Каждый из них, попадая в новые условия жизни, приспосабливался к ним и передавал ей часть тех изменений, которым подвергся сам. Кроме того, она и сама продолжала меняться в новых условиях жизни.

Если, например, грудь у нее была не такая широкая, а руки не такие длинные, то это потому, что она почти не лазала по деревьям; если сложение у нее было стройное, то это потому, что она ела больше мяса; если пальцы на задних лапах стали у нее негибкими, то это потому, что она ими не пользовалась. Зато на руках у нее пальцы стали такими хваткими, что с нею не мог сравниться никто из старших чунгов, даже Смелый и Бурая. Никто из них не мог так быстро и ловко оборвать млечные стебли га-ли, очистить луковицы от прилипшей к ним земли, обломать сочные побеги на верхних ветках кустов, собрать в кустах мелкие, но очень вкусные ярко-красные ягоды. Сопровождая Смелого и Бурую, пома научилась поразительно точно проделывать все, что делали они, а Смелый и Бурая делали все ловчее и искуснее, чем кто бы то ни было в большой стае. Позже, подрастая, она стала превышать ловкостью даже Смелого и Бурую и гораздо метче их попадала веткой или камнем в животных или в плоды, которых не могла достать никаким другим способом.

Сначала, по примеру всех прочих чунгов, Молодая пома счищала кору с сочных стеблей га-ли зубами. Но однажды она ободрала стебель прямо пальцами; увидев это, другие чунги тоже стали обдирать их пальцами. И как она сама в детстве во всем подражала Смелому и Бурой, так и сейчас другие детеныши стали подражать ей и учиться всему у нее. Подражали ей не только детеныши, но и взрослые чунги, когда

то, что она делала, казалось им любопытным и привлекало их внимание.

Молодая пома еще в детстве выказывала большую сообразительность. Все новое, что она видела, слышала или делала, присоединялось к уже полученным навыкам и опыту, и это еще больше обостряло ее сообразительность. Ее внимание всегда было привлечено чем-нибудь новым, увиденным впервые. Длинное вьющееся растение, запутавшееся у нее в ногах, пестрое перо, выпавшее у какого-нибудь кри-ри, осколок костяной скорлупы та-ма, высохшая, выбеленная дождем звериная кость—все это становилось для нее предметом внимания и любопытства.

Услышав рев или визг какого-нибудь животного, она всегда начинала подражать ему. Услышав чириканье сладкоголосого кри-ри, начинала чирикать, как он. Конечно, не совсем как он, ибо никакой чунг, никакое другое животное не может в точности подражать песням пестрых сладкоголосых кри-ри. Но ей казалось, что она подражает им в точности, и она радовалась этому и подражала еще усерднее. В таких случаях она поднимала голову к густым ветвям, пронизывала их взглядом и старалась увидеть маленького пестрого сладкоголосого певца; а увидев, быстро карабкалась на дерево и недовольно скулила, так как не могла поймать его.

Однажды она нашла половинку пустой ореховой скорлупы, неизвестно как застрявшую в нижних ветвях дерева и полную дождевой воды. Пытаясь понять, как вода удержалась в скорлупе, она подняла ее и невольно облила себе лицо и грудь. Это купание ей понравилось, и она стала искать другие такие скорлупки с водой; но, не найдя, присела у ручья, встретившегося ей на пути, зачерпнула воды ладонями и плеснула себе на лицо и грудь. Она знала, что все чунги пьют воду, зачерпывая ее руками, но ни разу не видела, чтобы чунг плескал воду себе в лицо. Впервые это сделала Молодая пома, и не только плеснула на себя, но и провела себе ладонью по мокрому телу, захихикав от удовольствия.

В другой раз с нею случилось нечто еще более интересное. Наклонившись над ямкой с чистой, прозрачной водой, чтобы зачерпнуть ее ладонью и напиться, Молодая пома вдруг отпрянула и изумленно воскликнула:

— А-ха-кхва-а!

Она увидела в воде маленького чунга, и его внезапное появление ошеломило ее. Пригнувшись, оскалив зубы, готовая схватиться с этим маленьким чунгом, если он окажется забиякой, она стала ждать, когда он выскочит из ямки. Вода оставалась все такой же спокойной, с совсем гладкой поверхностью. В глубине родника отражались темные ветки окружающих кустов, между ними виднелись светлые пятнышки небесной синевы, но маленький чунг скрылся и не появлялся больше. Тогда

пома снова осторожно, нерешительно подползла к роднику, снова наклонилась к воде и...

Вот оно! Маленький чунг опять появился! Появился медленно, высунувшись осторожно и нерешительно, как и она сама, и так же, как и она, смотрел пристально, оскалив зубы. И лицо у него было, как у нее: и низкий лоб, и густые волосы, и ростом он был с нее, и какое бы движение она ни сделала, это же движение повторял и этот странный маленький чунг.

Удивляясь, робея, крайне насторожившись, Молодая пома начала медленно пятиться, не спуская с него глаз. Но маленький чунг в роднике тоже попятился. Любопытная пома тревожно наклонилась к роднику. Маленький чунг показался совсем близко от нее. Она зарычала на него, он на нее тоже. Пома протянула к нему руку, он к ней тоже. Думая, что маленький чунг нарочно спрятался в роднике, чтобы подразнить ее, или что он хочет поиграть с нею, она наклонилась еще ниже и стала внимательно, с любопытством разглядывать его. Потом, чтобы маленький чунг не успел опередить ее и схватить первым, она мгновенно погрузила руку в воду, воинственно вскричав:

— Ха-ка-ка! Ха-ка-ка!

Но пальцы у нее остались пустыми, а зеркальная поверхность воды задвигалась, заволновалась, а маленький чунг снова исчез. Несомненно, он был быстрее и ловчее, чем она, и спрятался раньше, чем она успела его схватить. Она присела у родника и стала ждать. Вода начала успокаиваться, и вот маленький чунг опять появился. Сначала он быстро бегал туда-сюда, и она едва успевала различить его, потом начал делать ей гримасы. Потом стал совсем ясным и почти прикасался к ее носу. Молодая пома снова сунула руку, чтобы схватить его, и опять не успела.

Это рассердило ее, и она решила во что бы то ни стало поймать этого хитрого ловкого маленького чунга. Поэтому она прибегла к хитрости — захихикала и стала медленно, едва заметно приближать к нему руку. Маленький чунг тоже захихикал и стал медленно протягивать к ней руку. Когда на поверхности воды их пальцы соприкоснулись, пома вдруг схватила протянутую к ней руку. Но и на этот раз ничего, совсем ничего, кроме воды... Маленький чунг куда-то исчез.

Еще много раз пыталась Молодая пома поймать этого хитрого маленького чунга хоть за палец, но это ей не удавалось. Изумившись, она уже готова была завизжать от досады и гнева, как вдруг заметила, что это — Молодая пома, совсем, как она сама, и тельце у нее голое, и ляжки не очень косматые. Вдруг странная догадка блеснула у нее в сознании: это вода, как и всякая вода, и родник, как всякий родник, и в этом роднике нет никакого неба, никаких веток, а они просто отражаются в воде!.. Да, это что-то вроде тени, которую отбрасывает всякий чунг, когда на него светит белое светило!

— Ха-ка-ка! Ха-ка-ка! — закричала пома, радуясь этой чудесной догадке.

Ее сердито-радостный крик привлек к роднику и других детенышей чунгов. Желая поделиться с ними своей новой догадкой, она указала растопыренными пальцами на свое отражение в воде и закричала:

— Ак-бу-бу-бу! Ак-бу-бу-бу!

Окружив ее и свесив головы над водой, остальные детеныши вытаращили глаза на других маленьких чунгов, видневшихся на дне родника, и тоже закричали:

— Ак-бу-бу-бу! Ак-бу-бу-бу!

Молодая пома еще продолжала жить с семейством Смелого и Бурой, так как для нее не пришло время устраивать собственную семью. Маленькие чунги-близнецы уже подросли и стали такими же резвыми, какой она была в их возрасте. У обоих туловища и ляжки были безволосыми, как у нее. Это новое отличие от других старших чунгов невольно привязывало Молодую пому к малышам, и она испытывала к ним более теплые, сердечные чувства; и это смутное, неосознанное ощущение кровного родства заставляло ее охранять и защищать их.

Но вот настало время и для нее. И как когда-то ее бабка — Старая пома, а потом ее мать — Бурая, Молодая пома стала неспокойной. Начала ворчать, озираться, внюхиваться, ощущала какой-то особенный трепет. Этот трепет скользил по всей ее коже, переходил на голову, так что волосы у нее топорщились, а потом словно таял у нее в груди, и оттого ей становилось приятно. Недоумевающая, встревоженная, неспокойная, но в то же время как-то особенно обрадованная этими новыми ощущениями, она стала сторониться других чунгов, сделалась раз-

дражительной, а игры и возня чунгов-близнецов стали для нее нестерпимыми.

Однажды она ушла в чащу совсем одна и на этот раз шла совсем не так, как всегда, — не настораживая ни слуха, ни зрения. Словно в лесу не было сильных, опасных зверей, словно ветви деревьев не гнулись от плодов, словно в траве и кустах не шуршали пасущиеся та-ма. В переплетающихся ветвях сочно-зеленых густых деревьев порхали и пели кри-ри, сквозь листву пробивались золотистые, трепещущие лучи белого светила. Молодая пома шла под деревьями, и взгляд у нее был рассеянный и лихорадочный. Порой, когда на лицо ей падал яркий луч, она останавливалась и зажмуривалась. Все казалось ей новым и приятным, но тревожно-приятным. «Ку-ку», — томно звал один сладкоголосый кри-ри, а другие спешили обогнать его звонким радостным чириканьем: «Чу-ру-лик! Чу-ру-лик!»

В восторге, впервые озарившем ее сознание, Молодая пома остановилась, прислушалась, а потом вытянула губы и сама невольно издала тот же звук:

— Ку-ку! Ку-ку!

С вершины большого дерева, под которым она стояла, слетел маленький пестрый кри-ри, сел на веточку над самой ее головой и защебетал, словно поддразнивая:

— Чу-ру-лик! Чу-ру-лик!

— Тшу-у-ик! Тшу-у-ик! — повторила в свою очередь Молодая пома и почувствовала, как все это чудесно и красиво. Она стала искать глазами скрывшегося в листве кри-ри, но вдруг ее охватило нестерпимое чувство тоски и одиночества. Она испустила особенный, трепетный зов, какого не издавала еще ни разу и даже не знала, что может издать. Словно кто-то другой заставил ее вскрикнуть, и теперь она сама удивлялась тому, что сделала.

Зов ее эхом отдался в лесу, и на миг она прислушалась, словно ожидая ответа. Получит ли она ответ, она не знала, но ощущала всей кровью, что получит, должна получить.

И ответ пришел. Молодые чунги-самцы, услышав ее мелодичный зов, сами отозвались еще издали и быстро собрались вокруг нее. Все они были сильные и смелые, все очень ловкие. Одни были более косматы, другие менее. С кипящей от неведомой силы кровью они стискивали сучья в руках крепко, как не делали никогда, даже при встречах с грау и мо-ка.

Молодая пома, спрятавшись за стволом дерева, окинула молодых чунгов оценивающим взглядом, и невольно ее внимание остановилось на Безволосом. Он стоял прямее других и ростом превышал всех, а туловище и ноги у него были почти такие же голые, как у нее. Это больше всего понравилось Молодой поме, и она смотрела только на него.

Безволосый понял по ее взгляду, что она предпочла его остальным чунгам. Он сделал несколько шагов вперед, затряс головой, глаза у него засверкали. Подчиняясь закону, которого чунги не сознавали, но который управлял ими испокон веков, он должен был сразиться с другими чунгами. Он вызывающе заревел, отшвырнул сук, который держал в руке, ударил себя в грудь в знак того, что вызывает остальных на единоборство.

Ударили себя в грудь и другие молодые чунги. Первым против Безволосого вышел косматый молодой чунг, такой же большой и сильный, а в плечах даже шире.

Безволосый и Косматый встали друг перед другом, взъерошившись, яростно сверкая глазами, ревели и глядели друг на друга и каждый ожидал, что другой испугается и отступит. Но так как ни тот, ни другой не испугался, то оба кинулись друг на друга, и бой начался. Они боролись, кусались, царапались, и яростный рев их показывал, что они будут биться до победы. Но оба знали, что нужно не убивать, а только решать, кто сильнее, кого выберет Молодая пома. И потому, как бы яростно они ни сражались, никто не стремился загрызть другого. Они

только кусались и царапались, сплетались руками, падали, снова вставали и снова накидывались друг на друга — искусанные, исцарапанные, окровавленные. Казалось, что силы у обоих равны, но Косматый не был таким быстрым и ловким, да и на задних лапах стоял не так прочно, и потому часто падал. Постепенно от нападения он перешел к защите, а потом и побежал, заменив яростный рев укрощенным ворчанием. Это ворчание означало, что он признает себя слабейшим и уступает Безволосому.

Сражаться за Молодую пому вышли еще двое молодых чунгов, но один из них убежал, едва только Безволосый схватил его, а другой не стал даже ожидать битвы и сразу же отступил и примирительно заворчал. Тогда Молодая пома, начиная незапамятно старую, но вечно новую любовную игру, которой подчинялись и Большой чунг, и Старая пома, и Смелый, и Бурая, и все прочие чунги, побежала в чащу леса. Безволосый пустился за нею в погоню и настиг. Но он не пытался поймать ее, а ждал, чтобы она снова побежала и чтобы он опять мог настичь и обогнать ее. И Молодая пома побежала, а Безволосый снова настиг и обогнал ее.

Почему они делали так — они сами не знали. Оба только чувствовали, что так и должно быть, и оба с одинаковой готовностью и удовольствием продолжали игру. Молодая пома побежала в третий раз и при этом взобралась на упавший ствол огромного широковетвистого дерева. Безволосый взобрался вслед за нею, но прежде чем он успел нагнать ее, она перепрыгнула на другое дерево, потом спустилась по ветке на землю и спряталась в густом кустарнике. Безволосый потерял ее из виду и начал искать. Молодая пома, притаившись в кустах, украдкой следила за ним. Когда же Безволосый стал издавать тревожные звуки, она выскочила из кустов и снова побежала, а Безволосый снова погнался за ней. Так они добежали до широкой реки, наклонились к ее чистой спокойной воде и стали разглядывать себя.

Долго созерцали они отражения, которые трепетали и играли в воде, и на душе у них было спокойно, счастливо, хорошо. В водах реки отражались и высокие дерьвя, и яркое синее небо, а вокруг повсюду было тихо, тепло и солнечно. Только с высоты доносился голос скрытого в ветвях кри-ри: «Ку-ку! Ку-ку!»

Молодая пома, счастливо прильнув к Безволосу, приподняла голову, прислушалась к кукованию и повторила:

— Ку-ку! Ку-ку!

Безволосый, смотревший в рот Молодой поме, удивился этому подражанию, тоже поднял голову и прокуковал:

— Ку-ку! Ку-ку!

Другой кри-ри рассыпал хрупкое звонкое чириканье: «Чу-ру-лик! Чу-ру-лик!»

— Тшу-у-ик! Тшу-у-ик! — повторила за ним Молодая пома.

— Тшу-у-ик! Тшу-у-ик! — попытался повторить и Безволосый. Он не мог сделать это так же искусно, как Молодая пома, а потому повторил и в третий раз. А когда ему показалось, что он сделал точно так же, как и она, он радостно посмотрел на нее, и его глубокий, осмысленный взгляд говорил: «Ты слышала? Я тоже умею так... Умею точно так же, как и ты...»

ПЕЩЕРНЫЕ ЖИЛИЩА

Большая группа чунгов продолжала блуждать по лесу, и все они были довольны. Огромные другие чунги были изгнаны; и даже грау и мо-ка встречались редко, и лишь время от времени какой-нибудь чунг становился жертвой их кровожадности. Кроме множества плодов на ветвях, кроме млечных стеблей и верхних побегов кустарника, в лесу было много вкусных та-ма. Были и другие животные, которых чунги ловили и убивали без труда, так что мяса у них всегда бывало вдоволь.

Но с некоторого времени белое светило словно перестало греть с прежней силой, и ночи стали словно холоднее. Вместе с этим многие листья на деревьях стали изменять свой цвет и опадать. Некоторые получили цвет бурого мо-ка, другие — рыжего дже, третьи стали пестрыми, как шкура гри. Лес постепенно начал оголяться, земля покрылась опавшими листьями, а когда чунги шли по ним, они тихо, приятно шелестели.

Кто изменял цвет леса и срывал листья с деревьев — чунги не знали. Сначала они даже не обратили на это внимания — так постепенно и незаметно совершалась эта перемена. Лишь когда почти весь лес потерял свою густую зелень, когда некоторые деревья остались совсем без листьев, они изумленно завертели головами во все стороны: плодов больше не было, цветов тоже, верхние побеги и сочные стебли на кустах стали твердыми, а гнезда кри-ри опустели. Правда, еды оставалось еще достаточно, хотя приходилось обходить бо́льшие пространства. Хуже всего было то, что небо начало сердиться все чаще. И теперь оно не гремело и не швыряло огонь, но плакало подолгу. Иногда оно плакало от рассвета до темноты, и сколько бы чунги ни закрывали себе головы и плечи пожелтевшей травой и опавшими листьями, дождь просачивался, и они были совсем мокрыми. Это заставило их искать сухого приюта даже днем. Сначала они укрывались в больших дуплах и под искривленными стволами столетних упавших деревьев, толщиной с двух и еще двух чунгов. Потом они попали в местность со скалами и пещерами и, вспомнив о том, как некогда прятались в пещерах, догадались, что пещеры и сейчас смогут защитить их от дождя и от ночного холода.

Но сколько они ни бродили, им не удавалось найти такую большую пещеру, чтобы укрыть всю большую стаю, и потому они невольно раз-

бились на меньшие группы. Смелый с Бурой, с двумя маленькими близнецами, Молодая пома с Безволосым, еще один чунг с двумя помами и один очень старый чунг остались вместе. Конечно, группа была небольшая, но все же их было достаточно, чтобы прогнать и убить любого сильного, свирепого хищника.

В некоторых пещерах оказались виг, и-вод, хе-ни, и их нужно было прогнать. Это чунгам было легко, так как они собирались вместе по нескольку маленьких групп и нападали дружно. Большинство хищников разбежалось, но были и такие, у которых в пещерах находились детеныши, и с такими приходилось сражаться. Так, у входа в одну пещеру одного чунга разорвал виг, а первого, кто вошел в пещеру, растерзала самка вига. Но в конце концов оба вига были убиты, и чунги завладели их пещерой.

В той пещере, куда попала группа Смелого, нашлось место для всех и еще для стольких же. Высоко над головами в каменном массиве была трещина, через которую падал свет, призрачно освещавший пещеру. Огромное вековое дерево с высохшей, выгнившей сердцевиной, выросшее среди скал над пещерой, спускало в расщелину длинные корни. Смутный свет позволял увидеть следы живших в пещере хищников и разбросанные кости съеденных ими животных; а при свете, попадавшем из устья, чунги заметили, что в одном месте из стены пещеры со-

чится вода, стекая вниз и образуя у стены лужу, так что они отошли к другой стене.

Привыкнув устраивать себе логовища и устилать их листьями, чунги разбрелись вокруг пещеры, чтобы собирать листья и носить их внутрь. Всякий набрал столько листьев, сколько помещалось в руках, или, прижимая их к груди, относил в пещеру и возвращался за новой охапкой. Двое чунгов-близнецов, по примеру старших, тоже носили в руках по пригоршне листьев. Но чаще всего они затевали игру с чем-нибудь другим и рассыпали свои листья.

Молодая пома нашла на земле гнездо кри-ри. Гнездо было большое, сделано из тонких веточек и пуха и наполнено листьями. Она подумала, что там есть яйца или детеныши кри-ри, и быстро разрыла и разбросала сухие листья; потом, недовольная, вытащила гнездо из куста, оглядела со всех сторон и отбросила. Близнецы тотчас же подбежали и стали играть им. Большое глубокое гнездо было для них новинкой; и в своей игре они начали насыпать в него опавшие листья. Наполнили его, потом разбросали листья и снова начали наполнять, визжа от удовольствия.

Молодая пома увидела их игру, и глаза у нее округлились. Она вдруг кинулась, схватила гнездо, наполнила его листьями и бегом бросилась с ним в пещеру. Оба малыша побежали вслед за нею, плаксиво визжа, но она не обратила на них внимания: вбежала в пещеру, высыпала листья и выбежала снова. Гнездо за один раз заменяло множество охапок, и она сразу же принесла в нем столько листьев, сколько не могли принести в пригоршнях все чунги вместе.

Еще никто из чунгов не догадывался использовать скорлупу плода или панцирь та-ма, чтобы складывать в них ягоды или зачерпывать воду и нести ее в другое место. Поэтому все чунги следили глазами за Молодой помой, удивленно мигали, шевелили губами, но никак не могли понять, в чем дело. А когда поняли, то радостно закричали и кинулись к ней: каждый хотел взять гнездо себе, чтобы носить по многу листьев сразу.

Произошла драка, при которой гнездо оказалось совсем растрепанным, и в руках у чунгов остались только рассыпанные веточки.

Молодая пома первой начала искать другое гнездо, а за ней начали и другие. Вскоре у всех в руках было по гнезду, в котором они носили листья в пещеру. Они все время путешествовали от леса к пещере и от пещеры к горе, издавая различные звуки, которыми выражали свое удивление и радость оттого, что догадались переносить листья в гнездах кри-ри. Нет, ни у какого животного не было такого ума и сообразительности; и, положительно, чунги стали чем-то другим, чем-то бо́льшим, нежели животными...

Довольные и радостные, чунги спали в эту ночь на сухом и мягком. Утром, выходя из пещеры, они понесли с собою и гнезда, хотя никто из

них не знал, на что еще их можно употребить. Но эти первые сосуды так удивляли их, что они носили их с собою целый день, несмотря на доставляемые ими неудобства, и с гнездами же вернулись вечером в пещеру.

И в эту ночь, как и в предыдущую, трое чунгов и старик легли у входа в пещеру, а помы и детеныши — в глубине. И все четверо сжимали в руках острые сучья, так как на них могли внезапно напасть гри, и-вод, мо-ка или виг.

Но ночью поднялась сильная буря, а вместе с нею словно какой-то страшный зверь вскочил в пещеру, наполнив ее вдруг ревом и визгом. Испуганные неожиданностью, чунги вскочили и сбились в темноте кучкой, а повсюду вокруг них носились такие странные звуки, которые нельзя было назвать ни ревом, ни воем, ни визгом. Таких звуков не издавало никакое известное им животное, да и сами чунги не могли их издавать.

Чунги стискивали сучья в руках и вглядывались в темноту, силясь увидеть тень животного, издающего эти странные, необычайные звуки. Было очень темно, они ничего не видели и не могли определить, где именно стоит это животное, так как звуки доносились отовсюду: и сверху, и с одной стороны, и с другой стороны, и из непроглядных углов пещеры.

Не видя зверя, который так необычайно ревел, завывал и визжал, чунги испугались так, как если бы это был сам грау. Маленькие близнецы, прижав-

шись к Бурой, тихо прерывисто скулили. Старый чунг пригнул голову и весь дрожал, а остальные чунги и помы только рычали и сбивались во все более плотную кучку, чтобы ощущать присутствие друг друга.

Хотя они не знали, что это за зверь, но скудное воображение рисовало им его, как грау, со множеством больших желтых глаз, со множеством крупных зубов, со страшно раскрытой пастью. Они представляли себе, как блестят у него глаза, как он готовится прыгнуть на них. А так как яростные звуки раздавались в пещере со всех сторон, то им представилось, что во всех закоулках пещеры появились и грау, и и-вод, и мо-ка, и виг, что все они блестят на них глазами, ревут, воют, визжат и скулят, подкрадываются отовсюду и подползают все ближе и ближе... Нет, такого сильного ужаса чунги никогда еще не переживали при встречах с хищниками, даже когда те терзали их... Ибо всех этих хищников они видели, и страх перед ними был всегда конкретным.

Оставшуюся часть ночи чунги провели, сбившись в кучку и трепеща от неизведанного еще ужаса, а когда рассвело и в пещере посветлело, то они не увидели в ней никаких зверей и успокоились. Правда, странные звуки и визг продолжали раздаваться вокруг, но при свете они были уже не такими страшными.

В этот день чунги почти не выходили из пещеры. Ветер снаружи усилился, да еще и небо расплакалось ледяными, причинявшими боль слезами. Так чунги провели этот день — голодные, дрожа от резкого сквозняка, ожидая, что буря утихнет и небо прояснится.

Но буря продолжалась и ночью, а на второй день усилилась настолько, что стала ломать и вырывать с корнями большие деревья. Снаружи раздавался гул и грохот, а один раз по пещере словно разнеслись громовые раскаты. После этого внутри вдруг потемнело, пугающий вой в трещине скалы прекратился, и в пещере стало как-то тихо.

Не понимая, почему вдруг стало тихо и сквозняк прекратился, чунги невольно подняли глаза к трещине в скале. Но там уже не было никакого просвета — трещины в скале не было. Обрадовавшись, что не слышат больше этого страшного воя и что на них не дует, они успокоились, вздохнули свободно и стали ожидать, когда утихнет буря снаружи.

Наконец буря утихла, и голодные чунги выскочили из пещеры и кинулись к ближайшим кустам и деревьям. До темноты оставалось мало времени, и они не посмели отойти от пещеры далеко, довольствуясь лишь верхними побегами и кореньями кустов. Бурая нашла несколько перезрелых плодов, оставшихся на полуоголенных ветвях невысокого дерева, и сбила их длинной веткой, но не съела сама, не позволила съесть и другим взрослым чунгам, а отдала близнецам.

Бродя вокруг пещеры, чунги забрались на скалу над нею. Огромное, прогнившее изнутри дерево, вырванное бурей с корнями, лежало теперь как раз на трещине. Падая, оно увлекло с собою множество мелких

камней, земли и хвороста, и, если бы чунги раньше не видели трещины, они и не знали бы, что она там была. Огромное дерево вместе с грудой хвороста заполнило ее до краев.

Смелый, Безволосый и Молодая пома поняли, что произошло, почему в пещере перестало дуть. Смелый и Бурая вспомнили, как при бегстве с севера на юг они складывали кучки камней для защиты не только от свирепых зверей, но и от ветра. Рассматривая засыпанную трещину, они догадались, что если бы буря не повалила дерева и если бы оно не упало на трещину, то в пещере до сих пор продувало бы сильным ветром.

После бури погода опять стала хорошей. Небо оставалось ясным еще много дней, а белое светило грело с утра до вечера. Правда, его лучи уже не были такими жаркими, но с каким удовольствием чунги усаживались на припеке, как сладко урчали и жмурились под теплыми лучами!

А листья продолжали падать. От начавшейся засухи трава совсем съежилась и пожелтела. Не было больше ни мясистых плодов, ни сочных побегов, и чунги опять начали выкапывать коренья и луковицы. Они теперь ели все, что только могли найти, но сытнее всего для них было мясо. Поэтому они опять прибегали к прежней хитрости, чтобы подманивать и убивать животных. Смелый и Безволосый научились потихоньку находить логовища зверей, а остальные чунги окружали найденное логовище и начинали реветь, убивая выскочившее животное ветками. Так однажды они убили гри в его логовище, убили и детенышей, которые там были, и тогда много семейств чунгов собралось вместе, чтобы съесть их.

Но несмотря на уменьшение пищи чунги не решались покинуть пещеру. Ночи становились все холоднее, а в пещере было так тепло, сухо и тихо, что они каждый вечер возвращались туда ночевать. Правда, иногда их пугал какой-нибудь мо-ка или виг, забравшийся в пещеру, пока их не было. Но чунги научились убивать их так искусно, что лишь изредка кому-нибудь из них случалось пострадать при этом.

Группа Смелого тоже постоянно ночевала в пещере. Внутри не дуло, не было и пугающего воя в трещине наверху. Над самой пещерой место было ровное и солнечное; насытившись, они грелись там, а детеныши играли. Упавшее на трещину старое дерево было совсем пустое внутри, и двое близнецов любили забираться в большое дупло в нем. Под растрескавшейся корой был тонкий слой древесины, по которому текли соки, питая все еще живые, но очень искривленные и изломанные бурями нижние ветки. Со временем, однако, высохла и эта сырая древесина Маленькие близнецы, по примеру взрослых, носили с собою камни и ветки и учились выкапывать ими коренья и луковицы, а играя, стукали по дереву и все время ковыряли на нем кору. Это было для них не только забавой, но и большой радостью, так как они что-то делали, да

и пустотелое дерево при ударе издавало интересный, приятный звук. «Кух-кух-кух», — словно говорило оно каждый раз, когда они ударяли камнем по его высохшей древесине.

— Кух-кух-кух, — научились повторять и они и при этом визжали от удовольствия.

Солнечное место над пещерой и пустотелый ствол стали у них любимым местом для игры; и как только становилось светло и взрослые чунги выходили из пещеры, они тотчас же кидались к дереву. А если один из них задерживался с чем-нибудь, другой торопил его.

— Кух-кух-кух! — кричал он, словно сообщая о своем намерении. Другой тотчас же понимал его и тоже начинал выкрикивать:

— Кух-кух-кух!

...И ОНИ ВСЕ ВМЕСТЕ ПЕРЕТАЩИЛИ ОГРОМНОЕ ДЕРЕВО...

Засуха продолжалась. Последние зеленые деревья и кусты сбросили листву, а трава совсем высохла. Некоторые кусты начали засыхать даже от корня.

Животным, питавшимся травой и листьями, нечего было есть, и многие из них ушли далеко-далеко. Вслед за ними ушли и многие из животных, питавшихся мясом, потому что им тоже стало нечего есть.

Главной пищей чунгов стали опять коренья и луковицы; и за это время они очень наловчились раскапывать землю. Научились они также подбирать такие длинные, острые камни, которые было бы удобнее держать. Однажды Безволосый нашел какой-то сильно блестящий камень. Блеск камня, как и все новое, вызвал в нем большое любопытство, и он стал вертеть его в пальцах, разглядывать, пыхтя от удивления. Камень был некрупный, но гораздо тяжелее других камней такого же размера и холоднее их. Держать его было не совсем удобно, но его необычайный блеск так понравился Безволосому, что тот не выбросил его, а начал подкапывать им корень о-ра. Почва около куста была каменистая, сухая, плотная, а среди высохшей, рассыпающейся пылью травы попадалось много твердых красноватых камней. Во время копки блестящий камень ударился об один из этих красноватых камней, и от удара сверкнули роем искры. Они полетели в разные стороны и исчезли так же мгновенно, как и появились.

Неожиданность так испугала Безволосого, что он зарычал, отскочил назад и выпустил камень. Откуда появились эти огненные искры? Только небо может рождать огонь, чтобы сбросить его на землю...

Изумленный до крайности, Безволосый поднял голову и поглядел на небо. Но оно было высокое и чистое, и хотя белое светило скрылось

и кругом начинало уже смеркаться, на нем не было ни облачка. Нет, на этот раз огненные искры не упали сверху, никакого грома не было...

Безволосый опустил глаза к земле и присмотрелся. Камень лежал в траве, привлекая его своим необычайным блеском, но не испускал никаких искр. Не было искр и в сухой траве у корней о-ра...

Безволосый потянулся за камнем и взял его со страхом: а вдруг из него полетят искры? Он долго вертел камень в пальцах, а потом, снедаемый любопытством узнать, как появились искры, легонько ударил им. Никаких искр. Он ударил еще и еще раз, стукнул по красноватому камню, искры снова сверкнули, и он снова испуганно отскочил. Да, искры рождались только тогда, когда он ударял камнем о камень... Не только небо, но и камни могут рождать огонь?..

Расширив от удивления глаза, Безволосый начал стучать камнем о камень, и при каждом ударе вылетало больше или меньше искр. Он позабыл и о голоде и о луковицах о-ра; охваченный победным чувством, словно убил двух грау, он выпятил грудь и заревел:

— Ха-кха-кха-а! Ха-кха-кха-а!

Безволосый ревел в победной радости и безостановочно стукал, а искры вылетали, сверкали у него перед глазами, разлетались и исчезали... Он ловил глазами эти мгновенные, трепетные отблески огня, эту красивую игру искр, дивился чуду, впервые случившемуся с чунгом, и не мог нарадоваться.

Услышав его торжествующий рев, к нему сбежались и Смелый, и Бурая, и Молодая, и все остальные чунги в группе. Увидя, что он делает и как прямо из земли рождаются искры, они заревели — не только от изумления, но и от ужаса. Новое явление, необычайное и необъяснимое, совершенно ошеломило и поразило их: из-под пальцев у Безволосого вылетали искры, а он, вместо того чтобы убегать от них, вопил от радости и, словно похваляясь, что умеет делать огонь из ничего, все быстрее стучал камнем о камень. И в медленно опускающихся с неба звездных сумерках рожденные из камня искры вспыхивали, слетались, разлетались, исчезали... На их место вылетали другие, и каждая оставляла в сухой траве мгновенно гаснущую точку. Некоторые искры попадали даже Безволосому на пальцы и ладони, но ожог от них был такой слабый, что он даже не чувствовал их.

Вдруг из сухой травы перед ним показалась тонкая струйка синеватого дыма, затрепетали огненные язычки, послышался слабый треск и щелканье. Потом вся трава около куста сразу вспыхнула, огонь добежал до куста, поджег и его. Ошеломленные чунги отпрянули.

— У-у-у-у!.. — вскричали они в один голос, вытаращив глаза, не в силах опомниться от изумления. В сознании у них мелькнуло воспоминание о последнем пожаре в лесу, о найденных в пожарище печеных плодах и животных, о том, как они сами поддерживали огонь. Но в том

пожаре не было ничего странного и неясного: многие из них видели, как небо тогда бросило огонь на дерево, сначала ломало его, а потом подожгло. А сейчас куст был подожжен не небом, а искрами, вылетавшими из двух камней. Изумление перед этим необъяснимым явлением сковало их настолько, что никто не догадался поддержать вспыхнувший огонь. Но так как вокруг загоревшегося куста других деревьев не было, да и сухая трава была только около него, то огонь быстро погас и умер.

Долго после того Безволосый носил с собою этот тяжелый блестящий огненный камень и не однажды пробовал снова получить огонь. Но это ему больше не удавалось. Многие обыкновенные камни под ударами не рождали искр, а просто крошились. Искры вылетали всегда только из очень твердых камней, имевших красновато-желтый или красновато-бурый цвет и более острые, чем у других камней, ребра. Безволосый целыми днями забавлялся вылетающими искрами, жадно ожидая, что увидит в траве или опавших листьях струйку дыма или огненные язычки. Наконец все это ему надоело, надоело и другим чунгам, и он сердито зашвырнул тяжелый блестящий камень, который не только не мог больше сделать огонь, но и был неудобен для того, чтобы хватать и держать его.

Но в своих попытках снова сделать огонь чунги открыли, что одними камнями можно оббивать другие. Так они открыли кремень и начали употреблять для выкапывания луковиц только его, так как обломками кремня, которые они распознавали по цвету и по острым ребрам, копать землю было легче.

Листья с деревьев совсем осыпались, а ветки торчали теперь голые и унылые. В лесу больше не видно было никакой зелени. К тому же белое светило потеряло большую часть своего прежнего блеска, а ночи стали холоднее.

В пещере, где жила стая Смелого, было все же теплее, чем в других пещерах, так как трещина в скале была засыпана. Но однажды ночью налетела новая сильная буря, зашумела невидимыми крыльями, завыла и застонала у входа в пещеру и ворвалась внутрь с такой силой, что чунги невольно затрепетали от страха. Они еще не забыли ужаса, который испытывали, когда в расселине выл сильный ветер; и этот ужас снова охватил их. Особенно испугался старый чунг: ему трудно было следовать за остальными, он всегда отставал от них, а так как питался скудно и чем попало, то ослабел еще больше. Он заскулил и завыл совсем как ветер, а это еще больше испугало чунгов, и они сбились в кучу.

Страшная буря выла всю ночь, а на рассвете превратилась в настоящий ураган и вырвала старый ствол из расселины в скале. В пещеру ворвался резкий, пронизывающий ветер, послышались дикий вой и рев, словно там столпилась сотня грау.

«Фи-и-у-у!.. Фр-р-ра-а-ах!..» — шумел и выл ветер, подхватывая и целыми тучами кружа сухую листву в воздухе.

Чунги поняли, что кто-то отвалил толстый ствол от трещины и открыл ее. Они еще больше испугались — не столько налетевшего ветра, сколько того неизвестного страшного зверя, который смог отвалить дерево. К счастью, вскоре рассвело, да и буря утихла так же внезапно, как и налетела, и они стали успокаиваться. Они поглядели туда, где была трещина, и снова увидели в нее небо.

Смелый, а за ним и Безволосый вышли наружу, обошли пещеру и поднялись наверх. Оба увидели, что трещина в скале опять зияет. Старый ствол отбросило на расстояние прыжка от нее; и он запутался в густых жестких кустах и корневищах, переплетающихся вокруг трещины. И оба поняли, что впредь при всякой буре в пещере будет дуть, реветь и выть. Поняли, что если хотят, чтобы им не дуло, чтобы не было этого ужасного воя и визга, то трещину нужно закрыть.

Но ни тот, ни другой не могли догадаться, как это сделать. Отброшенное дерево было такое огромное, что, хотя оно и было внутри пустое, его не могли бы сдвинуть с места не только два чунга, но и вся стая, вместе взятая. Они попытались подтолкнуть его руками и грудью, но оно даже не пошевелилось. Оно не шевельнулось и тогда, когда его облепили и Бурая, и Молодая пома, и еще один чунг, и еще две помы, и старый чунг, и даже двое маленьких близнецов.

Увидя, как все чунги облепили дерево и стараются поднять его, Смелый вспомнил то, что успел уже забыть. Вспомнил, как небо зажгло

лес и они вытаскивали из погашенного дождем пожарища печеные плоды и как созванные им чунги дружно подняли толстое дерево, понесли его и положили на огонь. Радостно всхлипнув от этой новой догадки, он вскочил на самое высокое место над пещерой и изо всех сил прокричал:

— У-о-кха-а! У-о-кха-а!

Голос его прокатился далеко-далеко. Вскоре, как многократное эхо, со всех сторон донеслось:

— У-о-кха-а! У-о-кха-а!

Это был отклик чунгов из ближайших пещер: они сообщали, что слышали его призыв и сейчас придут на помощь.

Вскоре они пришли, и их собралось столько, сколько есть пальцев у двоих и еще двоих чунгов. Смелый попытался дать им понять, что нужно сделать: он начал мычать и издавать различные звуки. Мычал и показывал то на трещину, то на ствол и ощущал сильный гнев и досаду на то, что пришедшие чунги не могут понять его.

И действительно, чунги не могли понять, что нужно сделать, не могли понять, чего именно он хочет от них. Они догадывались, что Смелый хочет сделать что-то с трещиной и с деревом, но не могли догадаться, что именно. Они давно уже выражали различными звуками и способами их произношения радость и недовольство, испуг и гнев и боль. Могли сообщать об опасности со стороны грау или мо-ка, когда нужно бежать или собираться всем вместе. Прекрасно понимали, когда чунг попал в беду, и даже научились называть точно определенными звуками некоторые предметы. Так, всякая опасность была у них «у-а-кха», плавающие в воде маленькие безногие животные назывались «хи-ки», мо-ка назывался «а-па», грау обозначался гортанным «кхрха-у», огромные другие чунги — «ку-а-кхва».

Но у них не было определенных звуков ни для дерева, ни для камней, ни для плодов, ни для неба, ни для темноты. И сейчас Смелый мог только указывать на пустотелый ствол, не в силах назвать его каким-нибудь звукосочетанием, не в силах выразить звуками свою мысль и свои намерения. Не догадывался он и о том, как показать свое намерение собравшимся чунгам на примере, и от досады начал реветь и бить себя в грудь.

Но Безволосый, который начал уже превышать его по догадливости и сообразительности, вдруг кинулся к стволу и замахал руками.

— У-о-кха! У-о-кха! — подозвал он всех, уперся в ствол ладонями и сделал вид, что хочет перекатить его.

— У-о-кха! У-о-кха! — вскричала и Молодая пома и первой встала плечом к плечу с Безволосым. Она тоже сделала вид, что напрягается, и издала соответствующие звуки: «Ак-кха! Ак-кха!»

Встали плечом к плечу с ними и Смелый, и Бурая, и еще один чунг, и еще две помы, так как все они уже поняли, что нужно сделать, чтобы в пещере не дуло. И, делая вид, что хотят подкатить дерево к трещине, закричали вместе с Молодой помой:

— Ак-кха! Ак-кха!

Маленькие чунги-близнецы запрыгали вокруг и тоже закричали:

— Ак-кха! Ак-кха!

— У-о-кха! У-о-кха! — подозвал Смелый подошедших чунгов, и на этот раз они поняли, что от них требуется подкатить дерево к трещине в скале. Не задаваясь вопросом о том, зачем должны это сделать, они столпились вокруг огромного ствола, перепрыгнули через него и очутились с той же стороны, где были Смелый и Безволосый.

— У-о-кха! У-о-кха! — коротко, отрывисто вскрикивали они, упершись грудью в дерево и подсовывая под него руки.

Так как их было много, то им пришлось встать тесно, плечом к плечу, и таким образом всякий получил свое место в общей, совместной работе. Они начали напрягаться, но все напрягались не в лад и потому не могли сдвинуть дерево. Но тут им пришел на помощь одновременный крик Смелого и Безволосого. Стоя вплотную друг к другу, они напряглись одновременно и одновременно же вскрикнули:

— У-о-кха!

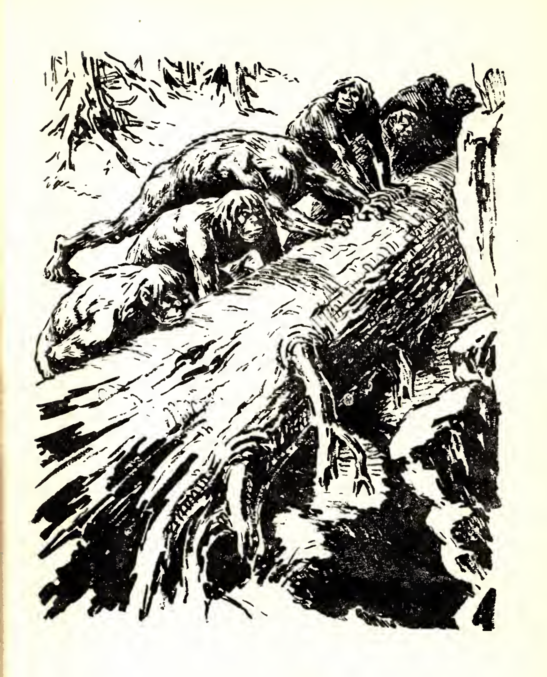
Все остальные чунги, невольно подчиняясь чувству ритма, тоже одновременно вскрикнули «ак-кха-а!» и вместе с тем дружно напрягли силы. Дерево покачнулось и немного сдвинулось, и это так обрадовало чунгов, что они разразились криками и отпустили его.

— У-о-кха! У-о-кха! — закричали в свою очередь Смелый и Безволосый, но не от радости, а от гнева на то, что чунги отпустили дерево. По этому сердитому крику чунги поняли, что сделали что-то не так, и снова ухватились за дерево. Новый крик Смелого, новое дружное усилие, — и дерево передвинулось на полступни. С еще одним криком, громким, властным и подхваченным всеми чунгами, оно подвинулось еще на полступни. И Смелый, в котором прояснилась ритмика движений, стал учащать свои крики и толчки, а все остальные следовали за ним дружно и одновременно.

— У-о-кха! У-о-кха! — вскрикивал Смелый коротко и отрывисто, а они нараспев отвечали ему:

— Ак-кха! Ак-кха!

Наконец ствол был подтащен к самой трещине, лег и закупорил ее. Смелый выпрямился и стал издавать какие-то совершенно непонятные звуки. Глаза у него горели от радостного возбуждения, в лице выражалось огромное удовольствие. Пришедшие чунги тоже заурчали от удовольствия, — не потому, что поняли что-нибудь, а потому, что общая

ритмичная работа им понравилась. Двое маленьких близнецов, взобравшихся на ствол, остались под сильным впечатлением ритмичного припева и продолжали «уокхать» в один голос и в том же ритме.

— У-о-кха! У-о-кха! — они переступали с ноги на ногу, бессознательно двигая руками, и постепенно увлекли в свою игру других детенышей. Увлеклись и взрослые чунги, и все начали мерно, нараспев «уокхать», все больше удлиняя отдельные звуки. Это была первая песня чунгов, выражение удовольствия, которое им доставила дружная, успешно завершенная работа; удовольствия от первобытно-ритмичного звука их голосов. Конечно, голоса у них были еще очень грубые и хриплые, потому что до сих пор они только рычали и ревели. Они и сейчас больше рычали, чем пели, и это было еще не совсем песней, но все же им было приятно.

После того как таким же образом была закрыта вторая трещина в скале, группа Смелого почувствовала, что пещера действительно стала их пещерой, их жилищем. Когда-то в непроходимом лесу, а потом в своих скитаниях далеко на севере и в бегстве на юг ни у кого из чунгов не было постоянного логовища. Они считали своим весь лес, и им было безразлично, где остановиться ночевать. Они никогда не задерживались на одном месте дольше, чем на один-два дня, и никогда не возвращались к своим покинутым логовищам. Правда, иногда им случалось попадать на прежние места, где они уже были однажды, и даже ночевать в старых логовищах. Но и тогда они не ощущали этих логовищ как своих прежних, и у них никогда не бывало потребности возвращаться в места, где они уже были когда-то, или хотя бы вспоминать о них. Лес был для них повсюду одним и тем же: всегда одинаковым и всегда новым. Но теперь, когда ночи стали такими холодными и когда большая стая разбилась на меньшие группы, пещеры, в которых они поселились, стали для них не только необходимым, но и привычным убежищем.

Это особенно относилось к группе Смелого, которая приложила труд, чтобы закрыть трещину в скале: этот приложенный труд, эта впервые осознанная и проявленная забота вызвали у чунгов незнакомое доселе чувство привязанности к месту, дающему им удобный, защищенный от ветра ночлег. Поэтому, возвращаясь вечером в свою пещеру, усталые от дневных скитаний в поисках пищи, они испытывали к своему пещерному жилищу какое-то теплое чувство, какое-то ощущение удовольствия и уверенности. Привязанность к нему ощущали даже маленькие чунги, которые еще до того как войти внутрь начинали весело и радостно кричать: «У-о-кха! У-о-кха!»

Ритмичный припев взрослых чунгов при перетаскивании огромного пустотелого ствола произвел на них такое впечатление, что они никак не могли забыть его и продолжали повторять в том же протяжном ритме. Молодая пома подхватывала за ними, а за нею подхватывали и ос-

тальные, и под темными скалистыми сводами пещеры раздавалось ритмическое:

— У-о-кха! У-о-кха! У-о-кха!

Это было так странно и необычайно, что даже мо-ка, когда ему случалось проходить близ пещеры, останавливался, прислушивался, внюхивался тревожно и любопытно и, едва различив, что это голоса множества чунгов, убегал стремглав.

Да, уже все звери пугались чунгов, все до одного. Ибо многие-многие случаи уже подсказали им, что чунги — не такие животные, как они, что они уже перестали быть только животными, что они превратились в нечто другое, сильнее и удивительнее самого сильного и удивительного из животных...

МАЛЕНЬКИЙ ЛА-И

Однажды утром маленькие чунги-близнецы, выйдя из пещеры раньше всех прочих чунгов, увидели совсем маленького ла-и. Крохотный, слабенький, со светло-рыжей шерстью, маленький ла-и подполз к свежей кости, обглоданной и отброшенной чунгами, и жадно обгрызал ее. Он лишился матери и остался один еще совсем маленьким, он еще не умел находить себе пищу и все время голодал. Маленький и пугливый, он должен был все время прятаться в густых кустах, укрываться от всяких больших и малых хищников и утолять голод только случайно попавшимися ему бескрылыми брум-брум и жу-жу. Приблизившись к пещере чунгов, он почуял запах свежих костей, разбросанных кругом, и острый голод привлек его совсем близко к входу. Исхудалый до того, что все ребра у него торчали, маленький ла-и забыл всякую осторожность и с неслыханной жадностью грыз остатки мяса на кости.

Увидев его, близнецы мигом присели и устремили на него взгляды, а потом по-детски безрассудно завизжали и кинулись к нему. Из пещеры тотчас же выскочили Бурая и другие чунги, но маленького ла-и уже и след простыл. Близнецы набрали в руки камней и побежали к кустам, где он скрылся, но Бурая, не поняв по их крикам, какое животное появилось близ пещеры, может быть, опасный хищник, догнала и вернула их.

Вечером, однако, маленький ла-и снова появился перед пещерой. В этот день группа Смелого выследила в логовищах и-вода и ланча, убила их и съела, и все возвращались сытые и довольные. На ходу они догрызали кости и бросили их только у самого входа в пещеру. Маленький ла-и, целый день пряхавшийся в кустах, почуял запах мяса, и голод его стал нестерпимым. Едва дождавшись, чтобы чунги вошли в пещеру, он подполз к одной из брошенных костей и начал глодать ее.

Молодая пома в это время вышла из пещеры и увидела его, но вместо того чтобы раскричаться, как близнецы, притаилась у скалы и стала наблюдать. Она была сообразительна и понимала, что не может подкрасться и схватить или убить ла-и, если бы даже захотела. Обойти кругом, чтобы приблизиться незаметно и бесшумно, было невозможно: между нею и ла-и не было ни кустов, ни других укрытий. Бросить в него камнем или веткой — их под рукой не было, да и расстояние было слишком большое.

Молодой поме нетрудно было понять и жадность ла-и и его тихое, прерывистое повизгивание. Маленький беззащитный ла-и должен был сильно проголодаться, чтобы осмелиться подойти к пещере и так открыто наброситься на выброшенные, обглоданные кости. И потому ли, что Молодая пома была сыта, или в ней проснулся отголосок материнского инстинкта, но хищный блеск в глазах у нее погас, и они засветились любопытством: какой этот ла-и маленький и хорошенький! Как он насторожил ушки! И какой он слабенький и худенький...

В этот момент маленький ла-и поднял голову, вперил глазки в устье пещеры и, увидев неподвижную, словно приросшую в скале пому, припал к земле. Черненький влажный кончик носа у него зашевелился быстро-быстро, словно он пытался понять, что это за странное существо со свободно висящими передними лапами — животное или только тень.

Это длилось миг или два. Потом ла-и быстро шмыгнул и исчез в кустах, но на следующий день появился снова и на следующий за тем день. Взрослые чунги и детеныши то выходили из пещеры и надолго исчезали куда-то, то возвращались, то сидели рядом, так что маленькому ла-и все время приходилось убегать. Нередко чунги уходили из пещеры на целый день, и тогда он свободнее грыз разбросанные кости. Но никогда он не осмеливался подойти к входу, так как, кроме запаха мяса и крови, оттуда шел и какой-то другой запах. Этот незнакомый запах пугал его и заставлял сторониться. Но он же и хранил его, — маленький ла-и инстинктивно понимал это, — так как удалял хищников от пещеры, и поблизости к ней он чувствовал себя в безопасности.

Так маленький ла-и остался близ пещеры, чтобы «красть» и догладывать кости. А чунги, замечая его за момент перед тем, как он скрывался, начали привыкать к нему и относиться равнодушно к его появлению: это был неопасный зверь, да еще такой маленький, меньше та-ма, и его не хватило бы насытиться даже одному чунгу.

Близнецы тоже привыкли к маленькому ла-и и перестали кричать и прогонять его, да и маленький ла-и привык к чунгам и уже не торопился скрыться при их появлении. Правда, когда они появлялись, он убегал, но прежде чем нырнуть в кусты останавливался, оборачивался и, насторожившись, подстерегал каждое их движение. Ушки у него торчали, глазки живо блестели, а влажный носик так и шевелился.

Однажды, когда группа Смелого собралась в пещере, а белое светило опускалось над лесом, снаружи послышался задыхающийся, испуганный, прерывистый визг. Безволосый и Молодая пома, сидевшие у самого входа, быстро вскочили и выглянули. Они увидели, что маленький ла-и, прижав ушки, изо всех сил мчится сквозь кусты прямо к пещере, а за ним стремительно гонится крупный рыжеватый и-вод.

Маленький ла-и, в ужасе от того, что и-вод настигнет его и растерзает своими длинными, острыми зубами, жалобно визжал. Либо он не понимал, что налетит здесь на взрослых чунгов, либо бежал к ним, чтобы найти защиту, — чунги не знали. Не знали они также, что и-вод, увлеченный погоней за маленьким ла-и, тоже не видит их, так как они сидели близ входа и в темноте их трудно было заметить. Молодая пома понимала жалобу и отчаяние в визге ла-и. Вместе с тем в ней поднялось враждебное чувство к этому крупному рыжему хищнику, который наверняка съел не одного детеныша и не одного старого, больного взрослого чунга. Она взъерошилась, а вместе с ней взъерошились и другие чунги, растопыривая пальцы. Взрослый, сильный чунг вполне может задушить взрослого, сильного и-вода, может разорвать ему челюсти, переломить спину или просто удавить, крепко схватив за горло. Нужно только схватить его быстро и стремительно, точно и уверенно, пока он не успел впиться зубами в грудь.

До входа в пещеру оставалось еще несколько прыжков, и это расстояние ла-и пробежал так быстро, что лапок у него просто не было видно. А и-вод, позабыв обо всем, кроме убегающего ла-и, настиг его как раз перед входом. И все вообще произошло так быстро, что не успели чунги вскочить и зареветь, как и-вод сделал последний прыжок и набросился на ла-и.

Маленький ла-и дико взвизгнул, мгновенно упал на спину и попытался обороняться. Но хищнику это только помогло, он перегрыз ему переднюю лапу и был готов перегрызть горло. Однако Молодая пома, находившаяся к борющимся ближе всех, опередила его. Она подскочила к ним, схватила и-вода за шею и с диким, яростным ревом ударила о скалу. Хищник вытянулся на земле и задрыгал задними лапами.

Тогда другие чунги кинулись и стали рвать его еще живого, а маленький ла-и, на которого никто не обращал внимания, прополз у них под ногами и вполз в пещеру. Но, еще не добравшись до ее середины, тяжело израненный, с перекушенной передней лапой, обессиленный потерей крови и страшной болью, он вытянулся и начал дрожать и скулить.

В сознании у всех чунгов наметилось различие между теми животными, которые питались мясом убитых, и теми, которые питались травой и листьями. К первым чунги питали отвращение в силу какого-то первичного, неосознанного инстинкта, и вид и присутствие любого из этих зверей внушали им злобу и яростное возбуждение. Нередко в них просыпался и страх: припоминались случаи, когда тот или другой чунг сам становился их жертвой. Поэтому, когда они начали употреблять в пищу мясо и им выпадал счастливый случай, они всегда убивали такого зверя со свирепой радостью, словно мстя ему за съеденных чунгов.

А когда им случалось убить животное, питающееся травой и листьями, они уби-

вали его без озлобления и ярости и съедали с таким же чувством, с каким выкапывали и поедали луковицы и коренья. Они не были способны испытывать к этим животным сострадание или жалость, но не испытывали и ненависти или злобы. Правда, ла-и тоже были хищниками, но кровожадными и страшными только тогда, когда собирались стаей; и тогда они были для чунгов так же страшны, как мо-ка или грау.

А этот ла-и был совсем маленький и одинокий и лежал весь в крови с перекушенной лапой, и никто из чунгов не подумал его убивать. Ведь они вырвали его у и-вода, который хотел его съесть, они спасли его! Кроме того, они были сыты, зачем бы им было убивать такого маленького ла-и?

Беззащитный, беспомощный, жалобно скулящий ла-и вызвал у чунгов странное, еще незнакомое им чувство — чувство сострадания к другому животному. Сначала Молодая пома, а за ней и другие чунги присели вокруг него и стали разглядывать как с любопытством, так и с состраданием. Близнецы, побуждаемые сильнейшим любопытством, стали дергать его то за уши, то за хвост. А ла-и, потеряв способность пугаться или сопротивляться, лежал, тяжело дыша, скулил и вздрагивал. Он продолжал скулить, когда повсюду сделалось темно, продолжал скулить и в темноте, потом, наконец, притих, и чунги больше не слышали его голоса.

На другой день маленькие чунги обнаружили ла-и в норе около пещеры. Он забрался туда очень глубоко, и они ничем не могли достать его. Так он и остался лежать в темноте, скуля и борясь со смертью.

Прошел день, прошел другой, третий... Крепкая природа ла-и вышла победительницей из этой кровавой схватки со смертью; и он выполз из своей темной норы; нестерпимая жажда преодолела в нем страх перед чунгами. Ползя на брюхе, ла-и добрался до скалы, по которой каплями струилась вода, и начал лизать ее. Но видя, что этим не сможет утолить жажду, он потыкал мордочкой в землю, мокрую от струяшейся воды, а потом начал рыть ее здоровой лапкой. Получилась ямка, медленно заполнившаяся водой, и ла-и стал лакать ее.

То, что он выполз из норы, обрадовало не только маленьких, но и взрослых чунгов. Все сразу заурчали и подскочили к нему так быстро, что он не смог бы убежать и скрыться, даже если бы у него хватило сил на это. Один из маленьких чунгов, грызя кость, присел около него, и кость оказалась перед самой мордочкой ла-и. Маленький ла-и вдруг жадно вцепился в нее и заворчал. Это показалось чунгам очень интересным и забавным, и они начали урчать и подпрыгивать.

Маленький ла-и очень ослабел, так ослабел от потери крови и нескольких дней голодовки, что, встав на три здоровые лапки, качался и падал. А двое малышей, которые не могли понять, почему он так слаб, смотрели на него, как на живую игрушку, кричали и хватали его то за

уши, то за хвост. Маленький ла-и уже не пытался защищаться или убегать. Его звериное сознание было словно поражено могуществом гигантских существ, убивших и-вода и этим спасших его от растерзания. Быть может, он даже понимал, что совершенно беспомощен и что у него нет ни силы, ни возможности защищаться или убегать; а может быть, инстинкт подсказывал ему, что в чунгах нет свирепости и-вода, что они не съедят его и что при них ему безопаснее, чем в лесу, где смертельная опасность подстерегала бы его на каждом шагу.

Чунги предоставляли ему ползать на брюхе, обнюхивать пещеру и догрызать кости, которые иногда приносили с собою. Таким образом, ла-и привык к их присутствию; когда все уходили, он забирался в самую темную и глубокую впадину и там дожидался их возвращения. Он не смел выйти из пещеры, так как снаружи таились и-вод, кат-ри и много других крупных, сильных, быстроногих хищников.

И все же он всем своим существом стремился к свету, который лился из входа в пещеру и неотразимо привлекал его. Не однажды он подкрадывался к устью пещеры, стремясь снова очутиться в густых кустах, в диком, полном опасностей лесу. Но ужас перед большим рыжим и-водом, притаившимся снаружи и поджидающим его появления, чтобы схватить и съесть, заставлял его снова прятаться подальше в пещеру. Он не посмел выйти наружу ни в последующие дни, ни еще много дней спустя.

Постепенно маленький ла-и оправился, окреп и потолстел, а кроме того, подрос. Чунги часто приносили куски мяса и кости, а на костях оставляли немного мяса, так что он не голодал. Светло-рыжая шерсть у него сделалась блестящей, уши стояли торчком, а хвост повиливал в знак удовольствия. Глубоко в его зверином сознании засветилась искорка понимания, что хотя он и отличается от «всемогущих» чунгов, но все же является чем-то вроде члена их группы.

Он научился узнавать каждого из них по запаху; и хотя подскакивал только на трех лапах, — перегрызенная четвертая висела, — услыхав их возвращение, он быстро выбегал им навстречу из глубины пещеры к входу. Страх, что чунги могут съесть его, исчез окончательно, сменившись чувством уверенности, привязанности, благодарности.

Самую большую привязанность он испытывал к близнецам, так как они не только перестали дергать его за хвост и уши, но и позволяли ему лизать и обкусывать кости, которые сами грызли, да еще и хихикали при этом от удовольствия. Большую привязанность испытывал он и к Молодой поме, которая иногда брала его и заботливо почесывала, как почесывались и сами чунги.

Время шло. Маленький ла-и еще больше подрос и осмелел. Так, когда чунги бывали в пещере, он осмеливался подходить к самому входу. Он останавливался там, вглядываясь, насторожив уши, и нюхал, нюхал.

Иногда тело у него напрягалось, словно он вот-вот выскочит наружу и изо всех сил устремится к манящему, свободному лесу. Но довольно ему было услышать даже самый слабый подозрительный шум или голос хищника, чтобы он тотчас же кинулся обратно и спрятался позади чунгов.

Представление о кровожадном и-воде все еще преследовало его и наполняло страхом. Этот же страх заставлял его ночью подползать к чунгам и ложиться поближе к ним: так им будет легче спасти его, если и-вод за ним погонится.

Однажды ночью чунги были разбужены внезапным визгом ла-и, быстро превратившимся в полный ужаса вой. Вместе с тем ла-и заметался во все стороны, кинулся было к устью пещеры, но, сделав лишь несколько прыжков, быстро вернулся к чунгам и снова рычал и выл.

Проснувшиеся чунги вскочили и тоже зарычали тревожно и предостерегающе. Поведение маленького ла-и было необычным и указывало на какую-то опасность. Это чунги поняли скорее инстинктивно, чем разумом. Да и размышлять времени не было, так как в устье пещеры появились два громадных силуэта. Ночь была ясная и светлая, снаружи сияло желтое светило, и в его мягком, бледном свете чунги ясно различили двух мо-ка.

Появление двух мо-ка в пещере ночью было бы гибельным для чунгов, так как мо-ка видели в темноте гораздо лучше их, а им понадобилось бы драться почти вслепую. С другой стороны, чунги знали, как упрямо преследуют мо-ка всякое другое животное. Это упорство вместе с уверенностью, что нет животных крупнее и сильнее их, делало мо-ка бесстрашными. Бурая пома, взревев, схватила детенышей и отшвырнула далеко за себя, а другие чунги сбежались и начали швырять в мо-ка камнями, ревя во все горло, чтобы испугать их.

Яростнее всех ревела Бурая; она кинулась к мо-ка, решив скорее дать растерзать себя, чем позволить растерзать своих детенышей. И мо-ка действительно испугались. Испугались потому, что одновременный рев всех чунгов и град камней застали их врасплох. Не ожидая, что найдут здесь такое множество чунгов, они гортанно заревели, повернулись, шевельнули куцыми хвостами и затрясли мохнатыми боками в неуклюжем беге. Чунги выскочили вслед за ними и еще долго ревели и швыряли камни. Вместе с ними выскочил и ла-и: на этот раз он рычал и завывал воинственно.

Некоторое время чунги толпились перед входом в пещеру, сжимая в руках камни и толстые сучья. Желтое светило, целиком вырезавшись на небе, заливало своими серебристыми лучами исполинские деревья и скалы. Было таинственно тихо. Двоих мо-ка не было ни видно, ни слышно. Только время от времени золотую сеть лунной ночи разрывал какой-нибудь отдаленный яростный рев, свирепый вой, возбужденный визг.

Тишина на мгновение удивленно-испуганно вздрагивала, вспархивала на невидимых крыльях и снова успокаивалась, чтобы вскоре опять вздрогнуть.

Все чунги напрягали глаза и уши, подстерегая эти мгновения. Вот Смелый остановился впереди группы и поднял острый сук, готовясь пронзить им самого сильного мо-ка. Рядом с ним — Безволосый, первым осмелившийся кинуться навстречу двум мо-ка и так искусно угодивший одному из них камнем в морду, что тот весь следующий день оставлял за собою кровавые следы. Да, не напрасно он стал вторым вожаком, не напрасно сам Смелый стал в последнее время учиться у него смелости и догадливости. Вот Бурая, которая все еще не может успокоиться за своих близнецов и продолжает угрожающе рычать...

Вот и Молодая пома,— она разглядывает темнеющий перед пещерой лес и вслушивается в тревожное позванивание лунной тишины. Она вслушивается и распознает, какое животное издает звук. Вот хищный вой хе-ни... Это — испуганное верещание дже, спугнутого с лежки. Он лежит с перегрызенным горлом, а хе-ни рвут его теплое, еще трепещущее тело... Вот это воет и-вод, а это ревет мо-ка...

В сознании Молодой помы замелькали какие-то слабые догадки, — словно искры в разрытом пепле, — быстро гасли и снова вспыхивали. Эти догадки не стояли еще стройным рядом, не были связаны, но все же она успела кое-как связать их и понять, что если бы ла-и не учуял двух мо-ка вовремя, если бы не разбудил чунгов своим визгом и воем, многие из них лежали бы сейчас в пещере загрызенными насмерть...

Да, маленький ла-и спас их от мо-ка... Правда, чунги спят очень чутко, но все же гораздо крепче всяких других зверей, и часто смешивают сон с действительностью, так что не сразу просыпаются и вскакивают. А маленький ла-и вздрагивал даже при таком слабом шуме, который оставался неуловимым для чунгов. Да, если он останется при чунгах и впредь, то услышит приближение всякого хищника и разбудит их...

И Молодая пома с неосознанным еще чувством признательности к маленькому ла-и обняла его за голову и стала гладить. Маленький ла-и, поняв нежную ласку, завилял хвостом. Его длинный язык легко и нежно лизнул Молодую пому в лицо.

Вскоре, однако, маленький ла-и исчез из пещеры. Сначала чунги не обратили внимания на его исчезновение, да и позже не очень замечали его. Только близнецы и Молодая пома удивлялись, где он мог спрятаться и почему не выходит, и долго искали его по темным уголкам пещеры и в кустах. Потом они стали забывать о нем и почти совсем уже забыли, когда неожиданно он появился перед пещерой. Чунги увидели, как он остановился далеко от входа в нее и с любопытством смотрел на них. Рядом с ним стоял другой ла-и, крупнее и сильнее, с настороженными ушами, с белым брюхом и светло-рыжей спиной.

Маленький ла-и тоже стал крупнее и сильнее, и чунги узнали его только по перекушенной лапе. От радости они запрыгали и кинулись к нему. Другой ла-и быстро убежал и скрылся в лесу, а маленький ла-и на мгновение остановился, словно недоумевая, что ему делать. Он поглядел в ту сторону, куда убежал большой ла-и, потом повернулся к бегущим к нему чунгам, помахал хвостом, облизнулся... и вдруг, когда Молодая пома приблизилась к нему на столько прыжков, сколько пальцев у нее на руке, маленький ла-и поджал хвост, метнулся назад и вскоре исчез вслед за другим ла-и.

Молодой поме стало грустно и обидно. В порыве этого чувства она зачмокала и протянула:

— Ху-ху-кву-а-а!

Маленькие чунги, любившие подражать всему новому, на этот раз тоже стали повторять за нею:

— Ху-ху-кву-а-а! Ху-ху-кву-а-а!

ДЫМ НАД ПЕЩЕРОЙ

Однажды рано утром чунги проснулись от незнакомого шума, от какого-то карканья. Карканье шло откуда-то издали и то усиливалось, то слабело. Первыми кинулись к выходу двое близнецов, за ними Молодая пома, а вслед за нею и остальные чунги.

Светало. Небо на востоке светлело — спокойное, чистое, голубое. Высоко над головами у чунгов оно было еще темное, со звездами, но звезды постепенно теряли свой яркий ночной блеск и исчезали одна за другой. На светлеющем небосклоне вырезались далекой крупнозубчатой линией вершины огромных деревьев.

Чунги завертели головами во все стороны. Как им казалось, неизвестные крики шли со всех сторон и раздавались над всем лесом. Крики были похожи на писк множества маленьких кри-ри, собравшихся вместе, и чунги удивлялись — что бы это могло быть.

Потом Молодая пома заметила, что крики долетают с неба. Она подняла голову и увидела высоко-высоко вверху черные точки, слабо трепещущие и несущиеся плавными рядами. Эти черные точки соединялись попарно в длинные прямые линии. Передние концы линий, сомкнувшись, образовывали клин, а задние отдалялись друг от друга и исчезали из виду. Все эти клинья следовали друг за другом и бороздили почти все небо.

— Ха-кха-а! — воскликнула Молодая пома, удивленная этим впервые увиденным зрелищем.

— Ха-кха-а! — воскликнули и остальные чунги, тоже разглядев тысячи и тысячи маленьких, едва различимых в небесной высоте кри-ри.

А кри-ри, выстроившись в правильные ряды и клинья, легко взмахивали крыльями, плавно неслись с севера на юг и неумолчно кричали: «Кррр-кррр-кррр! Кррр-кррр-кррр!»

— Кррр-кррр! Кррр-кррр! — запрыгали близнецы-чунги, подражая крику пролетающих кри-ри.

Когда взошло белое светило, некоторые из клиньев стали спускаться низко над лесом, а потом кри-ри начали с криками и шумом садиться на деревья, на скалы, на землю. Одни из них быстро оправляли клювами перья, другие начали поклевывать там и сям в сухой траве и кустах, третьи оставались неподвижными, — вероятно, устав от длительного полета. Они были крупные, крупнее обыкновенной та-ма, черно-серые и бурые, с белыми перьями на шее и на хвосте, с длинными желтыми клювами.

Некоторые из них сели прямо у входа в пещеру. Чунги кинулись ловить их, и к величайшему их изумлению кри-ри совсем не пугались. Вероятно, они летели из местностей, где не было ни чунгов, ни других животных и где никто не убивал их и не ел.

В этот день чунгам не нужно было выкапывать коренья и луковицы или искать другую пищу. Кри-ри садились им прямо на головы, и их оставалось только ловить и есть. Маленьким чунгам очень понравились перья с белыми пятнами, и они начали собирать их и прятать по темным углам пещеры. А Молодой поме очень понравился пух, налипший ей на окровавленные при еде пальцы и губы, и потому она нарочно наклеила себе мягкие пушинки и на грудь, и на ноги, и на все туловище.

Кри-ри продолжали опускаться целыми стаями еще много дней, и чунги были очень довольны. Они продолжали жить в пещере и в изобилии есть мясо. Близнецам надоело ловить кри-ри и играть с перьями, и они вернулись к игре с сухим стволом, закрывавшим расселину в скале. «Кух-кух-кух», — издавала его кора под их ударами, и оба шалуна с превеликим удовольствием повторяли:

— Кух-кух-кух!

Потом они начали колотить по стволу ветками. От этого они получали еще бо̀льшее удовольствие, так как могли ударять сильнее, а звук получался особенный. А однажды один из близнецов нашел длинную, ровную, очень сухую палку и начал стучать ею по стволу. Другой, стоявший напротив него, схватил палку за конец и потянул к себе. Палка скользнула по ободранному, высохшему стволу, и тогда ясно послышалось: «Скррипп!» Первый близнец, в свою очередь, потянул палку к себе, и палка снова скользнула по стволу и снова издала: «Скрип!»

Этот звук привлек внимание и возбудил любопытство обоих близнецов. И если только что перед этим они старались отнять палку друг у друга, то теперь начали ритмично дергать ею взад и вперед по стволу лишь для того, чтобы слышать этот чудесный скрипящий звук. Попав

в канавку между двумя неравномерными утолщениями древесины, палка скользила все по одному и тому же месту и напевала: «Скрип-скрип-скрип!»

Игра целиком увлекла маленьких чунгов, и они стали все быстрее продергивать палку и всхлипывать от удовольствия.

— Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха! — всхлипывали они все чаще и ритмичнее в лад с ритмичными движениями палки, а ствол отвечал им: «Скрип-скрип! Скрип-скрип! Скрип-скрип!»

Они совершенно увлеклись игрой и начали продергивать палку так быстро, что отдельные поскрипывания сливались в одно.

Взрослые чунги, присев около них на солнечном припеке, смотрели на их забаву и рассеянно слушали их быстрые всхлипывания. Одна из пом почесывала спину старому чунгу, который исхудал еще больше, так что все ребра у него торчали, а живот сильно раздулся. Молодая пома играла с мелкими пушинками, прилипшими у нее на туловище: легонько дула на них, и они порхали в воздухе. Смелый лениво, важно щурился; Безволосый с любопытством разглядывал только что найденный продолговатый кремень с настоящим острием и плоский с обеих сторон. Ребра у этого кремня были такие острые, что, схватив его, Безволосый нечаянно порезался, и на пальцах у него засохла кровь. Ему уже не раз случалось порезаться и пораниться, но он всегда обращал внимание больше на боль, чем на самый порез или ранение. Но сейчас порез казался ему каким-то странным, не таким, как другие... Он не знал, что камнем можно порезаться так легко, только схватив его... Теперь он вертел камень в руке очень осторожно, стараясь не сжимать его острых ребер, потому что камень может опять порезать его. Да, таким камнем можно убивать зверей гораздо легче, совсем как брошенной заостренной палкой...

Вдруг вся группа вздрогнула от неожиданного крика. Закричала Молодая пома, пристально глядевшая на маленьких чунгов. Охваченные неукротимым азартом, близнецы продолжали свою игру, с бешеной быстротой дергая палку взад и вперед, а от того места, где длинная сухая палка терлась о дерево, поднимался тонкой струйкой дым, как на пожаре. Эта-то струйка и заставила Молодую пому изумленно вскрикнуть, так что остальные чунги зарычали в один голос и вскочили. От этого рычания близнецы опомнились, бросили палку и кинулись к Бурой, как при внезапно замеченной опасности.

«Огонь, огонь», — была первая мысль и у Смелого, и у Безволосого, и у Бурой, и у всех остальных чунгов. Но откуда взялся этот огонь? Небо было чисто и ясно, белое светило продолжало сиять, никакого грома не было слышно. А маленькие чунги играли не со стучащими камнями, а с деревом... При этом не было видно никаких искр, а только дым, идущий едва заметной струйкой...

Все быстро собрались вокруг ствола. Смелый схватил палку и уже поднял ее, как вдруг громко фыркнул, и глаза у него расширились от неожиданности: палка посредине была такая горячая, что обожгла ему пальцы. В то же время Молодая пома и Безволосый, почти одновременно дотронувшись до того места, где терлась палка и где остались слабые следы обугливания и вился слабый дымок, оба вскрикнули от боли: от быстрого трения сухой палки по сухому стволу последний загорелся, но слабый огонь не был виден при ярком дневном свете.

Чунгам, которые помнили пожар в лесу, деревья, вспыхнувшие от упавшего с неба огня, искры при стуке камней друг о друга, поджигавшие траву и кусты, нетрудно было понять, что произошло. Но как может огонь родиться из ничего? И почему нет никакого пламени?

Безволосый испугался и снова пощупал слегка обгорелое место. Огонь погас, а теплота едва ощущалась. И может быть, чунги и на этот раз не увидели бы огня, если бы не догадливость Смелого. Он прожил дольше, пережил больше, накопил в сознании более богатый опыт; схватив длинную палку, он положил ее на почерневший след и стал дергать вперед-назад, вперед-назад... Своей игрой маленькие чунги подсказали ему то, о чем он сам никогда бы не догадался.

— Ха-кха, ха-кха, ха-кха!.. — яростно вскрикивал он, сверкая глазами на быстро движущуюся палку.

Молодая пома, догадавшись, чего добивается Смелый, перепрыгнула через ствол, схватила палку за другой конец, и оба стали бешено-быстро тереть ею о ствол. Вскоре на этом месте снова появилась струйка голубого дыма, а потом и желтовато-синие язычки пламени.

— Ха-кха, ха-кха, ха-кха! — Смелый и Молодая пома яростно терли палкой по стволу и от сильного возбуждения не чувствовали усталости, а желтовато-синие языки пламени становились все больше. Огонь пробил тонкую древесину ствола и поджег его хрупкую, сухую, как порох, сердцевину. Взвился огромный столб дыма, за ним взлетели большие языки пламени, и весь ствол загорелся Сидевшие по скалам кри-ри, испуганные странным явлением, зашумели крыльями, высоко взлетели и стали описывать круги, пронзительно пища и крича.

Загорелась и палка. Смелый и Молодая пома отбросили ее и вместе с другими чунгами, не понимая, что после сожжения ствола расселина в скале опять откроется и ветер снова завоет и застонет в пещере, начали прыгать вокруг огня, крича от дикой радости. Они сами сделали огонь из ничего! Они теперь всегда смогут делать огонь из ничего, потерев палкой о ствол... Такого чунги никогда еще не переживали, и по впечатлению, которое это событие произвело на их скудное сознание, оно не имело себе равных.

Ствол был весь охвачен пламенем. Горели и кусты у расселины в скале, и сухая трава над пещерой. Чунги подумали, что теперь все вок-

руг сгорит, испугались, побежали и собрались у входа в пещеру. Но так как поблизости не было других деревьев и кустов, а были только скалы, то огонь не мог перекинуться на лес и поджечь его.

Наконец ствол догорел, а через расселину стали падать в пещеру горящие головни. Они насыпались грудой и продолжали ярко пылать, освещая всю пещеру. Изумленные чунги кинулись туда и собрались вокруг пылающей груды. Темно-серый дым выходил в расселину, а пламя отбрасывало тени чунгов на стены. Эти тени принимали самый странный вид, когда пламя то вспыхивало, то гасло: они трепетали и плясали, удлинялись и укорачивались. Близнецы, первыми заметившие их, запищали от страха. Взрослые тоже увидели и кинулись было прочь. Но Молодая пома, первой догадавшись, что это только тени, какие отбрасывают все животные и деревья в лучах белого светила, успокоительно крикнула:

— У-о-кха! У-о-кха!

Чунги снова вернулись к огню и стали греться. Нет, ничего подобного они еще не испытывали, даже не видели во сне... В пещере у них горит огонь, и они греются вокруг него...

Постепенно, однако, головни стали догорать, буйное пламя все утихало и утихало. Медленно угасал этот удивительный костер, первый костер чунгов. Смелый глядел на медленное умирание огня, а в сознании у него коротким проблеском промелькнуло то, что он когда-то догадался сделать, чтобы давешний огонь жил дольше. Но этот проблеск был еще мутным, неясным. Впечатления прошлого все еще не могли связаться с восприятием настоящего, все еще оставались разорванными и отрывочными.

Он затряс головой от внутренней неудовлетворенности. Ускользающая связь

вызывала в нем неприятное чувство, и оно тяготило его. Как это было? Как было? Огонь догорает, тлеет... Чунги раскапывают его ветками... Ветки вспыхивают, загораются... Огонь опять тлеет... Большое дерево.... Какое оно тяжелое. Одному чунгу никак не поднять его... Все несут его и кладут на тлеющие угли... Зачем они несут и кладут его на угли? Пламя, пламя! Принесенное дерево горит... Огонь умирает... И это дерево догорает...

Дикий вопль испугал чунгов. Смелый вылетел из пещеры, словно увидел двух и еще двух грау... И не успели чунги опомниться, как он снова влетел в пещеру, крича что-то так возбужденно, что чунги испугались еще больше.

Смелый влетел с большой веткой в руке, положил ее на огонь, и толстая ветка загорелась. Он снова выскочил из пещеры, вернулся с другой веткой, швырнул ее в огонь и, обернувшись к изумленным чунгам, заорал во все горло:

— У-о-кха-кха-а! У-о-кха-кха-а! — И дрожащими пальцами указывал на огонь.

— У-о-кха-а! — завопила и Молодая пома, первой догадавшись, почему Смелый сделал это, и тоже выскочила из пещеры, чтобы найти ветку.

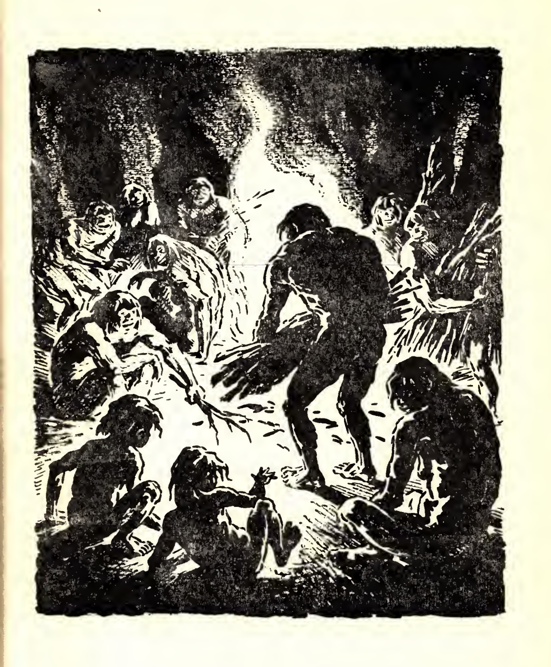
По примеру Смелого и Молодой помы остальные чунги тоже начали таскать ветки и бросать их в огонь. Они развели в пещере большой костер, такой большой, что жар и дым заставили их отступить к выходу. Дым выходил и из устья пещеры и из расселины в скале и вился высоко-высоко.

Чунги из других пещер заметили его и подошли посмотреть. Они смотрели, как пещера горит внутри, удивлялись, всхлипывали и подпрыгивали. А в пещеру даже нельзя было войти, — так там было жарко и дымно.

Почти целый день чунгам пришлось оставаться снаружи, пока огонь не утих и дым не вышел. А когда вошли, там было очень жарко. Из набросанных веток образовалась огромная груда угольев. Дым от догорающих головней теперь поднимался прямо вверх и улетал через расселину в скале.

Чунги провели ночь в тепле, около тлеющих углей, а утром раскопали золу, нашли неугасшие угли и собрали на них недогоревшие головни. Таким образом, огонь снова проснулся, и в это раннее утро над пещерой снова поднялась тонкая струйка синеватого дыма. И это произошло впервые не только в жизни чунгов, но и в истории земли.

Чунги сохраняли огонь еще много дней. Они расставались с ним и выходили из пещеры, только когда ощущали сильный голод, но и тогда думали об огне и спешили вернуться. И под еще незабытым впечатлением печеных животных и плодов, найденных в золе старого пожарища,

они стали носить в пещеру кри-ри, та-ма и других мелких зверьков и печь их в огне.

Однако однажды ночью огонь погас и от него остался только черный пепел. Чунги порылись в нем и затрясли головами: огонь совсем умер. Смелый и Безволосый поднялись к расселине и печально оглядели остатки огромного ствола: больше не было ни ствола, ни длинной сухой палки, чтобы добыть ими огонь. Они не догадались получить огонь из других сухих деревьев, и синеватая струйка дыма больше не поднималась над пещерой. Остался только черный пепел, с которым маленькие чунги стали играть. Они совсем вымазались, и это им очечь нравилось. Понравилось это и взрослым, и они тоже стали мазаться пеплом. Молодая пома обмазала себе и тело и ноги и каждый раз, поглядывая на них, хихикала от удовольствия, — так красиво ей это казалось.

ТАК ОНИ ЗАКРЫЛИ ВСЮ РАССЕЛИНУ...

Стало совсем холодно. На рассвете выпадал иней, окутывавший ветви деревьев. Небо оставалось ясным, но белое светило не грело больше.

Ветер с севера утих, и группе Смелого было в пещере тепло и уютно. Плохо было только то, что кри-ри больше не опускались близ пещеры, а животных стало совсем мало, и чунгам редко случалось есть мясо. Кроме того, крупные хищники стали свирепыми, а и-воды и ла-и снова начали собираться стаями. Они постоянно бродили вокруг пещер чунгов, а ночью осмеливались даже приближаться к входам.

Для чунгов это было очень плохо, так как приходилось постоянно быть настороже, чтобы мо-ка или другой крупный хищник не забрался в пещеру. Поэтому мелкие группы соединялись по нескольку в одной пещере, и все начали собирать у входа груды камней, чтобы отгонять хищников еще издали. Некоторым группам стало тесно, но они с этим не спорили, — напротив, были очень довольны, так как от такого невольного уплотнения в пещерах становилось теплее.

Одноглазый и Трусливый, присоединившиеся с маленькой группой к группе Смелого, тоже собирали и носили камни. Оба давно уже забыли, как в страхе убегали от мо-ка и вига, забыли об этом и другие чунги. Но все же недоброе чувство от их поступков оставило в сознании чунгов длительный след, да и сами они, даже не зная, зачем и почему, чувствовали себя в чем-то виноватыми, горбились и ежились при не слишком дружелюбных взглядах других чунгов. И оба были одинокими, так как помы продолжали отвергать их, а они не смели вступать в единоборство ни за какую пому.

Носили и собирали камни и двое детенышей-близнецов. Только старый чунг не мог носить камней. Он уже видел гораздо хуже Одноглазого и совсем ослабел, так что еле мог ходить. И если он все-таки не умирал от голода, то лишь потому, что чунги, возвращаясь, иногда приносили с собою недоглоданную по пути кость и от пресыщенности бросали ее у пещеры. Старый чунг чуял ее, подползал и начинал догладывать.

Лес еще больше оскудел пищей, и чунги начали голодать. Они обыскивали всякий куст, всякое дупло, всякое звериное логовище. Они обнюхивали и ощупывали всякий предмет, какой встречался им в пути, и ели все, что, по их догадкам, было съедобным. Они стали всеядными и ели даже то, чем раньше брезговали. Так, однажды Бурая нашла в кустах купа, свернувшегося в клубок. Купа нельзя было добыть пальцами, так как его острые колючки ранили руку до крови. Но Бурая ткнула его веткой, которую держала в передней лапе, и проткнула насквозь. Куп вытянулся и умер. И она, до этого дня брезговавшая купом, отворачивавшаяся от него, теперь вонзила в него пальцы и с наслаждением грызла его и позволила откусить только маленьким близнецам.

Чунги испытывали отвращение и к другим ползучим зверькам, оставлявшим за собою блестящие слизистые следы, но привыкли есть даже их. А в последнее время начали обыскивать гнезда лохматых кри-ри с большими глазами и очень острыми клювами. Эти кри-ри жили обычно в дуплах деревьев; чунги тыкали туда ветками, убивали их и вытаскивали оттуда. Иногда чунг засовывал внутрь руку или голову, чтобы посмотреть: если внутри оказывался мохнатый кри-ри, он начинал защищаться, и чунг получал раны от кривых когтей и острого клюва, но в конце концов кри-ри бывал все-таки изловлен, вытащен из дупла и съеден.

Однажды Молодая пома и Безволосый нашли в старом гнилом стволе маленькое дупло. Устье дупла было очень тесное, и Безволосому едва удалось просунуть туда руку до половины. Внутри было совсем темно и ничего не видно, но по запаху оба поняли, что там кто-то притаился. Безволосый снова попытался просунуть туда руку, но безуспешно. Молодая пома, очень голодная, нетерпеливо зачмокала; она тоже попробовала всунуть руку в дупло, но только оцарапалась.

Оба зарычали от гнева и беспомощности, досадуя, что не могут съесть животное, притаившееся внутри. Безволосый, державший в другой руке острый камень, гневно ударил им по краю дупла. Кусочек гнилой древесины отскочил, и отверстие расширилось. Радостно догадываясь, что таким образом можно расширить дупло, он присел у дерева и начал отбивать гнилую древесину.

Молодая пома тоже присела рядом с ним, и оба быстро расширили отверстие. Безволосый уже готовился сунуть туда руку, как вдруг из-

нутри выскочил зверек с густой мохнатой рыжей шерстью и большим пушистым хвостом.

Зверек выскочил так неожиданно, что Безволосый и Молодая пома инстинктивно отскочили и вскрикнули. Он с невероятной быстротой проскочил у них под ногами, метнулся по поваленному стволу и, прежде чем они успели погнаться за ним или бросить камнем, вскарабкался на дерево. Безволосый понял, что гнаться за ним поздно: зверек забрался на дерево так высоко, что его не мог бы достать ни чунг, ни какое другое животное, кроме кри-ри. Потом он перепрыгнул на соседнее дерево и исчез из виду.

Безволосый и Молодая пома обыскали дупло. Они еще больше расширили отверстие и увидели на дне большую груду мелких плодов в твердых скорлупках. Оба так и набросились на них, разгрызая зубами скорлупу и доставая зерна. Чунги неоднократно находили в дуплах такие кучки мелких плодов в твердых скорлупках и знали, что их собирают те или другие мелкие зверьки, но никогда не спрашивали себя, зачем эти зверьки собирают у себя в логовище так много плодов. Сейчас, однако, у Молодой помы пробудилась какая-то догадка о том, что у зверька будет чем кормиться и один раз, и два раза, и долгое время, пока он не съест всех плодов, и все это время он может не найти в лесу другого корма, но все-таки не будет голодать...

Она поглядела на Безволосого, словно стараясь передать ему свою догадку. Что-то сжало ей горло и извлекло из него какие-то неясные звуки. Безволосый ничего не понял из этих звуков. Молодая пома знала это хорошо, но испытывала мучительную потребность передать ему свою догадку так, чтоб он понял. И в напрасных усилиях добиться этого, страдая оттого, что не может добиться и не знает, как это сделать, она сменила свои неясные гортанные звуки сердитым:

— Ха-ак!

Безволосый, который быстро разгрызал скорлупки плодов и еще быстрее доставал и ел зерна, повернул к ней голову.

— Хак? — хакнул и он, впервые услышав этот звук и словно спрашивая: «Что ты говоришь?»

— Хак, хак! — повторила Молодая пома и дважды подпрыгнула, продолжая глядеть на него. Но Безволосый, все еще не понимая, спокойно грыз плоды. Молодая пома тоже начала грызть, а потом вдруг, словно выражая бессловесную, но сознательную мысль, растопырила пальцы над всей кучкой, как будто хотела забрать ее всю, и радостно-удивленно протянула:

— У-у-у-у!..

— Хак? — повторил Безволосый, вопросительно мигая. И действительно, он спрашивал, спрашивал сознательно и любопытно, удивлен-

ный не только этими новыми звуками, но и новым способом, каким издавала их Молодая пома.

— У-у-у-у! — протянула снова Молодая пома, зарывая пальцы в кучку плодов.

— У-у-у-у! — произнес и Безволосый, словно желая сказать: «Понял, понял! Хорошо поедим!»

Действительно, они хорошо поели, хотя кучка все еще оставалась довольно большой. Даже когда они забрали по нескольку плодов в каждую руку, она почти не уменьшилась. Безволосый и Молодая пома удивленно уставились друг на друга. Они присели у дупла и стали ждать, пока проголодаются, чтобы доесть плоды, но поняли, что не успеют: начинало темнеть, а им нужно было возвращаться в пещеру.

Тогда Молодой поме пришло в голову засыпать кучку и закрыть отверстие дупла, чтобы убежавший зверек не мог залезть и съесть плоды или чтобы их не нашло никакое другое животное. Она набрала сухих листьев и начала совать их в дупло. Безволосому показалось, что этим Молодая пома отнимает плоды у них обоих; зарычав, он кинулся и оттолкнул ее. Не понимая его намерений, не умея передать ему свою мысль, она тоже кинулась на него, и они начали драться. Молодая пома завизжала и стала царапаться. И так как она была помой, а несознаваемый закон приказывал всякому чунгу уступать поме, Безволосый быстро отступил. Больше того: он сам начал помогать ей, хотя и не понимал, зачем она делает это, и дупло до краев наполнилось листьями и сучьями. Довольная, Молодая пома усмехнулась ему и оттопырила губы.

— У-у-у-у! — протянула она. шевеля пальцами в сторону засыпанного дупла. — У-у-у-у! — повторила она еще раз и стала делать движения, словно разгребая и выбрасывая листья из дупла. И вдруг добавила: — Хак! Хак!

В сознании у Безволосого мелькнуло что-то вроде догадки: на следующий день они смогут снова прийти сюда, разрыть кучку плодов и снова поесть. Но эта догадка была еще неясной и мгновенной. И только на другой день, когда Молодая пома уверенно привела его к дуплу, ему стало ясно, зачем она засыпала его, и он заурчал от удовольствия и нетерпения.

Оба быстро разбросали листья и ветки и начали грызть твердые плоды. Другие чунги, увидев, что они делают, прибежали стремглав, и вскоре от плодов остались только твердые скорлупки.

Возвращаясь к пещере, Безволосый нашел большую та-ма и, хотя не был голоден, взял ее с собою. Та-ма была довольно тяжелая и ее пришлось нести обеими руками, прижав к животу.

Старый чунг, который почти не мог выходить из пещеры и едва успевал добраться до выхода из нее, увидев та-ма, заскулил, и пота-

щился вслед за Безволосым. Едва Безволосый сел на сухие листья в пещере, старый чунг кинулся, чтобы отнять у него та-ма, и при этом скулил от голода. Безволосый мог бы отогнать его одним взмахом, — настолько он был силен и настолько был слаб старый чунг, — но так как он был сыт, а по голосу старого чунга понял, насколько тот голоден, то отдал та-ма ему.

Старый чунг, дрожа от жадности, прежде всего откусил и съел голову та-ма, потом отъел ей лапы и короткий хвостик, а потом запустил пальцы между ее костяными щитками и начал рвать ее своими кривыми ногтями. Так, кусок за куском, он съел всю та-ма, оставив только пустую скорлупу. Потом лег и застонал от сытости и тяжести в животе, а близнецы схватили пустую скорлупу и стали играть с нею.

Стемнело. Все чунги легли толпой, близко друг к другу, чтобы им было теплее, а поодаль, у входа в пещеру, уселись двое сторожевых. Все умолкли и стали щуриться в непроницаемую тьму; только старый чунг продолжал стонать. И чем дальше шло время, тем громче становились его стоны. Он съел много мяса, съел и толстую кожу та-ма, а желудок у него работал не так хорошо, как у молодых, и потому он начал корчиться от сильной боли. Вместе с тем его стоны превратились в скулеж, а потом в завывание. Он извивался и корчился, кусал листья и землю и вдруг завыл и заскулил так страшно, что чунги вздрогнули. Они не видели его в темноте, а в пещере раздавалось эхо и потому им показалось, что вой и скуление идут от расселины в скале. От этого они еще больше испугались.

И Смелому, и Бурой, и Безволосому, и Молодой поме, и всем прочим чунгам в группе Смелого вой и скуление показались воем и визгом ветра в расселине, и в воображении у них возникли неясные, чудовищные образы вига, мо-ка и грау. Они забыли о старом чунге; и им виделось, как изо всех углов пещеры к ним ползут эти чудовищные образы со сверкающими глазами, с разинутыми пастями.

Так прошла вся ночь. Когда стало светать, вой и визг вдруг утихли. А когда в пещере стало светло, чунги увидели, что старый чунг умер. Он лежал навзничь, глаза у него были открыты и страшно смотрели, а пальцы растопырены и искривлены так, словно он готовился схватить и задушить кого-то. От царапанья по земле и камням ногти у него были поломаны, а пальцы покрыты запекшейся кровью.

Все чунги много раз видели других чунгов, растерзанных мо-ка или грау или просто умерших. Но от этого они не ощущали ни страха, ни ужаса. А теперь им стало очень страшно. И вместо того чтобы ждать, когда он запахнет, и тогда уже выбросить мертвеца, они сразу же вытащили его наружу далеко за пещеру; там засыпали его мелкими камнями и ветками — так с незапамятных времен поступали со всеми умершими чунгами — и тогда только успокоились.

В течение дня, занятые подстереганием животных в лесу, выкапыванием корней и луковиц, они совсем не вспоминали об умершем чунге. Однако ночью опять подул ветер, и в расселине опять стало визжать и выть. Чунги снова вздрогнули; на этот раз они подумали не о буре, не о диких зверях, а прямо об умершем чунге. Они представляли себе, как он сидит над расселиной, как заглядывает в пещеру, сверкая глазами, как скулит и воет и протягивает к ним искривленные окровавленные пальцы.

На другое утро все они бросились к тому месту, где засыпали труп умершего чунга. Но там его и следов не было. За ночь мо-ка разбросали камни, которыми он был засыпан, и съели его. Чунги нашли только кости, обглоданные и разбросанные в кустах. Конечно, они не могли понять, что это кости старого чунга, и все подумали, что мертвец встал, взобрался на гору над пещерой и всю ночь выл и скулил над расселиной.

Они тоже поднялись на гору над пещерой, смотрели и искали повсюду, но напрасно. Смелый встал на скалу и начал вызывать его.

Однако мертвого чунга нигде не было, и днем все они забыли о нем. Не вспомнили и в последующие несколько дней. Но однажды утром опять начался сильный ветер, и старый чунг опять заскулил и завыл в расселине. Испуганные, но в то же время разгневанные на умершего за то, что он опять пугает их своим завыванием, чунги выскочили и все вместе поднялись на гору над пещерой. Они решили либо прогнать его подальше, либо убить, чтобы он не вздумал снова беспокоить их; но опять не увидели его нигде и подумали, что он заметил их и убежал.

Когда вечером чунги собрались в пещере, умерший чунг снова сел над расселиной в скале и снова завыл и застонал. Так как было еще светло, чунги и на этот раз стали искать его, но опять не могли найти. Озадаченные, встревоженные, испуганные этим невидимым присутствием умершего, они забрались в пещеру и целую ночь слушали его завывания, дрожа от страха. При этом ветер усилился, и из расселины стало дуть так сильно, что им опять пришлось сбиться в кучку, чтобы согреться.

На утро чунги уселись у края расселины над пещерой и уныло, беспомощно мигали. Они сознавали, что для того чтобы им не дуло, для того чтобы не слушать завываний умершего чунга, нужно снова закрыть расселину. Но как ее закрыть, если древесного ствола больше нет? Неужели придется покинуть обширную светлую пещеру только для того, чтобы избавиться от сквозняка и от завываний умершего чунга?

В это время близнецы, притащившие с собою по длинной ветке, стали играть с ними, то перебрасывая через расселину, то снова подхватывая. По их примеру другие детеныши тоже начали перебрасывать через расселину длинные ветки. С их стороны это было только игрой, но игра

вызвала у Безволосого великую догадку. Он взревел, вскочил и перебросил через расщелину свою заостренную ветку.

— У-о-кха-кха! У-о-кха-кха! — заревел он и махнул другим, сзывая их за собою, и кинулся в лес.

Остальные, не зная, зачем и куда он их зовет, но понимая, что вожак придумал что-то очень важное, последовали за ним. Безволосый повел их в лес, сломал первый показавшийся ему пригодным молодой ствол, потом еще один и помчался обратно к пещере. Другие чунги, увидев, что он делает, сделали то же.

Безволосый положил поперек расселины сначала стволы, которые сам принес, потом схватил ветки у Молодой помы, положил и их. И на этот раз чунги поняли, как нужно делать, и быстро уложили каждый свои ветки. А так как им не хватило веток, чтобы закрыть всю расселину, то они отправились за ними еще раз, потом еще и еще. Так они закрыли всю расселину, а потом долго всхлипывали и радостно прыгали вокруг нее; а когда наконец вернулись в пещеру, то светлого пятна у них над головами больше не было.

ВСЕ ЭТО БЫЛО ТАК СТРАННО...

Однажды ночью, невидимо для спящих чунгов, упал легкий снежок, покрыв все вокруг белой пеленой. Утром Безволосый и Молодая пома, выйдя первыми, вскрикнули от безграничного удивления:

— Вуо-кхвуа-а!

Остальные, услышав этот громкий, изумленный крик, кинулись к ним, увидели белое покрывало повсюду и тоже закричали:

— Вуо-кхвуа-а! Вуо-кхвуа-а!

Молодые чунги вообще не знали, что это такое, а старшие давно уже забыли и белую пустыню на севере и слетающие с неба мягкие пушинки, так что удивились не меньше молодых. Но больше всех удивились чунги-близнецы. Один из них, выскочивший из пещеры со скорлупой та-ма в руках, так изумился, что выпустил скорлупу. Она упала на камень и ударилась так, что разделилась на две половины.

Никто из старших не обратил на это внимания, так как скорлупа служила только игрушкой для детенышей. Но вот близнецы, играя, стали наполнять скорлупу снегом. Они наполняли ее, а снег таял и превращался в воду, и это им очень нравилось.

Молодая пома увидела, как один из маленьких чунгов носит в скорлупе воду, и смотрела на него так, словно увидела неожиданно выскочившего на нее грау. В памяти у нее мгновенно всплыл случай, когда она переносила листья в гнезде кри-ри, вспомнилась и кучка орехов, которую они с Безволосым нашли в дупле. Она была сообразительна и по на-

следству и от природы, и ее сознание быстро заключило, что и в скорлупе можно было бы носить листья, можно было бы перенести и много орехов сразу.

Она кинулась к маленькому чунгу, выхватила у него скорлупу и убежала с нею в пещеру.

— У-о-кха-кха! У-о-кха-кха! — кричала она, держа скорлупу высоко над головой. Этим она хотела передать остальным чунгам то, что открыла, о чем догадалась.

Понятно, всего этого чунги не сознавали, они даже не всякую свою догадку умели использовать как должно. Не сознавала этого и Молодая пома и потому таскала с собою скорлупу та-ма почти целый день без всякого смысла. Да она и не понадобилась: сколько пома ни осматривала одно дупло за другим, нигде не нашлось орехов.

В этот день никто из чунгов не нашел плодов и не подстерег никакого животного. И так как голод терзал им желудки, а день уже кончался, чунги снова стали раскапывать землю вокруг кустов и крупных трав, ища коренья и луковицы. Они научились хорошо копать острыми камнями, а землю выбрасывали руками и таким образом обнажали весь пучок корней и выбирали все луковицы до единой. Безволосый и Молодая пома тоже начали подкапывать большой куст травы с толстыми стеблями.

Копать было трудно, так как дневное таяние снега размягчило только самый верхний слой, а внизу земля была твердая и плотная. Но они работали настойчиво и упорно, время от времени отдыхали и продолжали снова. Наконец им удалось глубоко подкопать весь куст. Они достали столько луковиц, что хотя наелись досыта, не могли съесть всего. И вспомнив, как они поступили с орехами в дупле, они начали закапывать луковицы в землю, чтобы доесть на следующий день. Засыпали их и встали, чтобы уйти. Молодая пома потянулась за оставленной на земле скорлупой и вдруг словно чего-то испугалась.

— Вуо-кхвуо-о! — захлебнулась она, уставившись на скорлупу и вытягивая губы.

— Хак? — хакнул Безволосый, озадаченный ее восклицанием, словно спрашивал: «Что такое?»

Молодая пома быстро присела у зарытых луковиц, разбросала землю и на глазах у изумленного Безволосого наполнила ими костяную скорлупу. После этого она встала, прижала скорлупу к туловищу и двинулась впереди Безволосого, время от времени радостно всхлипывая. Она была все еще далека от мысли о том, чтобы запасаться пищей на последующие дни; для ее радости довольно было и того, что она несет в скорлупе столько луковиц сразу, сколько не может нести в руках ни один чунг; что отныне всегда, когда найдет побольше плодов и луковиц, она сможет все сразу перенести в пещеру.

И действительно, наподобие маленьких чунгов, которые таскали в пещеру все, что им нравилось и привлекало их внимание, она стала носить в скорлупе луковицы, коренья, случайно найденные в опавшей листве орехи, мелкие кости, блестящие камешки, перья кри-ри, лоскутья шкур убитых и съеденных животных. Она делала это почти напрасно, почти без пользы, так как все съедобное всегда съедалось, а остальное просто разбрасывалось по пещере. Но следствием этой бесполезной с виду деятельности было то, что прочие чунги, впечатлительные ко всему новому, сделанному любым из них, начали возвращаться в пещеру по нескольку раз в день и сносить в нее самые различные предметы.

Больше всего они таскали кореньев и луковиц Выкапывали их усердно, так как становились все ловчее, и копали уже не только для того, чтобы насытиться, но и чтобы принести в пещеру. Они делали это без всякого сознательного предвидения и все еще далекие от какой бы то ни было мысли о запасах, а по привычке и по склонности к подражанию.

Но однажды утром чунги проснулись от сильной бури снаружи. Всякий, кто пытался выбежать из пещеры, тотчас же кидался обратно; сильный холодный ветер резал, как острый камень; ледяные зерна били по коже до крови. Волей-неволей чунги остались в пещере и к половине дня ощутили сильный голод. Тогда они набросились на коренья и луковицы, разбросанные по всей пещере. Многие из этих кореньев и луковиц уже высохли и потеряли свою сочность, но все чунги утолили ими голод и успокоились.

Страшная вьюга продолжалась и ночью и на другой день, и чунгам пришлось питаться высохшими кореньями и луковицами. От этого в их сознание начал прокрадываться еще совсем смутный, но настойчивый вопрос: как бы они провели это время без этих кореньев и луковиц? Вопрос настойчиво стучался в их мозг, старался подняться на поверхность сознания, но кора этого первобытного сознания была еще слишком толстой, и он не смог пробить ее.

Страшная вьюга продолжалась несколько дней и наконец утихла. Погода

смягчилась, и даже белое светило начало пробиваться сквозь тучи. Крупные ледяные зерна поломали вершины деревьев вокруг пещеры, но эти зерна растаяли, растаял и легкий снежок, и земля опять совсем высохла. В такую мягкую, тихую погоду чунгам было приятно бродить по лесу. Приятно было и маленьким чунгам играть, но они все время вертелись близ Бурой. Да и Бурая не спускала с них глаз, а когда они не слушались ее предостерегающих криков, она давала им затрещины. Ибо, хотя и редко, чунгам в лесу встречались мо-ка, грау и виг, и отделяться от остальных было для каждого чунга смертельно опасным.

За это тихое, мягкое время Молодая пома и Безволосый опять нашли в дупле множество орехов. Но у большинства орехов скорлупа была такая твердая, что Безволосый чуть не сломал себе зуб. Тогда оба попытались разбить их камнями, как делали обыкновенно. Безволосый положил орех на ствол, придержал его и ударил камнем. Вместо того чтобы разбиться, орех целиком ушел в прогнившую древесину. Молодая пома положила орех прямо на землю и тоже ударила камнем. Но земля оказалась мягкой, и орех ушел в нее.

Оба заворчали, не зная, что делать. У обоих в руках было по кремню с плоскими гранями и острыми ребрами, но никому не пришло в голову положить один камень на дерево или на землю, а на него уже класть орех. Для такой догадки нужно было побуждение, и таким побуждением был взгляд, брошенный Молодой помой на камень, который остался на стволе.

Она поглядела на него, потом на камень, который держала сама, снова перевела взгляд с одного камня на другой и простояла несколько мгновений с сосредоточенным выражением лица, словно решая трудную задачу. На поверхность сознания пробивалась новая догадка...

— Хак! — хакнула она, словно желая сказать: «А, догадалась». Она взяла камень Безволосого, осмотрела его, положила на ствол, а на него положила орех. Потом попробовала ударить своим камнем, но ударила так сильно, что от ядра ничего не осталось.

Во второй раз Молодая пома стукнула легче и повнимательнее, и твердая скорлупка только треснула. Она отложила камень, разломила скорлупу, осторожно достала ядро и съела его. Безволосый почмокал-почмокал от жадности, но так как Молодая пома не дала ему ничего, он оттолкнул ее и сам начал разбивать орехи.

Наевшись досыта, Молодая пома наполнила орехами костяную скорлупу, а Безволосый взял в руки столько, сколько мог набрать, и они двинулись по лесу. Но, едва отойдя от дупла, они услышали отрывистое, утомленное дыхание. И не успели они сообразить, в чем дело, как на них наскочил в вихревом беге теп-теп с огромными ветвистыми рогами. Был ли он испуган чем-то пострашнее чунгов или же в своем отчаянном беге не мог отклониться, но, пробив кусты своей широкой грудью, закинув рога за спину, он как слепой налетел на Молодую пому, свалил ее с ног и перескочил через нее. Это произошло так неожиданно, что Молодая пома не успела отскочить, упала навзничь и распорола себе ляжку о большой сук.

Тотчас после ее падения и после исчезновения теп-тепа на Безволосого стремглав налетел серый гри. В погоне за теп-тепом свирепый хищник тоже налетел на чунгов неожиданно. А так как Безволосый, мимо которого теп-теп проскочил на расстоянии ладони, стоял теперь прямо на пути хищника, тот кинулся на него.

В смертельной схватке сцепились хищник и чунг. У Безволосого не было даже времени позвать ревом на помощь: нужно было убить гри немедленно, иначе в следующий миг тот перегрызет ему горло. В крови у него вскипел инстинкт самосохранения, вскипели все первобытные силы. И когда гри, высоко подскочив, впился ему когтями в грудь, а страшно раскрытая пасть с изогнутыми зубами дохнула ему в лицо, Безволосый молниеносно замахнулся острым камнем и вбил его хищнику в череп, прямо между горящими жадной свирепостью желтыми глазами.

Удар был смертельным, — Безволосый сразу ощутил это. Ощутил потому, что гри вдруг обмяк, вытянулся и упал наземь. На его кривых когтях остались клочья кожи и мяса Безволосого. И Безволосый, поняв, что гри мертв и больше не может загрызть его, ощутил вдруг звериную ярость. Весь окровавленный, совсем позабыв о Молодой поме, он накинулся на гри и начал наносить ему камнем удар за ударом. Он ударял, не глядя куда, — по голове, по бокам, по лапам зверя, — и ревел во все горло:

— А-ха-кха-а! А-ха-кха-а!

Услышав издали этот рев, сбежались и Смелый, и Бурая, и Одноглазый, и еще много чунгов из других групп, находившихся поблизости, и увидели рассеченного на куски гри. Одни из них набросились на уби-

того хищника, другие окружили Молодую пому. Она жалобно скулила и ползла по земле, а одна нога у нее была вся в крови. Безволосый подошел к ней и начал вертеться вокруг и хакать:

— Хак?.. Хак?..

Молодая пома попробовала подняться, но сразу же упала и завизжала от боли. Окружившие раненую чунги сочувственно урчали, но не знали, чем ей помочь. Еще никто из чунгов не переносил раненого чунга с места на место, так что никто и не мог подумать ни о чем подобном. Если Молодая пома не может подняться или хотя бы доползти до пещеры, она должна укрыться в ближайшем дупле, а Безволосый должен остаться при ней, чтобы охранять. Это было естественным законом для чунгов, и они следовали ему, не раздумывая, с незапамятных времен.

Между тем день кончался, и Смелый первым выпрямился и крикнул:

— У-о-кха-кха!

Чунги уже отвыкли ночевать под открытым небом, отвыкли дрожать ночью от холода. Притом группа их была небольшая, а в пасмурную ночь в лесу станет совсем темно, и мо-ка и грау могут напасть на них со всех сторон. Нет, они не могут остаться на ночь в лесу! Так приказывал им не только инстинкт сохранения всей группы, но и пробудившийся разум.

Заговорил пробудившийся разум и у Безволосого. И в то время как унаследованный навык и инстинкт приказывали ему остаться с Молодой помой независимо от того, что может случиться ночью, разум открыл ему, что может случиться. Нет, чунги не должны оставлять их одних! Быть может, поблизости не окажется удобного дупла... Ночь будет темная и холодная, он и сам замерзнет, если залезет на дерево, а Молодую пому разорвут хищники... Нет, нельзя, чтобы чунги оставили их одних, нельзя, чтобы Молодая пома оставалась тут одна...

И Безволосый вскочил и остановился перед готовой уйти группой. Он открыл рот, издал какие-то непонятные звуки. Потом затопал ногами, затряс руками, лицо у него исказилось от мучительных усилий: каким это образом передать свою мысль?

— Ук-ба-ба-бу-кху-у!.. — повторял он то яростно, то умоляюще, указывал на лежащую пому, вращал глазами, закрывал их. О, какие муки испытывал Безволосый оттого, что другие чунги не могли понять его!..

И действительно, другие чунги его не понимали. Они стояли, напряженно глядя на него, морщили низкие лбы, вытягивали губы, сами бормотали что-то и испытывали тяжкие мучения оттого, что не могли по-

нять, чего он добивается. Они могли только сочувствовать ему, но не помогать... И Смелый снова произнес:

— У-о-кха!..

Тогда Безволосый, услышав этот призыв уходить, забормотал еще отчаяннее, кинулся к Молодой поме, схватил ее под мышки и попытался приподнять. Молодая пома и сама понимала, чего хочет от нее Безволосый, и потому, несмотря на испытываемую ею сильную боль, приподнялась и встала на одно колено. Но другую ногу она не могла даже согнуть и только скулила от боли. Безволосый зачмокал, заходил вокруг нее, снова попытался приподнять, но Молодая пома была не в состоянии двигаться.

Но сознание Смелого озарилось новой удивительной догадкой. При виде того, как Безволосый пытается приподнять Молодую пому, он вспомнил, как когда-то сам пытался приподнять большое дерево. Вспомнил, как созвал к себе других чунгов и как общими дружными усилиями они подняли дерево, понесли и положили на костер. Вспомнил, как буря откатила сухой ствол от расселины в скале и как он снова созвал чунгов из других пещер и как они все вместе снова перенесли огромный ствол к расселине... Вот и сейчас они могли бы поднять Молодую пому и отнести ее в пещеру!..

Весь охваченный новой счастливой догадкой, он замахал руками и тоже кинулся к Молодой поме. Тоже схватил ее под мышки и крикнул остальным:

— У-о-кха! У-о-кха!

Его усилие поднять вместе с Безволосым Молодую пому было так явно, что остальные сразу поняли его и отозвались на его крик. Подхватили ее со всех сторон и подняли, и она стала легкой, легче порхающего кри-ри...

— У-о кха! У-о-кха! — покрикивал Смелый, подталкивая всю группу в сторону пещеры. И странное, удивительное шествие двинулось через кустарник и поваленные стволы. Молодая пома несмотря на сильную боль перестала стонать. Она поняла, что группа делает это для ее спасения, и молча предоставила всем нести ее. Только глаза у нее блуждали почти испуганно: все это было так странно...

Странным и невероятным казалось это и Безволосому и прочим чунгам. И оттого они испытывали такие особенные чувства — и радость, и жалость, и удивление, — что в горле у всех теснились, не в силах вырваться на свободу, самые различные звуки. Ибо если до сих пор они помогали друг другу по инстинкту, то сейчас подсказанная Смелым совместная помощь Молодой поме была не только сознательной, но и разумно обоснованной. Да, это была уже сознательная взаимопомощь, и сознание этого делало чунгов счастливыми, делало их как-то добрее...

ЧТО ЭТО? ЧТО ЭТО?

Молодая пома лежала в пещере раненая, в крови, а Безволосый должен был оставаться с нею. Но во второй половине дня он так проголодался, что покинул ее и вышел. Другие чунги еще не вернулись; и он не посмел уйти далеко от пещеры, только вошел в лес и присел у первого же куста со сладкими плодами. Он быстро рыл землю острым камнем, причем все время оглядывался на пещеру и прислушивался. Одному ему было очень страшно — чувство, которого чунги не знали, пока не собрались жить стаями.

Вдруг из пещеры донесся громкий, сдавленный крик о помощи:

— У-а-кха-а! У-а-кха-а!

Ясно было, что какой-то хищник пробрался внутрь и напал на беззащитную, беспомощную Молодую пому. Безволосый вскочил, словно подхваченный ветром, заревел и, крепко стиснув острый кремень, крупными быстрыми скачками помчался к пещере. Вбежав туда, он увидел большого голодного и-вода, который быстро повернулся, щелкнул зубами и метнулся к выходу. Безволосый не мог бы уступить ему дорогу, если бы даже захотел, и снова хищник и чунг сцепились в смертельной схватке. И снова чунг убил хищника, так как был вооружен острым камнем. Он разбил зверю череп быстрым, точно рассчитанным ударом, а потом, охваченный яростью, начал рассекать его.

Конечно, не умей Безволосый сильно замахнуться, острый камень не рассек бы шкуру зверя так легко. Но все же это было чем-то новым,— до сих пор чунги обычно растерзывали убитых животных зубами. Поэтому, когда ярость Безволосого прошла, он стал удивляться. Таким же острым камнем он рассекал гри, а теперь рассек им и-вода...

Он приложил острое ребро к лопатке и-вода, вонзил его и сильно дернул. Острое ребро камня врезалось в кожу, срезало и мясо... Да, Безволосый начал резать и-вода на части, и он был первым чунгом, применившим камень не для того, чтобы ударять или колоть, а для того, чтобы резать.

Вернувшиеся чунги нашли и-вода разрезанным на множество кусков; хотя они не были голодны, но стали есть его и утром доели. Смелый, Бурая, Одноглазый и еще двое чунгов постарше не захотели днем уходить и остались в пещере с Молодой помой. Остальные чунги ушли только в половине дня, так как тоже были сыты.

Безволосый, хотя и знал, что в этот день Молодая пома не останется одна, снова не посмел отдалиться от пещеры. Он присел у вчерашнего куста и продолжал подкапывать его, но случилось так, что при ударе о другой камень от кремня отскочил кусочек. От этого ребро стало еще острее — так что могло резать корни.

Заметив эту новость, Безволосый поднял брови и удивленно ус-

тавился на камень. Пощупал его острое ребро кончиками пальцев, подхватил один и другой перерезанный корень и снова пощупал острое ребро кремня. В сознании у него невольно связался и давешний порез, на который он не обратил внимания, и изрезанный на мелкие кусочки и-вод, и только что перерезанные корни. Только сейчас он понял, как много можно сделать камнем, у которого ребра очень острые.

Пораженный своей догадкой, Безволосый бросил подкапывать куст, кинулся к пещере и, запыхавшись, повторяя «акх-ба-ба-бу-ку-у!», стал показывать кремень чунгам. Таращил глаза, подпрыгивал, делал кремнем движения, словно резал животное или разрезал корни, и все бормотал:

— Акх-ба-ба-бу-ку-у! Акх-ба-ба-бу-ку-у!

Впервые случилось, что чунг пытался объяснить свою мысль определенными движениями. Впервые случилось, что чунг пытался высказаться с помощью определенных звукосочетаний. И впервые случилось, что Безволосый, получив впечатление, что другие чунги так же ясно и определенно поняли его, произнес вопросительно:

— Хак? Хак?

В это выражение он вкладывал вопрос: «Вы поняли?» Но другие чунги лишь смутно уловили, что он хочет им сказать. Безволосый сделал что-то камнем. Но что именно он сделал и что сталось с камнем? Слабые проблески сознания еще не могли осветить им этот вопрос.

Все-таки странные движения Безволосого, выражение его лица и непонятные звуки сильно возбудили в них любопытство. И когда он, подпрыгивая и делая вид, что режет кремнем, побежал обратно к подкопанному кусту, все побежали вслед за ним, всем хотелось увидеть «интересное».

Безволосый привел их к кусту, присел возле и принялся резать острым ребром кремня подрытые корни.

— Хак? Хак? — повторял он, перерезав какой-нибудь корень, и оборачивался к окружившим его чунгам, словно спрашивая: «Видите? Видите?»

Смелый молча, сосредоточенно глядел на то, что делает Безволосый. Брови у него поднимались все выше и выше, выражая мучительное напряжение мысли. И когда они почти достигли волос, а низкий лоб у него почти совсем исчез, он вдруг сильно затряс головой. Потом шагнул вперед, протянул руку к кремню Безволосого, взял его и долго рассматривал и ощупывал пальцами. А потом присел подле Безволосого и стал резать корень острым камнем.

Один за другим чунги стали тоже пробовать. И на этом своем первом сознательном опыте все убеждались, что кремень Безволосого действительно может резать и что впредь им не нужно будет ссаживать себе пальцы и ладони, вытаскивая и разрывая коренья, и не нужно перегрызать их зубами, как делают животные.

Через некоторое время со стороны леса донеслось ритмическое и певучее: «Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха!» Никакое животное не могло издавать таких звуков, да еще так ритмически, и все сразу поняли, что это идут чунги, что они идут в ногу и подпевают себе. И действительно, хаканье приближалось, становилось все яснее, и среди кустов появились чунги, уходившие в лес. Теперь они возвращались и шли толпой, а все вместе они несли какое-то большое мохнатое животное и радостно подпевали: «Ха-кха! Ха-кха! Ха-кха!»

Эта группа убила большого мо-ка. Они поели, сколько могли, и вспомнив, как переносили Молодую пому, догадались перенести и мо-ка, потому что, если бы оставили его в лесу, его съели бы хищники. И теперь они шли и радовались не только тому, что будут есть его и на другой день, но и тому, что догадались перенести его в пещеру.

Когда мо-ка внесли, Безволосый начал и его резать своим острым кремнем. Видя это чудо, вернувшиеся из леса чунги начали всхлипывать от удовольствия, а потом попробовали резать и своими камнями. Но их камни не могли резать так, как кремень Безволосого, так что многие выбросили их и отправились искать более острые.

Долгое время Молодая пома пролежала в пещере, а чунги чередовались по двое, чтобы защищать ее, если в пещеру опять вскочит хищник. Все это время лес оставался безлиственным, а иногда небо покрывало его белым. Сначала чунги сердились на это белое, так как оно очень холодило им ступни. Потом привыкли и уже не ощущали такого холода, но все-таки негодовали, если с утра видели на земле белый покров.

Но вот начались дожди. Подул теплый ветер, облака поднялись высоко, разорвались и открыли ясную синеву неба. Белое светило стало греть сильнее, на припеке поднимался тонкий пар, и не успели чунги

понять, что происходит, как на верхних побегах деревьев и кустов появились почки. Вместе с тем среди высохшей травы показались молодые, сочно-зеленые стрелки, а однажды утром послышалась песенка чу-ру-лика.

Все чунги вышли из пещер. Грудь у них наполнилась свежестью, и они жадно вдыхали тихое, теплое дуновение с юга, полное тонкого, едва уловимого запаха молодой зелени.

Чунги жадно набросились на молодые верхние побеги сладкоплодных кустов. Но не успели они насытиться ими, как лес начал зеленеть. Голые ветки покрылись хрупкими светло-зелеными листиками — сначала самые тонкие и высокие, потом все более толстые и низкие. Кусты и поляны покрылись цветами, вокруг древесных стволов обвились тонкие вьющиеся стебли.

Чунги радовались и удивлялись этой перемене в лесу. Кровь бодрее разлилась у них по жилам, грудь дышала прохладой и свежестью. Молодая пома, присев на припеке перед пещерой, переводила взгляд во все стороны, и в глазах у нее светилась весенняя радость. Она уже совсем поправилась, могла ходить выпрямившись, не хромая, и нога у нее не болела.

Молодая пома осталась красивой даже после долгого лежания, — она была красивее всех других пом в большой группе, так как на теле у нее было совсем мало шерсти. Скоро должен был появиться на свет ее детеныш. Как в свое время Старая пома и Бурая пома, Молодая не знала, когда это произойдет, но и она предчувствовала, что это будет скоро, и радовалась.

Эта радость наполняла все ее существо — нежная радость, совсем непохожая на радость чунга, убившего какое-нибудь животное. Она не могла себе представить, как будет держать своего детеныша, как будет его кормить, ласкать и гладить. Не могла она и представить, как он будет выглядеть, но чувствовала, как будет с ним счастлива, как будет его любить, и всем своим существом ждала его появления.

Но предчувствие счастливого материнства обмануло Молодую пому, так как детеныш, едва родившись, жалобно поскулил раз или два, а потом затих и не шевельнул больше ни ручкой, ни ножкой. Молодая пома поняла, что детеныш умер, прижала его к себе и начала визжать и выть. Она визжала и выла два дня и две ночи, а когда трупик начал пахнуть, чунги взяли его у нее и отнесли за пещеру, где засыпали ветками и камнями. Но это не принесло Молодой поме никакого утешения. Она продолжала выть и плакать, хотя Безволосый все время сидел около нее. Он понимал ее страдания, хотел помочь ей, но сознавал, что не может, и только сочувственно хакал: «Хак? Хак?» Но Молодая пома даже не замечала его — так велика была ее материнская скорбь.

Еще один день и одну ночь Молодая пома ревела и скулила о своем детеныше, так что вокруг нее другие чунги не могли спать спокойно. А на рассвете она завыла от боли в груди: невысосанное детенышем молоко распирало ей грудь и сводило с ума от боли. Она пробралась к скале, по которой сочилась вода, выпрямилась и прижалась к ней воспаленной грудью. Холод облегчил ей боль, она почувствовала себя лучше и на время перестала скулить.

Снаружи в устье пещеры начал проникать синеватый свет. Весеннее утро вставало, светлело все больше и больше, и вместе со все усиливавшимся, все более белевшим светом чунги начали шевелиться и тоже вставать.

Вдруг слабое, трепетное повизгиванье какого-то животного заставило их вздрогнуть и вскочить. Схватив кто камень, кто палку, они кинулись вон. Молодая пома тоже кинулась за ними. Так прерывисто скулить не мог никакой крупный и сильный хищник, — в этом чунги были уверены. Но какое же другое животное посмело бы подойти к их пещере, да еще днем? Ведь от чунгов убегали все-все звери. Убегали, едва почуяв их. Может быть, это опять тот старый чунг, который пугал их ночью, завывая над расселиной в скале?

Но нет. Это был только большой рыжеватый ла-и. Он лежал как раз у входа в пещеру. Из шеи у него текла кровь, а под головой образовалась большая кровавая лужа. На одном плече кожи совсем не было и краснело оголенное мясо. Задние лапы тоже были изодраны и в крови.

Чунги тотчас же подавили свое угрожающее рычание, побросали камни и ветки и захлипали от удивления, собрались вокруг ла-и и озадаченно разглядывали его. Очевидно, он боролся с и-водом или другим хищником, боролся не на жизнь, а на смерть, и был смертельно ранен. Но как и почему он добрался до их пещеры? Может быть, он вышел победителем из этой борьбы, победителем ценою жизни, и приполз сюда из последних сил?

Перед столь ясной картиной в сердце всякому чунгу упала теплая капля сострадания, хотя ла-и были только животными, да еще опасными, когда собирались стаей. И никто из них не подумал добить и съесть этого ла-и, а все пристально глядели, как он умирает.

И он действительно умирал. Он не шевелил ни головой, ни лапами. Дышал с трудом, прерывисто, время от времени раскрывая пасть, словно ему не хватало воздуха. Глядел мутно и, наверное, уже не видел, что над ним наклоняются страшные чунги.

Вдруг Молодая пома громко всхлипнула, растолкала других чунгов, быстро наклонилась над ла-и и схватила его за переднюю лапу. Эта лапа у ла-и была наполовину перекушена, и по ней пома узнала прежнего «их» ла-и. Несмотря на свою боль и скорбь, она радостно

заурчала, схватила голову ла-и, приподняла ее и заглянула в потускневшие глаза. Ла-и смотрел неподвижно, с едва заметным трепетанием век. Узнает ли он ее? К ней и к маленьким чунгам он был привязан сильнее, чем ко всем прочим...

И вот... Он слегка шевельнул кончиком черного носа, словно нюхал ее, раз или два моргнул, слегка шевельнул хвостом и стукнул им по земле. Нет, сомнений не было, он помнил чунгов, спасших его от и-вода, помнил свое прежнее убежище и, наверное, сейчас, после кровавой борьбы с хищником, сознательно добрался до их пещеры, чтобы найти защиту у них.

— Ух-кха-кха! Ух-кха-кха! — изумленно закричали чунги, тоже узнав по перекушенной лапе «своего» ла-и, и наклонились над ним еще ниже, с еще большим сочувствием. Ла-и, словно понимая их сочувствие, шевельнул ушами и тихо заскулил.

— Ух-кха-кха! Ух-кха-кха! — запрыгали радостно чунги, поняв, что ла-и узнал их и обрадовался.

Он снова стукнул хвостом оземь и попытался приподняться. И тут чунги увидели такое, чего никогда еще не видели: под брюхом у ла-и лежали детеныши, совсем крохотные ла-и, числом столько, сколько пальцев на одной руке.

Крошечные ла-и с писком шевелились у брюха матери и тыкались в него мордочками.

Ла-и с усилием приподнял голову и поглядел на них. Потом вдруг, уронив голову, вытянулся и не шевелил больше ни лапой, ни ухом, ни хвостом. Лежал неподвижно, слегка оскалясь, и все чунги поняли, что он умер.

Несчастный ла-и словно только и ждал, чтобы произвести на свет детенышей, покормить их и умереть. Крошечные ла-и сосали еще теплое молоко и шевелили ушками и хвостиками. Но потом стали отваливаться от матери и тихонько скулить: материнское молоко остыло и перестало течь.

Помы тревожно заурчали и захлипали: мать умерла и оставила своих детенышей беспомощными! И хотя ла-и был только животным, каждая испытывала к нему сочувствие как мать к матери, а к еще слепым детенышам — жалость как к своим детям. Молодая пома, которая потеряла своего детеныша раньше, чем успела ему порадоваться, в которой эта потеря создала огромную пустоту, была потрясена материнскими чувствами. Глядя на крошечных, пищащих ла-и, она ощущала, как эти чувства покоряют ее, как что-то сильное и непобедимое влечет ее к ним, к этим детенышам умершей матери. Неудовлетворенный материнский инстинкт, вся ее кровь, все напиравшее в грудь молоко влекли ее к несчастным, осиротевшим детенышам, и она не могла не повиноваться этому первобытному зову жизни. Она присела подле

мертвого ла-и, протянула руки к двум детенышам, осторожно подняла их и с внезапно пробудившейся нежностью поднесла к груди. Слепые детеныши тотчас же начали сосать ее, помахивая хвостиками. И Молодая пома почувствовала, как с нее сваливается какая-то тяжесть, как ей становится все легче, как великая скорбь по умершему маленькому чунгу тает, тает... Она почувствовала, как эта скорбь сменяется чем-то милым и теплым, счастливым и радостным, словно эти маленькие ла-и стали ее родными детьми...

Радостно урча и нежно прижимая к себе маленьких детенышей, она встала и ушла в пещеру. И Безволосый, вытаращив глаза от изумления, ушел следом за нею.

— Хак? Хак? — изумленно и вопросительно хакал он, словно спрашивал: «Что это? Что это?»

Чунги долго оставались вокруг умершего ла-и и трех детенышей, которые продолжали пищать и тыкаться в мать мордочками. Потом, проголодавшись, они ушли в лес, а когда белое светило стало заходить и они вернулись, то детеныши уже умерли. Двое доползли до оскаленной морды своей матери, а третий свернулся у нее под шеей.

Никто из чунгов не захотел есть их мясо. Близнецы поиграли с ними, а потом, вспомнив, как взрослые уносят мертвецов за пещеру и засыпают их ветками, по их примеру отнесли туда же и ла-и и тоже засыпали их.

И БОЛЬШАЯ СТАЯ ДВИНУЛАСЬ ВПЕРЕД...

Снова лес утонул в буйной зелени, снова деревья украсились большими и малыми плодами. Но плоды были еще очень кислые и вяжущие, так что чунги питались только луковицами и мясом убиваемых животных. Первоначальная жадность к верхним побегам некоторых кустов у них прошла, так как побеги не насыщали их, сколько бы их ни съесть.

Стало совсем тепло, и чунги могли бы ночевать в лесу под открытым небом. Но, привыкнув и бессознательно привязавшись к своей пещере, они каждый вечер возвращались в нее еще до того, как зайдет белое светило, а потом до темноты оставались перед входом. Одни чесались, другие искались, детеныши играли, ссорились, кричали. Иногда и между взрослыми возникала из-за чего-нибудь ссора, и все поднимали такой крик, что его слышно было издали, и потому другие животные легко угадывали, что все эти пещеры населены.

Случалось, что из норки в земле появлялся и полз твердокрылый брум-брум, и тогда маленькие чунги окружали его и долго забавлялись, разглядывая. Если у брум-брум были большие клешни и он щи-

пался ими, детеныши тыкали в него прутиками и переворачивали на спину. Брум-брум вертелся и шевелил лапками, словно ловил воздух, а они радостно ухмылялись и всхлипывали. В конце концов кто-нибудь из них хватал его и с удовольствием съедал.

Двое маленьких ла-и, которых кормила Молодая пома, подросли и начали играть. Для взрослых чунгов самой большой забавой было смотреть, как они борются и кусают друг друга. Но, конечно, ла-и понимали, что это игра, так как сколько бы ни кусались, да еще и рычали при этом, ни у кого из них не появлялась кровь, ни один не визжал от боли, а оба только виляли хвостиками.

Оба ла-и были светло-рыжие, как их мать, с торчащими ушками и острыми мордочками. Молодая пома видела и сознавала, что это вовсе не маленькие чунги, а просто ла-и, но любила их как родных детей. Ла-и, проголодавшись, всегда бежали прямо к ней и начинали жалобно-прежалобно скулить, они узнавали ее.

Двое маленьких близнецов, которые уже не были маленькими, но не стали еще и взрослыми чунгами, тоже любили играть с ними, как играли с их матерью, когда она была вот таким маленьким ла-и. Давали им кусать себя за пальцы, а маленькие ла-и уже умели кусать, но совсем не больно.

Никто из чунгов не удивлялся, что при них живут другие животные, да и ла-и не боялись их — так они привыкли друг к другу. И не только никому из чунгов не приходило в голову съесть ла-и, как всякое другое животное, но при встрече с опасным зверем взрослые чунги и бездетные помы отбрасывали Молодую пому назад, к помам с маленькими детенышами, и были готовы защищать маленьких ла-и, как настоящих своих детенышей.

Однажды группа Смелого вернулась в пещеру раньше обычного. Для группы этот день был неудачным, так как при встрече с грау пал жертвой Одноглазый. Грау напал неожиданно, и прежде чем чунги успели опомниться и пронзить его острыми ветками, он загрыз Одноглазого. И он напал на Одноглазого со стороны ослепшего глаза, так что тот не мог увидеть его и нанести точный удар своей веткой — и погиб.

Вернувшись в пещеру, чунги вскоре вышли из нее и уселись на припеке. С холмистой вершины над пещерой было видно далеко, а на западе лес терялся в этой безграничной дали. Белое светило уже заходило, и весь горизонт пылал оранжево-красноватыми отблесками.

Потом все стало оранжево-красным: и белое светило, и разорванные, плывущие по небу облака, и далекие темные горы. А потом пылающее оранжево-красное зарево заката залило и близкие деревья, и скалы, и самих чунгов. Чунги, никогда еще не видевшие ничего подобного, испуганно заревели, начали скакать и бить в ладоши: сго-

рит небо, сгорит лес, сгорит и белое светило, и впредь всегда будет только темнота...

И действительно, белое светило начало словно угасать, а к нему медленно подползало большое пышное облако. И чем ближе подползало, тем страннее делалась его форма. Из светло-оранжевого оно стало рыжеватым, пошли по нему темные полосы, а спереди образовалась словно звериная голова. Сзади у него вырос хвост, потом выросли передние и задние лапы, а на голове появились торчащие уши. И этот удивительный зверь раскрыл пасть, обнажил острые зубы, засверкал яростными желтыми глазами, растопырил широкие лапы с искривленными когтями и...

Чунги заревели:

— Грра-у! Грра-у! Грра-у!

Они узнали в облаке грау, который загрыз Одноглазого: тот же рыжеватый цвет шерсти, те же темные полосы на боках и спине... Он подползал все ближе к солнцу — еще немного, и схватит его своей разинутой пастью...

— Гррра-у! Грра-у! Грра-у! — ревели чунги в ужасе от мысли, что грау вот-вот съест белое светило.

И грау впрямь схватил белое светило, из которого потекла кровь. Оно начало гаснуть со стороны укуса и вскоре совсем угасло; и только по краю осталась светлая полоска. Пылающий горизонт тоже погас, а над всем лесом спустился сумрак Чунги и деревья перестали отбрасывать тени и сами сделались похожими на тени — так темно стало повсюду...

Чунгов удивляли и изумляли многие явления природы и другие случаи, но они поражали их первобытное сознание не как чудо, а как что-нибудь новое, неиспытанное, увиденное впервые. Но сейчас перед ними было настоящее чудо: как может грау, загрызший Одноглазого и не имеющий крыльев, подняться на небо, ходить по нему и не падать? Как мог этот грау съесть белое светило? Это было чудом, которое они видели собственными глазами и равного которому еще не бывало.

Не зная, что делать, чунги стремглав кинулись в пещеру и сбились в кучу. Они чувствовали, что пещера спасет их от того невиданного и неслыханного, которое им угрожает и перед которым они ощущают только ужас. Так провели они ночь в страхе, совсем непохожем на все другие страхи, пережитые ранее: темном, неопределенном и оттого еще более тяжелом и давящем. И лишь когда в устье пещеры появилась белизна рассвета, этот страх начал рассеиваться и исчезать. Молча, с чувством какой-то особенной робости вышли они из пещеры: впереди всех Смелый, за ним, почти касаясь его спины, Безволосый. За Безволосым шла Бурая пома, а по обеим ее сторонам — оба близнеца. Потом — Молодая пома, а под ногами у нее увивались маленькие ла-и, слегка

поскуливая от голода, так как молока Молодой помы им уже не хватало. Потом все прочие чунги, а сзади всех Трусливый, который после того, как грау загрыз Одноглазого, стал еще трусливее. Они вышли из пещеры в тот самый момент, когда восходило белое светило, и онемели от изумления: оно было цело, грау не съел его. оно сияло и рассыпало свои теплые золотые лучи!

Чунгов охватило какое-то совершенно новое чувство. Это чувство было не только радостью, но и каким-то трепетным благоговением, какою-то благодарностью и преклонением перед этим могучим белым светилом, которое было съедено страшным грау, но которое снова взошло, снова грело их; которое стояло недостижимо высоко и было сильнее самого сильного грау, сильнее всего-всего...

Впервые обратившись к белому светилу с чувством благоговения и почтения, чунги долгое время созерцали его восход. В душе у каждого из них теснились мысли и чувства, все более смутные, странные, необычайные. У них еще не было слов, чтобы выразить эти чувства, это неясное, смутное благоговение перед могуществом белого светила, это почтение перед его восходом. Не было слов, чтобы выразить сознательное преклонение перед ним, но все ясно понимали, что, хотя видели его до сих пор тысячи и тысячи раз,— только сегодня видят его по-настоящему, только сегодня понимают его...

Тогда все чунги подняли руки кверху и в порыве дикой радости, счастливые тем, что белое светило снова взошло, начали выкрикивать:

— А-ла, а-ла, а-ла, а-ла!

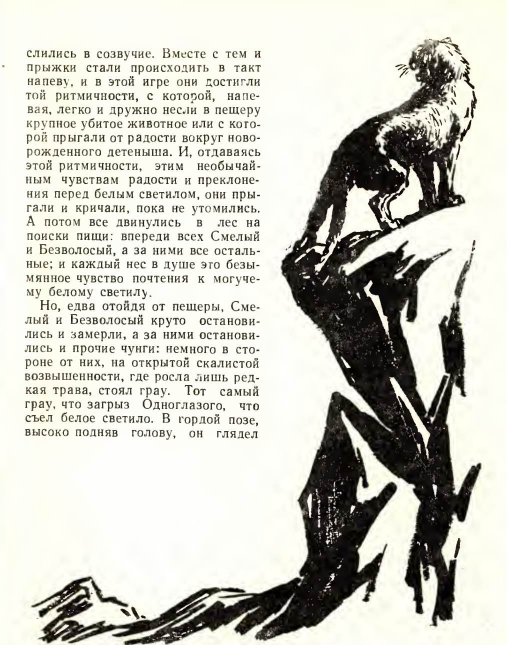
Молодая пома начала еще и подпрыгивать, вслед за нею запрыгали и другие чунги, завертелись, образовали круг и, простирая руки к белому светилу, стали напевать в один голос:

— А-ла, а-ла, а-ла, а-ла!

Постепенно голоса у них

слились в созвучие. Вместе с тем и прыжки стали происходить в такт напеву, и в этой игре они достигли той ритмичности, с которой, напевая, легко и дружно несли в пещеру крупное убитое животное или с которой прыгали от радости вокруг новорожденного детеныша. И, отдаваясь этой ритмичности, этим необычайным чувствам радости и преклонения перед белым светилом, они прыгали и кричали, пока не утомились. А потом все двинулись в лес на поиски пищи: впереди всех Смелый и Безволосый, а за ними все остальные; и каждый нес в душе это безымянное чувство почтения к могучему белому светилу.

Но, едва отойдя от пещеры, Смелый и Безволосый круто остановились и замерли, а за ними остановились и прочие чунги: немного в стороне от них, на открытой скалистой возвышенности, где росла лишь редкая трава, стоял грау. Тот самый грау, что загрыз Одноглазого, что съел белое светило. В гордой позе, высоко подняв голову, он глядел

далеко перед собою, словно не думал ни о чем больше, как только о том, чтобы получше показать свою красоту.

Изумленные, испуганные тем, что видят того самого грау, который съел белое светило, чунги отступили. Никому из них не пришло в голову зареветь или швырнуть в него острой веткой, никто не подумал напасть на него или прогнать. Да и как посмели бы они сделать это, если этот грау был не простой грау? Как посмеют они сделать это, когда грау опять может вскочить на небо и съесть белое светило? Вот и сейчас он глядит на него, вот и сейчас готовится вскочить...

И чунги, не отрывая глаз от огромного хищника, снова запрыгали, размахивая руками на грау, и заревели:

— А-ла, а-ла, а-ла, а-ла!

Этим они молили грау не есть белое светило. «Оставь белое светило и не ешь его! — говорил их напев. — Мы больше не будем бросать в тебя ветки и камни, и если ты не нападешь, не будем тебя убивать. Ибо если ты съешь белое светило, то станет темно, навсегда темно, а мы не можем видеть в темноте так, как ты. Если ты голоден, мы оставим тебе половину мо-ка, или теп-тепа, или другого животного, какое убьем. И когда кто-нибудь из чунгов умрет, мы не будет засыпать его камнями и ветками, а оставим непокрытым, чтобы ты мог съесть его...»

Услышав крики появившихся чунгов, грау повернул к ним голову. Он слегка шевельнул ушами и вперил в чунгов свои желтые глаза, но остался все таким же спокойным и гордым. Потом, словно не увидев ничего интересного, медленно отвернулся, зевнул и спокойно ушел в противоположную сторону, даже не глядя больше на чунгов. Чунги перестали размахивать руками, прекратили свое необычайное пение и не могли опомниться от удивления и радости: грау послушался их, грау ушел и не вскочил на небо, грау не съест белое светило!

Впервые случилось так, что грау ушел при встрече с чунгами, даже не заревев угрожающе и не показав своих белых острых зубов. И впервые чунги, встретив грау, не напали на него. Их было много, и если бы грау напал, они убили бы его, так как все были вооружены сучьями и камнями, причем у Безволосого камень был такой острый, что мог бы разрезать его на куски. Но грау, наверное, понял, что хотели ему сказать, о чем его просили, и потому послушался и ушел спокойно.

Да, они умилостивили его своей просьбой и впредь, увидя его, не будут нападать, не будут убивать, если он не нападет первым. Они опять попросят его, и он не съест белое светило. Оно будет восходить каждый день, как восходило и до сих пор.

Весь этот день чунги оставались под сильным впечатлением этой необычайной встречи с грау и постоянно озирались: не появится ли он опять откуда-нибудь. Сами не зная почему, в этот день они не посмели уйти далеко от пещеры. Они довольствовались луковицами, и, выка-

пывая их, Безволосый нечаянно разломил свой острый кремень надвое. Он отбросил обе половины и стал искать себе другой острый камень, все время стараясь не отдаляться от прочих чунгов, и в конце концов нашел камень, удобный для того, чтобы схватить и ударить им. Конечно, у него не было таких острых ребер, как у того кремня, и подкапывать им было труднее, а резать коренья он вообще не мог, но при ударе о другой камень от него отломился довольно большой кусок. От этого ребра у него сделались острее, но держать его стало неудобно. Там, где его приходилось обхватывать рукой, осталось острое ребро, мешавшее держать крепко. Безволосый отбросил его и начал искать другой камень, но не нашел и снова взял его. И, даже не понимая, какое чудесное открытие совершает, он слегка ударил другим камнем по мешавшему держать ребру, и торчавшее ребро отскочило. Он ударил еще раз, и отскочил еще кусочек. Безволосый попробовал охватить камень рукой. Камень стал удобнее, но не совсем — ребро нужно было еще немного оббить. И Безволосый начал легко, осторожно оббивать его, стараясь не поломать. Так, не предвидя, куда его может привести эта новая догадка, он изменил первоначальную форму камня.

Заинтересовавшись этим преобразованием, какого не совершал еще никто из чунгов, Безволосый начал разглядывать и ощупывать камень. Это новое сознательное действие было интересным само по себе, и он продолжал оббивать камень уже не для того, чтобы получить остроконечную, острореберную форму, а ради самого действия. Порода камня позволила округлить его ребра путем постукивания, и он превратился в прочную, очень удобную копалку.

— Хи-кхи! Хи-кхи! — всхлипнул от удовольствия и радости Безволосый. Он радовался не столько самой копалке,— так как не понимал, для чего она могла бы послужить ему,— сколько тому, что сделал нечто такое, чего не могло бы сделать ни одно животное и не делал еще ни один чунг.

Его особенное всхлипывание привлекло внимание других чунгов. Они подошли к нему, окружили, следили глазами за его новой деятельностью. Высоко поднимая брови, любопытно вытаращив глаза, они шевелили губами от удивления, не понимая, что делает Безволосый.

Смелый подошел к нему, протянул руку к камню и заставил Безволосого прекратить оббивание. Он взял камень, начал разглядывать и ощупывать, словно открывая в нем что-то новое, скрытое до сих пор. Ясно виднелись следы грубого, первобытного моделирования, совершенного рукой Безволосого. И ясно было, каким удобным для хватания и подкапывания стал камень после этой обработки.

Смелый первым принялся обрабатывать и свой камень. За ним принялись и прочие чунги. Даже те, у которых камни были удобными от природы, тоже стали оббивать их. Некоторые при этом даже попро-

сту разбили свои камни, но это не имело для них значения. Важно было то, что они по своей воле изменяли форму камней, делали их другими, и это действие наполняло их удовольствием и радостью.

Понятно, эта первая обработка камня была настолько грубой, что копалки почти не отличались от естественных камней. Но это грубое оббивание уже было настоящим отпечатком руки, плодом уже пробудившегося сознания. И эти копалки, эти грубо оббитые камни, были первыми изделиями чунгов, первыми изделиями на земле.

Однажды к вечеру чунги, как обычно, возвращались к своим пещерам. Если не считать необычайной встречи с грау и особенного страха перед ним, какой они испытывали впервые в жизни, все были очень довольны этим днем, так как копалки им очень нравились. Смелый, Безволосый и Молодая пома проявили настоящее мастерство в обработке камней; их копалки были удобнее, чем у остальных чунгов. Эти копалки не причиняли боли пальцам, не ранили ладоней, так как ребра у них были хорошо оббиты и заглажены.

Конечно, эти «мастерски» изготовленные копалки работали немногим лучше обычных, естественно острых камней. Чунги вкладывали в выкапывание кореньев и луковиц почти такие же усилия и труд, что и раньше, но им казалось, что работа идет легче. Им так нравилось работать этими копалками, что они копали землю почти весь день, не пытаясь убить какое-нибудь животное, а ели только луковицы.

Группа Смелого приближалась к своей пещере. Первыми бежали вперевалку молодые близнецы, останавливаясь с острым любопытством перед всем, что только привлекало их внимание. За ними бежали рысцой молодые ла-и, все время оборачиваясь, чтобы увидеть, идет ли за ними Молодая пома. Они больше не сосали ее, но не ели ни луковиц, ни плодов, а только мясо и постоянно совались мордочками в кусты в поисках брум-брум, жу-жу, ми-ши и еще бескрылых кри-ри. Молодая пома, идя рядом с Безволосым, ни на миг не отрывала взгляда от них, понимая, что они еще нуждаются в материнской охране.

В центре группы шли Смелый и Бурая. Оба уже порядочно постарели, а в шерсти у них кое-где виднелась седина. Но оба были еще сильными и отважными, а Смелый все еще оставался первым вожаком.

Вдруг вся группа, как один, вздрогнула и застыла на месте. Над пещерой, где на припеке было любимое место чунгов, стоял тот самый грау. Стоял спокойно на краю отвесной скалы, как раз над входом в пещеру, и, подняв голову, глядел на низко опустившееся белое светило. Красные закатные лучи зажигали в его рыжеватой шерсти огненные отблески.

Никто из чунгов не подумал швырнуть в грау суком или камнем. Его вездесущие поразило их, и каждый решил, что теперь он, навер-

ное, захотел жить в их пещере, а если они прогонят или убьют его, то он рассердится, вскочит на небо и съест белое светило...

Испугавшись, чунги стали безмолвно отступать назад: пусть грау не думает, что они хотят прогнать его, пусть живет в их пещере, они добровольно уступают ему ее. И шаг за шагом, словно подкрадываясь к какому-нибудь животному, они вернулись в лес, а потом повернули к ближайшей пещере другой группы чунгов, чтобы переночевать там.

Встревоженные и испуганные, они передали свою тревогу и чунгам другой группы. Эти чунги стали вертеться вокруг них, всхлипывать и хакать:

— Хак? Хак? — спрашивали они, заглядывая им в лица и мигая удивленно и тревожно.

— Грра-у! Грра-у! Грра-у! — испуганно повторяли чунги группы Смелого. Вместе с тем они указывали то на лес, то на западный горизонт, где скрылось белое светило, то подпрыгивали, протягивая руки к небу; и все это еще больше озадачивало чунгов в этой пещере. Они догадывались, что пришельцы хотят рассказать им что-то о грау. Но поскольку еще никто из чунгов не выказывал такого страха перед грау, то естественно было заключить, что пришельцы думают о чем-то другом, еще более страшном. Но что же может быть страшнее грау?

Пещера не могла вместить всю группу Смелого, и почти половина ее ночевала перед входом. На рассвете чунги опять увидели близ этой пещеры того самого грау, и снова их охватила тревога: грау хочет жить и в этой пещере, грау преследует всех чунгов и отнимает у них пещеры, а иначе вскочит на небо и опять съест белое светило!

Грау постоял, поглядел сверху на чунгов, потом повернулся и скрылся в лесу, а Смелый взобрался на гору над пещерой, встал на высокую скалу и испустил громовой рев:

— У-о-кха-а! У-о-кха-а!

— У-о-кха-а! У-о-кха-а! — откликнулось вблизи и вдали, и вскоре разбросанные по пещерам группы собрались в большую стаю. Под предводительством Смелого стая двинулась вперед, оставляя пещеры во владение этому необыкновенному вездесущему грау, только бы он не вскочил опять на небо и не съел белое светило.

МЕЖДУ ТЕМ ДНИ ШЛИ ОДИН ЗА ДРУГИМ...

Созрели плоды на ветвях деревьев, и скитавшиеся по обширному лесу чунги почти перестали выкапывать корневища и луковицы. Но они не бросили своих копалок. Напротив, вложив свой первобытный труд в обработку этих камней, они ценили их выше, чем ветки, у которых довольно было только обломать верхушку. И если кому-либо из них

случалось поломать свою копалку, он не успокаивался, пока не делал себе новую.

Им казалось, что всякий камень, над которым потрудились их руки, превосходит все другие камни в естественном состоянии. А так как им, кроме того, нравилось делать что-нибудь, вместо того чтобы стоять бездеятельно и только мигать глазами, то, едва увидав подходящий для копалки камень, они начинали оббивать его. Эта деятельность была с виду бесполезна, но она доставляла им удовольствие и словно удовлетворяла какую-то внутреннюю потребность. Вместе с тем она все больше и больше изощряла их внимание и наблюдательность и развивала ловкость пальцев. Здесь нужно было думать, соображать, следить, чтобы не ушибить себе пальцы, знать, как лучше держать камень, как и где его стукать.

Молодые чунги-близнецы, более сообразительные от рождения и пользовавшиеся, подрастая, готовым опытом старших, догадывались обо всем быстрее и первыми начали оббивать свои копалки, обстукивая их не о другие камни, а друг о друга. Они также научились хорошо распознавать хрупкие камни и никогда не хватали их, чтобы оббивать, а выбирали только самые прочные. Тщательно оббив ребра, они хорошо оглаживали камень, и он был похож на толстый рог грузного мута. Они перестали делать копалки из легких камней, так как те легко крошились, да и животные от удара такими камнями умирали не сразу.

Ночевали чунги под открытым небом. Они не боялись, что на них может напасть неожиданно какой-нибудь опасный хищник, так как у двух ла-и, уже подросших, была чудесная способность никогда не спать и чуять зверей еще издали. Едва почуяв, что к стае приближается какое-нибудь животное, они всегда вскакивали и рычали. Тогда вскакивали и чунги и, следуя за ла-и в направлении учуянного хищника, прогоняли или убивали его.

Способность ла-и чуять животных еще издали была поистине чудесной, и чунги стали устраивать с их помощью настоящую охоту. Ла-и двигались перед ними, крадучись, непрестанно нюхая то воздух, то землю, и всегда приводили чунгов к какому-нибудь кусту. Там они бешено кидались вперед и, если там был жиг, ланч, ри-ми, кат-ри или другой мелкий хищник или кроткое животное, они сами нападали и загрызали его. Но если там был гри, мо-ка, виг или и-вод, они осмеливались нападать только после того, как чунги убивали его камнями или сучьями.

Ла-и никогда не расставались с чунгами. Постоянная совместная жизнь, кормежка, защита от крупных, сильных хищников, которую чунги оказывали им и которую они сознавали,— все это глубоко укоренилось в их крови и покорило их окончательно. Быть может, видя, как чунги ходят на задних лапах, как размахивают передними во все

стороны, как ловят ими все, что захотят, роют ямки в земле, ломают камни и ветки, лазают по деревьям, убивают огромных хищников,— видя все это, ла-и считали их всесильными существами. И, может быть, это всесилие двуногих существ пробуждало в них чувство уважения, преданности, привязанности... Этого никто не знал, даже двое близнецов, да никто и не задумывался над вопросом, почему ла-и так преданы им.

Ла-и радостно виляли хвостами перед всяким чунгом из большой стаи, но подлинно своими считали только чунгов группы Смелого. За Молодой помой они тоже следовали неотлучно. Это позволяло Безволосому и Молодой поме часто отставать или уходить вперед от постоянно движущейся в лесу группы: ла-и всегда были с ними, и никакой хищник не мог напасть на них врасплох.

Однажды оба, далеко обогнав остальных чунгов, вышли на более открытую местность. Здесь не было высоких толстых деревьев, не было непроходимых кустов. Но были огромные обгорелые стволы, молодая густая поросль, оплетенная пестроцветными лианами, тон-

коствольные молодые деревца и отдельные уцелевшие крупные деревья. Вероятно, тут бушевал пожар, но небо не позволило ему сжечь весь лес, а вовремя погасило его проливными слезами.

Молодая пома забралась в кусты, по верхним ветвям которых краснели целые гроздья вкусных ягод, и вся опуталась при этом вьющимися лианами. Когда она вылезла оттуда, то губы и пальцы у нее были красными от ягод, а вся она разукрасилась целыми гирляндами цветущих лиан — по рукам, по туловищу. Лианы обвились ей и вокруг шеи и спускались на грудь, как ожерелье.

Увидев себя такой разукрашенной, она захлипала от удовольствия. Этот живой наряд так понравился ей, что она стала сама прилаживать на себе лианы получше. Потом, испытывая потребность поделиться своим удовольствием, она подняла глаза на Безволосого и радостно окликнула его:

— У-о-кха! У-о-кха!

Безволосый обернулся, увидел ее, всю обвитую цветущими гирляндами, и стал пристально всматриваться, словно не узнавая.

— У-о-кха! У-о-кха! — повторяла Молодая пома все так же радостно и оглядывала себя, словно говоря: «Смотри, смотри».

— Хак?—вопросительно произнес Безволосый, подошел к ней и

пощупал ее цветущие ожерелья. То, что сделала Молодая пома, понравилось ему, и он произнес с видимым удовольствием:

— Вуа-кву-у!

— Хак? — спросила в свою очередь Молодая пома, не поняв произнесенных им звуков.

— Вуа-кву-у! Вуа-кву-у! — повторил Безволосый, словно желая сказать: «Очень красиво, очень красиво!»

Он побежал к кустам, чтобы нарвать лиан и самому разукраситься ими. Вскоре их нагнали остальные чунги, а когда увидели наряд Молодой помы, он им очень понравился. И в то время как чунги окружили Молодую пому и всхлипывали от явного удовольствия, разглядывая ее, помы быстро начали обматывать себя по плечам и вокруг туловищ цветущими стеблями, чтобы тоже понравиться самцам.

Украсившись так, все продолжали бродить по лесу, лакомясь сладкими ягодами на густом молодом кустарнике. Безволосый и Молодая пома в сопровождении двух ла-и снова обогнали их и набрели на огромный поваленный ствол с ободранной корой. Поперек ствола лежала прямая сухая ветка, брошенная сюда бурей или каким-нибудь другим чунгом.

Виденные перед этим обгорелые стволы и теперешнее впечатление от ствола с переброшенной через него веткой пробудили у Молодой помы воспоминания об огне над пещерой, который сделали они со Смелым. Она вспомнила также давнишний пожар в лесу, глубоко врезавшийся в ее детское сознание, и остановилась перед стволом, широко раскрыв глаза. В ее воображении ствол загорелся. Вот... вот они вдвоем со Смелым взяли положенную поперек палку и быстро трут ею о ствол... Сначала появляется тонкой струйкой дымок, потом заиграли огненные язычки... Загорелась палка, загорелся весь ствол, стало жарко...

Испуганная, сама не веря такой возможности, еще робея перед собственной смелой мыслью, Молодая пома нерешительно окликнула ушедшего вперед Безволосого:

— У-о-кха-а!

Безволосый обернулся, поглядел на нее, но так как тревоги у нее в голосе не было, он снова двинулся вперед.

— У-о-кха! — крикнула Молодая пома на этот раз с раздражением и вдруг махнула ему рукой. «Иди сюда» — говорило это движение, и она была первым чунгом, который подзывал другого, махая ему рукой.

Безволосый озадаченно вернулся. Молодая пома, поглядывая то на него, то на ствол с перекинутой палкой, начала причмокивать с каким-то усилием, а горло у нее, видимо, сжимало от неудержимого желания выразить свою мысль вслух.

— У-к-ку-ку! — произнесла она, указав на ствол и палку, а поднятые брови и вытаращенные глаза выражали невероятное душевное напряжение. «Понимаешь? — словно хотела она сказать. — Из этого ствола мы опять можем сделать огонь...»

Но Безволосый не мог найти в стволе ничего примечательного, сколько ни напрягал мысль. Дерево как дерево. И он опять стал глупо хакать:

— Хак? Хак?

Молодая пома поняла, что он не понимает ее. Как передать ему свою догадку, как? Она схватила его за руку, заглянула прямо в глаза, вытянула губы и издала звук, подражая гудению огня при сильном ветре:

— Ффу-у-у! Ффу-у-у!

Потом подтащила его к стволу, схватила палку за один конец, а ему указала на другой.

— Уак-ку-ку! Уак-ку-ку! Ффу-у-у! Ффу-у-у! — повторяла она и начала быстро двигать палкой по дереву.

Только теперь Безволосый понял, о чем думала Молодая пома. Вспомнив, как они зажгли огонь над расселиной в скале, он быстро перепрыгнул через ствол и схватился за свободный конец палки.

— Уак-ку-ку! Уак-ку-ку! — радостно всхлипнул он, словно говоря: «Понял, понял! Теперь мы опять сделаем огонь!»

В это время подошли остальные чунги. Они молча стали вокруг, все еще не понимая, что те хотят сделать. Но когда Молодая пома и Безволосый начали двигать палку взад-вперед с бешеной быстротой и все по одному и тому же месту, они захлипали от радостной догадки. А когда от ствола стал подниматься легкий дымок и вскоре показались игривые огненные языки, они разразились криками восторга и полного торжества.

Чунги снова сделали огонь, не понимая, что могут сжечь весь лес. К счастью, вокруг ствола не было других сухих деревьев, а трава была совсем зеленая. Кроме того, и самый ствол горел совсем медленно. Он не давал большого пламени, а огонь постепенно вгрызался в его сердцевину.

И Смелый, и Бурая, да и все чунги постарше вспомнили, как ели печеные плоды, печеных животных и кри-ри в давнишнем пожарище, и разбежались вокруг в поисках плодов и та-ма. Бросали их в огонь и потом вытаскивали ветками. Спеша поскорее полакомиться печеным, хватали их еще горячими, обжигали себе пальцы и подпрыгивали, вскрикивая:

— Уой! Уой! Уой!

Огромный ствол горел несколько дней и ночей, и все это время чунги ели только печеные плоды, печеных та-ма и других мелких животных, каких только могли поймать и убить. Ствол горел все время медленно, с небольшим пламенем и густым дымом, но ночью пламя светилось ярко и пугало хищников, так что те далеко обегали необычайный ночной лагерь чунгов. Потом ствол начал гаснуть, но чунгам пришлось покинуть его раньше, чем он совсем погас. Поблизости не осталось необобранным ни одно плодовое дерево, не осталось и животных, и однажды утром они снова двинулись в путь без всякого направления. Медленно догорающий, тлеющий ствол все продолжал дымиться, а когда через несколько месяцев по этим местам проходила другая большая группа чунгов, она нашла только несколько недогоревших, погасших головней.

Открыв тайну добывания огня, чунги повсюду, где ни проходили, оставляли за собою следы из головней, пепла и кострищ. Сами того не соображая, они вызвали немало стихийных пожаров, уничтожавших лес на огромных пространствах, и в этих пожарах погибло немало чунгов. Но постепенно они стали опытнее и начали устраивать костры только на таких местах, где не было риска поджечь лес. Таким образом, по ночам в лесу тут и там засверкали костры, не превращаясь в пожары, а вокруг них заметались тени плясавших от радости и удовольствия чунгов. Они давно уже оставили за собою самых умных и хитрых животных, давно уже стали побеждать с помощью веток и камней самых сильных из них, а теперь они пугают горящими головнями и грау, и хо-хо, и мута, и всяких других самых крупных зверей. Притом, какое другое животное может сделать себе копалку, добыть огонь, испечь плод или мясо? Какие другие животные ведут такую сознательную совместную жизнь? Никакие, никакие. Даже молодые близнецы, не имея опыта старших чунгов, понимали, как полезно для всех быть всегда заодно. А при своей понятливости и неуемном любопытстве они часто догадывались и открывали новые полезные факты

и вещи, которые взрослым теперь приходилось заимствовать у них, и, таким образом, опыт всех чунгов непрестанно расширялся и обогащался.

И какие чудесные догадки у них бывали! Однажды, увидев, как от удара камнем о камень рождаются искры, они подумали, что из камней тоже можно добыть огонь, ударяя их друг о друга, и попробовали это. Случайно одним из камней был мелкозернистый песчаник, другим — плоский продолговатый кремень. Конечно, никакого огня они не добыли, но песчаник так выгладил и отполировал одну сторону у кремня, что щупать ее было очень приятно. При этом ощупывании и разглядывании им бросилась в глаза шероховатая неотполированная сторона кремня, и они тоже стали тереть ее о песчаник, чтобы сделать гладкой и блестящей. Песчаник глубоко протерся кремнем и дал много мелкой пыли. Но и кремень стал блестящим, а одно ребро отточилось так, что близнецы порезали себе пальцы при самом легком нажатии. Да, этот кремень резал гораздо лучше обломков, которые чунги находили случайно или получали, ломая камни при выкапывании луковиц; и это был первый нож, сделанный руками чунгов.

Близнецы были очень впечатлительны; вспомнив, как резали корневища кремневыми обломками, они присели у одного куста со сладкими плодами и начали резать выдавшиеся над землей корни. Потом начали резать и ветки, какие потоньше: один резал, а другой прыгал рядом с ним и визжал от удовольствия и радости, так как резка веток была чем-то небывалым в жизни чунгов.

Те из чунгов, которые видели, как близнецы делали этот первый кремневый нож, такой приятный, блестящий и гладкий, тотчас же принялись делать такие ножи и себе. Так первобытная трудовая деятельность, начавшаяся в момент первого раскапывания земли камнем с целью добыть луковицы и насытиться, придавала их рукам все бо́льшую гибкость и подвижность, совершенствовала их все более.

Между тем дни незаметно шли один за другим. Как с незапамятных времен, так и теперь непонятно для чунгов они превращались в месяцы, месяцы — в годы, годы — в столетия. Все это время чунги непрестанно изменялись: старые умирали, молодые старели и тоже умирали, а на их место рождались другие, измененные. У этих измененных, в свою очередь, рождались еще более измененные детеныши, а их большая группа непрестанно увеличивалась и изменялась. Когда она стала очень большой, некоторые чунги отделились от нее и исчезли в непроходимом лесу. Потом, когда им случалось встретиться, они уже не узнавали друг друга и встречались как чужие. Таким образом, от большой группы Смелого несколько раз отделялись меньшие, но все же она оставалась большой. Только она была непохожа на прежнюю,

так как у всех новых рождавшихся чунгов на теле было совсем мало шерсти, а детеныши у них были еще более безволосые. Всем чунгам нравилось иметь на теле как можно меньше шерсти, и всякий чунг выбирал себе такую пому, и всякая пома выбирала безволосого чунга. Косматыми оставались только самые старые; и когда маленькие бесшерстные чунги видели такого старика, они глядели на него с любопытством и удивленно вытягивали губы.

— Ак-ба-ба-а! — протяжно произносили они, словно выражая этим свое великое отвращение. «Какой стра-а-ашный!» — хотели они сказать этими звуками и постепенно стали таким образом обозначать все, что им не нравилось.

Смелый и Бурая тоже очень постарели. Шерсть на теле у них стала совсем седой, а волосы на голове и брови побелели. Смелый был теперь не вожаком, а беспомощным старцем, и им с Бурой было трудно следовать за молодыми быстроногими чунгами. Они сильно уставали от непрерывных скитаний по лесу, часто садились и очень радовались, когда чунги подольше задерживались на одном месте. После того как у них родилось еще несколько безволосых детенышей, они тоже стали предчувствовать, что для них приближается день, когда они отстанут от группы и никогда больше не догонят ее. И они, как когда-то Большой чунг и Старая пома, боялись этого, но кровь подсказывала им, что это неизбежно должно случиться, и они ожидали этого дня печально и примиренно. Они жили долго, имели много сражений со многими хищниками, оставили большое потомство. И каких только чудес они не видели, чему только не научились! Видели они и страшные бури и страшный голод, и научились делать копалки и кремневые ножи, и добывать огонь, и печь плоды и мясо... Как никакое другое из животных, они узнали, что такое труд, — могут ли они испытать что-нибудь еще и научиться чему-нибудь новому?

Но им суждено было, прежде чем они умрут, увидеть еще одно чудо. Однажды группа заметила, что где-то впереди над деревьями поднимается белый дымок. Подумав, что там горит огонь, все двинулись в ту сторону: не появилась ли в их лесу другая группа чунгов и не сожжет ли она весь лес?

Медленно заковыляли туда и Смелый с Бурой. Они тоже ожидали увидеть огонь, но это был совсем не огонь, а просто вода, которая горела вовсе без пламени и только дымилась. Большой родник, а вся вода в нем кипела, дымясь, и вокруг не было ни травинки. Из родника вытекал узкий ручеек, а над этим ручейком тоже вились прозрачные струйки дыма, — наверное, и эта вода горела.

Действительно, такого чуда Смелый и Бурая еще не видывали.

Не видывали его и другие чунги, а потому все стояли у родника и разглядывали горящую воду. Они оторопели настолько, что те, у кого были в руках плоды, уронили их, и плоды покатились и булькнули в родник. Другие уронили свои копалки, а Молодая пома уронила кусок шкуры гри, который носила перекинутым через плечо и который нравился ей еще больше, чем обвитые вокруг шеи и туловища лианы. Маленькие чунги присели у края ручейка, а так как опыта у них еще не было и они не могли понять, что эта вода горячая, то протянули руки, чтобы потрогать ее. Но первый же, кто опустил в нее пальцы, пронзительно взвизгнул и отдернул руку. Вода обожгла его, как настоящий огонь.

Оторопев, удивляясь, даже испугавшись, чунги продолжали стоять вокруг родника и смотреть, как тихо клокочет и дымится вода, а жара от нее нет. Упавшие в нее плоды приобрели совсем другой цвет и легко кружились на ее поверхности. Они стали такими бледными, сморщенными...

Более смелые и любопытные из чунгов перешли к ручейку, так как вода горела и там, и наклонились над самым дымом. Но вот-то чудо! Этот дым ничем не пахнул, не щипал в горле и в глазах. Напротив, они ощутили на лице словно легкую, теплую дымку, а в горле не ощущалось ничего.

Изумленные, бесконечно заинтересованные, некоторые из них протянули руки к дымящейся воде. Протянули несмело, осторожно — им хотелось потрогать эту невиданную, интересную воду. Но, едва дотронувшись, они быстро, испуганно отдернули руки. Что это за вода, если она горит без всякого пламени и не сгорает?

Чунги пособразительнее достали длинные ветки и стали притягивать к себе кружащиеся по воде плоды. И как они вытаскивали плоды ветками из огня, так и тут начали вытаскивать из воды. Но это им не удавалось, пока один из близнецов не догадался поддеть плод двумя ветками и вытащить его, будто пальцами. Плод был горячий, словно печеный, и стал гораздо мягче и вкуснее. Значит, плоды можно печь не только в огне, но и в этой удивительной дымящейся воде!

Первые, кто догадался об этом, разбежались искать новые плоды, чтобы печь их в воде. Другие стали искать в окружающих кустах та-ма, а третьи просто швыряли в родник мелкие камешки и наслаждались их бульканьем. И вся группа оставалась у горячего родника много дней, пока не оборвала и не съела все плоды далеко вокруг, и здесь чунги впервые ели вареные плоды и вареное мясо. Вареная пища нравилась всем, но особенно она понравилась Смелому и Бурой, так как от старости зубы у них расшатались и выпадали один за другим.

И ЧУНГИ ПОСТРОИЛИ СЕБЕ ПЕРВУЮ ХИЖИНУ...

Дни продолжали идти, и в их нескончаемой череде непрерывно сменялись ясные утра и громоносные бури, пламенный зной и проливные дожди, унылый листопад и свежая зелень. То падал легкий снежок, одевая землю белым покровом, и тогда кри-ри переставали петь и улетали куда-то, то лес снова начинал зеленеть, и тогда кри-ри возвращались, и все кругом звенело их песнями.

Бродя без цели и направления по неисхоженному лесу, чунги вышли однажды на берег большой реки. Широки были ее песчаные берега, и не заслоняемое исполинскими деревьями белое светило изливало на ее медленно текущие воды потоки жарких золотых лучей, а вдоль берега белели кучками камни. Кто собрал и насыпал эти камни? Уже не было в живых никого из старых чунгов, чтобы вспомнить, что это было их делом при давнем бегстве с севера на юг. Смелый и Бурая тоже давно умерли, а новые бесшерстные чунги глядели на эти кучки камней удивленно и недоумевающе. Животные не могли этого сделать — это дело рук чунгов. Но что это были за чунги, если группа идет по этим местам в первый раз?

Безволосый сразу сообразил, что камни могут послужить им ночью для защиты от свирепых хищников, если те нападут на них. Поэтому, когда некоторые чунги стали разорять одну из куч и бессмысленно расшвыривать камни, он замахал руками и закричал:

— А-хай! А-хай!..

На первобытном языке чунгов это означало: «Нельзя разбрасывать эти камни!»

Чунги поняли его возглас, тоже закричали «а-хай, а-хай» и перестали их разбрасывать.

Безволосый уже тоже поседел и не был больше так силен и отважен, как когда-то. Он давно уже уступил место вожака группы двум молодым близнецам, но так как опыт у него был богаче и он был самым разумным, то все его слушались. Молодая пома тоже состарилась. У нее было шестеро детенышей, из которых трое погибли в битвах с хищниками, а остальные стали взрослыми. Но, хотя и постарев, она продолжала носить на плече кусок шкуры гри и даже перекинула через другое плечо другой кусок, большего размера. Чувство красоты у нее все еще было живым и свежим, и она носила шкуры не ради других, а потому, что так сама себе нравилась больше. А так как при нагибании куски шкуры соскальзывали и падали, то она затыкала их концы за лианы, которыми продолжала обматывать себе шею и туловище. Эта новая догадка дала ей бо́льшую свободу движений, и она могла держать крепче копалку или кремневый нож.

Давно уже все чунги и все помы украшали себя лианами и куска-

ми шкуры. Они сдирали ножами шкуры с убитых животных, а потом делили без мерки: кому сколько достанется, кто сколько может схватить. Но никто никому не завидовал, лишь бы иметь на плече кусок шкуры.

Один из близнецов направился к реке. Его пома догнала смельчака и ласково спросила:

— У-ха-ка-ва? У-ха-ка-ва?

Этим она хотела спросить его: «Куда идешь? Есть ли там, куда ты идешь, что-нибудь интересное или вкусное?»

— У-ха-ка-ва, у-ха-ка-ва, — ответил близнец, но другим тоном, означавшим: «Иду, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь интересного, потому что и я не знаю, что там найдется».

— А-ха-ку-бу? — снова спросила пома, идя с ним рядом и внимательно вглядываясь в береговой песок. Этим она хотела сказать: «А не опасно ли это? Смотри, на песке есть следы мо-ка...»

— А-ха-ку-бу, а-ха-ку-бу, — ответил близнец снова другим тоном и поднял острую копалку, которую держал в правой руке. «Нет никакой опасности,— хотел он сказать.— Как видишь, место здесь открытое, и никакой хищник не может напасть неожиданно. А если и нападет, то мы пробьем ему череп своими копалками, и он умрет. Да и другие чунги сразу же придут нам на помощь».

На отмелях реки и в лужах, образовавшихся после половодья, чунги нашли много хи-ки. Сначала они ловили их руками, но это было очень трудно. Но вот кому-то пришло в голову подстеречь хи-ки и пронзить его внезапным, точным ударом заостренной ветки, и тогда дело пошло лучше. Поэтому чунги оставались на берегу реки дольше, чем во всяком другом месте. Река давала им хи-ки в изобилии, а с деревьев на берегу свисали крупные плоды. Ночевка на широком открытом берегу предохраняла от внезапного нападения хищных зверей. Кроме того, тут было солнечно, а детеныши целыми днями бегали по песку, плескались в воде на отмели и визжали от удовольствия:

— Акх-ба-бу! Акх-ба-бу!

Ступни у маленьких чунгов были совсем плоские, а пальцы на них сжались так, что никто даже и не думал пользоваться ими для хватания. Да и как могло бы быть иначе? Даже Безволосый и Молодая пома, самые старшие в группе, уже почти не могли хватать что-нибудь пальцами ног, что же тогда оставалось самым младшим?

Чунги добыли огонь и начали печь плоды и хи-ки. Уже никто не носил плодов и хи-ки просто в руках, а только в скорлупах та-ма. Тогда им не нужно было все время возвращаться и переносить по две штуки, а можно перенести сразу много и ждать, пока они испекутся. Детеныши, по примеру взрослых, тоже хотели носить плоды и хи-ки в скорлупах та-ма и плакали, когда взрослые не давали им их.

По берегу были места с глинистым илом. Высохнув под жаркими лучами белого светила, ил покоробился и растрескался на кусочки. Многие из этих кусков были похожи на скорлупы та-ма, и один маленький чунг, играя с таким куском, придумал положить в него хи-ки. Радостно хлипая оттого, что теперь у него есть, в чем носить помногу хи-ки сразу, он кинулся с глиняной скорлупой к костру, споткнулся и упал в костер. Скорлупа полетела в огонь, а маленький чунг, облепленный горячими угольями, завизжал и заметался по земле.

Все чунги, находившиеся у костра, вскочили, закричали и кинулись к несчастному детенышу. Его мать, обезумев от страха за свое дитя, начала снимать с него уголья прямо пальцами, отчаянно визжа при этом. И действительно, она спасла своего детеныша, хотя тот остался сильно обожженным, но у нее самой пальцы обгорели. И обгорели так, что по концам у них показались кости. Через несколько дней, в течение которых она непрестанно выла от страшной боли, пальцы у нее загноились, начали пахнуть. Потом начали пахнуть все руки, и она умерла. Но до самой своей смерти она лежала около маленького детеныша, выла от боли и ласкала его. Ласкала и время от времени, видя, что ее детеныш жив, забывала свою боль и всхлипывала от великой материнской радости.

Встревоженные случившимся, занявшись несчастной матерью и сыном, чунги чуть не дали огню угаснуть. А когда вспомнили о том, что нужно подложить топлива, то вытащили глиняную скорлупу маленького чунга совсем обожженную. Она получила цвет неба на закате, когда погода очень ветреная, и чунги стали разглядывать ее с любопытством и удивлением. Удивлялись и ее цвету и форме, ибо они хорошо знали хрупкие камни такого цвета, но никогда еще не видели камня такой формы, камня-скорлупы.

Осторожно вытащив скорлупу веткой из гаснущего костра, чунги заметили в ней несколько прилипших хи-ки, совсем испекшихся. Они сразу догадались, как это случилось, и отныне стали печь хи-ки не прямо на огне, а в скорлупах та-ма. Брошенные прямо в огонь, хи-ки обугливались наполовину или даже больше, а в скорлупе они только пеклись и становились еще вкуснее.

Но если с глиняной скорлупой от огня ничего не делалось, то скорлупы та-ма перегорали и вскоре рассыпались белым порошком. Таким образом, через некоторое время у чунгов не осталось ни одной скорлупы та-ма, но это их мало тревожило. Они нашли на берегу другие места с глинистым илом, нашли и еще несколько таких же глиняных скорлуп, образовавшихся при высыхании нанесенного рекой песчано-глиняного слоя. Сначала чунги не догадывались обжигать их, но когда некоторые из них в воде растаяли и снова превратились в ил,

они сообразили, что обожженная глина в воде не изменяется, и стали впредь обжигать их.

Но обожженные глиняные скорлупы легко разбивались. Скорлупу та-ма можно было уронить, а она оставалась целой. Но если чунг ронял обожженную глиняную скорлупу и она падала на камень или на твердую землю, то сразу же разбивалась. Часто две скорлупы разбивались, только ударившись друг о друга. И чунги били их, несмотря на всю свою осторожность, а новых не находили.

Но вот однажды группа детенышей сделала что-то вроде скорлупы, нечаянно придав липкой глине такую форму, когда мяли ее. В сущности, это была совсем не скорлупа, а лишь ее самое грубое подобие. Но все же она была делом их рук, и они запрыгали и закричали от радости и удовольствия, а потом принялись делать другие такие скорлупы.

Для чунгов это было началом новой трудовой деятельности, и вскоре из-под их рук вышел самый первый и самый грубый сосуд: кривой, неопределенный по форме, совсем негладкий, с грубыми отпечатками пальцев. Но все же это был сосуд, которым можно было пользоваться.

Когда его положили в огонь и обожгли, он сохранил все подробности

своей неискусной выделки. Но это нисколько не омрачило ликования чунгов. Напротив, отпечатки пальцев на сосуде так понравились им, что позже они стали оставлять их на своих глиняных сосудах нарочно.

Однажды на рассвете пошел дождь. Он был не очень сильный, без грозы, но продолжался целый день. Вокруг не было пещер, да и чунгам не хотелось уходить от реки, дававшей им столько пищи, так что они стали искать убежища под густыми ветвями ближайших деревьев. У некоторых деревьев ветви начинались совсем низко над землей, а листья были широкие и такие густые, что дождь еще не прошел сквозь них. Но он все продолжался, сквозь листья стала просачиваться вода, и чунгам пришлось не спать всю ночь. Вместе с тем сквозь ветви начало продувать резким ветерком, и хорошо было только тем, у кого на плечах были куски шкур побольше. Эти куски согревали их и защищали спину от крупных холодных дождевых капель.

Чунги ожидали, что хоть на другой день дождь перестанет и в небе проглянет белое светило, чтобы высушить и согреть их. Но небо оставалось по-прежнему нависшим и хмурым, и потому они поняли, что оно все еще сердится и что дождь будет идти и в этот день. Безволосый поднял голову и стал разглядывать зеленую кровлю. Если бы ветви у этого дерева были еще погуще! Как... как ветки, наваленные ими когда-то на расселину в скале в своей старой пещере...

И вдруг, озаренный воспоминанием о том, что они сделали тогда, чтобы спастись от сильного холодного ветра и от грозного рева бури, он вскочил и закричал:

— А-хай-я! А-хай-я! А-хай-я!

Его возглас выражал какую-то важную догадку — это чунги поняли сразу же. Но что это была за догадка? Вскочили и оба близнеца, вскочили и другие чунги, и все глядели на него с величайшим любопытством и ожиданием.

— А-хай-я! А-хай-я!.. Ак-бу-бу! — махнул рукой Безволосый на сплетенные над головами у них ветки. Но так как догадка представляла собою довольно сложный мыслительный процесс, то он понял, что не сможет выразить ее иначе, чем действием. Он выскочил из-под дерева, где они укрывались от дождя, и стал обламывать густые ветки с других деревьев.

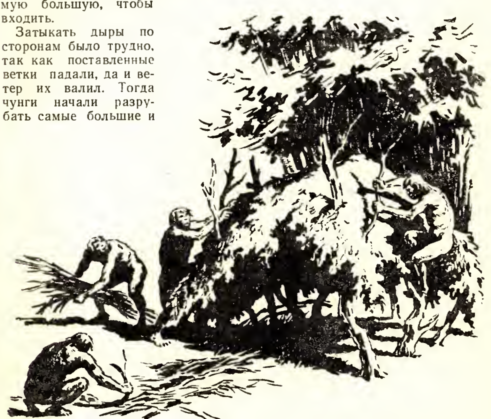
— Ак-бу-бу-бу! Ак-бу-бу-бу!..— повторял он, наваливая ветки на кровлю, под которой они прятались ночью, и размахивая руками, стараясь получше объяснить им, зачем делает это. Он то показывал рукой вниз и горбился, чтобы представить, как дождь капает сквозь ветки и как он ежится от капель, то издавал звук падающего дождя.

Но объяснять было больше не нужно. Чунги быстро поняли и принялись делать то же, что и он. Вскоре дружными усилиями они нава-

лили сверху толстый слой густых веток, и дождь перестал протекать. Хотя с боков свисали ветки, наброшенные неудачно, переплетенные и стиснутые другими ветками, они держались прочно и не падали. Таким образом, чунги сделали что-то вроде пещеры, в которой уже не текло.

Но между провисшими с кровли ветками образовалось много дыр, в которые продувало холодным, резким ветром. Безволосый и Молодая пома со своими тремя сыновьями и помами сыновей, два близнеца со своими помами и с детьми, двое из которых уже перерастали своих матерей, и еще трое чунгов со своими помами и детенышами — все они составляли группу Безволосого — заткнули эти дыры новыми ветками и оставили только самую большую, чтобы входить.

Затыкать дыры по сторонам было трудно, так как поставленные ветки падали, да и ветер их валил. Тогда чунги начали разрубать самые большие и

толстые ветки своими острыми каменными копалками. Но и тогда ветки не могли держаться прямо и падали, увлекая с собою другие.

Долго раздумывали чунги над тем, как прикрепить ветки, чтобы они не падали. Но в головы им не шло никакой счастливой догадки, и они начали приходить в отчаяние.

Молодая пома, у которой гирлянды порвались при спешной работе по устройству общего убежища в дождливую погоду, вышла, чтобы нарезать себе поблизости свежих лиан и сделать новые ожерелья. Близнецы заметили это и оба сразу заревели во все горло. По собственному опыту они знали, как прочны лианы и как крепко бывают ими оплетены кусты и даже целые огромные деревья.

Догадавшись, что можно оплести ими и ветки, которые они до сих пор тщетно старались закрепить в стоячем положении, они кинулись резать длинные побеги своими кремневыми ножами. По их примеру другие чунги тоже начали связывать лианами одну ветку с другой. Таким образом, они закрыли все дыры, и внутри стало уютно: ни сверху не капало, ни с боков не продувало.

Так чунги построили свою первую хижину — и это была первая хижина на земле.

ЭПИЛОГ

Давно уже взошла заря, и небесная синева сияет, чистая и ясная, как атлас. Взошло белое светило над всем тысячелетним лесом, взошло и над первым поселением чунгов. Первобытные хижины их, устроенные из лиственных ветвей, грубо связанных лианами, столпились на широком речном побережье. Перед хижинами горит слабый костер, а одна пома время от времени подкладывает в него ветки, чтобы он не погас. На плечах и вокруг стана у нее привязаны лианами, чтобы не падали, куски шкуры.

В уголья костра всунуты два сосуда и еще один, в которых варятся хи-ки и куски мяса мо-ка. Эти сосуды совсем не похожи на первые, грубые и раскосые скорлупы, о которых чунги даже не помнят, когда их делали. Они глубокие, гладкие внутри и снаружи, а по стенкам видны полосы, сделанные пальцами чунгов. Мастерски сделаны эти сосуды, ничего не скажешь! Трудовая деятельность чунгов, начавшись с тех пор, когда Большой чунг и Старая пома впервые стали копать землю острым камнем, придала их рукам такую ловкость, что теперь это уже настоящие руки.

Но дело не только в руках — дело и в уме. Труд сделал их такими сообразительными, такими понятливыми! Они уже легко делают себе

кремневые ножи, каменные копалки. Строят себе хижины, чтобы укрыться от дождя и ветра, ходят на охоту... Да, чунги живут уже не как стая, а как трудовое общество — это уже не просто чунги, а трудящиеся чунги!

В поселке остались только помы, детеныши и глубокие старики, а взрослые чунги ушли на охоту в лес. У одной хижины сидит пома с грудным младенцем на руках. Она прижимает своего крохотного детеныша к груди, дотрагивается губами до его волосиков и ласково, нежно повторяет:

— Маа-ам, маа-ам, маа-ам!

Маленький чунг перестает сосать, поднимает головку и глядит круглыми глазками: что говорит ему это существо, которое ласкает его и кормит таким сладким молоком? Он смотрит, как пома шевелит губами, и начинает причмокивать, как она:

— Ма-мма! Ма-мма! Ма-мма!

Других пом у хижин и вокруг костра нет. Все они сейчас ловят хи-ки в реке. Подстерегают, пронзают прямыми, очень острыми палками и кладут в сосуды, а около них по широкому песчаному берегу бегают маленькие чунги с бесшерстными тельцами и ляжками и визжат взапуски:

— Ак-кха-ха! Ак-кха-ха! Ак-кха-ха!

— Куа-кха! Куа-кха! — покрикивают им помы, бродя по отмелям и лужам. «Смотрите, не упадите и не ушибитесь!—предупреждают они маленьких шалунов.— Смотрите, не упадите в глубокую воду!»

Лениво текут зеленые воды большой реки, а легкие кудрявые волны постоянно пробегают у берега и утихают, поглощенные мелким песком. Противоположный берег далеко. Он выше и весь потонул в густой зелени. Он оплетен корнями, а под ним, наверное, есть много глубоких омутов. Сейчас и на том берегу совсем солнечно; медленно текущая около него вода стала совсем зеленой, а в глубине ее отражаются огромные деревья. Поистине, никакое животное не может переплыть эти широкие, глубокие воды, а только кри-ри мог бы перелететь на другой берег...

Некоторые из пом проголодались и вернулись к костру. Глаза у хи-ки, лежащих в сосудах, давно уже побелели, да и мясо стало мягким, и помы вытаскивают сосуды из огня. Они высыпают их содержимое на землю около себя и ждут, чтобы хи-ки и мясо остыли. Потом пробуют их пальцами, но их стряпня еще очень горяча, и они только обжигаются.

— Ой, ой, ой! — вскрикивают они, подпрыгивая и дуя себе на пальцы.

К костру подковылял очень старый чунг. Он весь поседел, даже глаза у него побелели, как у хи-ки, и он едва волочит ноги. Голова у не-

го трясется, из беззубого рта постоянно течет слюна. И никто не узнал бы в этом трясущемся, дряхлом чунге Безволосого, некогда сильного, смелого, статного вожака группы. Он и сам не знает, кто он, уже ничего не помнит и не понимает, а только скулит, когда проголодается. Он уже позабыл, что Молодая пома давно умерла, а его трое сыновей и многие другие чунги отделились от его группы, образовав новую, и теперь никто не знает, где они и что с ними сталось.

Безволосый и сейчас заскулил, так как проголодался и хотел, чтобы ему дали поесть. Помы бросили ему кусок мяса, но он не взял его в руки, а грызет прямо ртом, там, где кусок упал. Помы смотрят, как он ест, словно животное, и грубо, презрительно покрикивают на него:

— Ук-ба-бу-у! Ук-ба-бу-у! — и показывают ему язык.

Подполз к костру и старый ла-и с уже облезшей шкурой. Он ничего не видит, слышит совсем слабо и едва улавливает запах вареных хи-ки и мяса. Другие трое и еще двое ла-и, что-то вроде правнуков первых ла-и, выкормленных Молодой помой, ушли на охоту со взрослыми чунгами. Помы бросают кусок мяса с костями и ему. Он находит кусок по запаху, ложится, прихватывает его лапами и начинает потихоньку грызть.

* * *

К концу дня белое светило опустилось низко над противоположным берегом, а исполинские деревья отбросили в реку длинные тени. Теперь все помы и все детеныши собрались вокруг костра перед хижинами. Одни помы кормят своих младенцев, другие почесываются, третьи подкладывают в костер топливо и поворачивают хи-ки, чтобы те испеклись хорошенько с обеих сторон, четвертые тащат из леса хворост для костра. Маленькие чунги вертятся около своих матерей, стараясь увидеть и повторить все, что делают помы. Этим они мешают помам, те сердятся, и одна даже отшлепала своего сорванца. Шалун заревел, но вскоре заигрался и перестал плакать.

Одна пома нашла толстый сухой сук с выпавшим у одного конца сучком и разглядывает дырку, как что-то очень интересное. В дырку ей видны пальцы другой ее руки. Она махнула рукой и увидела в дырку спину своего детеныша, играющего около нее. Потом увидела лица и спины других детенышей и пом, и от всего этого ей стало весело, и она хихикает от удовольствия. Пома старается просунуть в дырку руку, сжимает пальцы, сует их внутрь, но дырка от выпавшего сучка тесная, она начинает сердиться и отбрасывает ветку. Потом вдруг, догадавшись о чем-то, снова хватает ветку и всовывает в дырку тонкую палку, которой убивала в воде хи-ки. Это ей удается легко, и она очень довольна. Потом она пытается сделать то же и со своей кремневой копалкой, но может просунуть ее с острого конца только до по-

ловины. Копалка застряла в дырке, и теперь она не может ее вытащить. Рассердившись, она хватает сук обеими руками и начинает ударять копалкой оземь, как при выкапывании корневищ и луковиц, только тупым ее концом. И то, что она теперь держит в руках, перестало быть копалкой, а превратилось в мотыгу. Но она еще не имеет представления о мотыге и не понимает, для чего может послужить такая копалка на рукоятке.

Пома рассердилась и начинает скулить от гнева. Но при ударах оземь копалка вбилась в дырку еще крепче, и теперь ее совсем нельзя вытащить. Вокруг помы собираются маленькие чунги, собираются и помы, и все кричат и визжат: пома вбила свою копалку в дырку от выпавшего сучка, и теперь копалку нельзя вытащить! Необычайное событие! Событие, какого в жизни чунгов еще не бывало!

В этот момент белое светило коснулось вершин леса на другом берегу. Одна из пом увидела, что оно заходит, и громко вскрикивает:

— Бу-ха-ва! Бу-ха-ва!

— Бу-ха-ва, бу-ха-ва! — закричали и другие помы, словно хотели сказать: «Светило заходит, светило заходит! Скоро его не будет совсем, а еще немного — и станет темно, везде темно!»

Тотчас же все вскакивают с земли, поднимают руки кверху и начинают вертеться вокруг костра, подпрыгивая и ритмически напевая

— А-ла-ла-а, а-ла-ла-а, а-ла-ла-а!

Этими возгласами и напевом они молят белое светило взойти снова и на другой день: «Приди завтра к нам, могучее белое светило! Взойди и завтра над лесом, над рекой, над деревьями, над нашими первыми хижинами, над нашим первым костром! В этот вечер мы опять оставим тебе самый вкусный кусок мяса и половину самого большого хи-ки, чтобы завтра, когда ты взойдешь, тебе было что поесть. Взойди, взойди опять над нами, могучее белое светило!»

И пока все прыгают и вертятся вокруг костра, размахивая руками и припевая в такт, одна старая пома быстро разрезает кремневым ножом большого хи-ки пополам. Потом хватает одну половину, хватает и большой кусок мяса, и бежит к ближнему дереву. Она быстро лезет на дерево и оставляет половину хи-ки и мясо в его ветвях и спускается. Но пока она возвращается к остальным помам у костра, в ветвях этого дерева послышалось довольное карканье. Два больших кри-ри, привыкнув каждый вечер находить в ветвях этого дерева мясо, прилетели и угощаются, каркая от удовольствия.

Конечно, чунги не знают, что мясо, оставленное для белого светила, съедают кри-ри. Они слышат где-то в густых ветвях карканье, но такое карканье слышится постоянно и отовсюду.

Прежде чем белое светило зашло совсем, прежде чем помы и детеныши прекратили свою молитвенную пляску, из леса позади хижин

доносится тявканье. «Гав, гав, гав!» — несется из леса, и все помы и маленькие чунги поднимают радостный крик.

Вслед за тявканьем слышится и ритмический, мелодичный напев многих голосов. «Хан-ка-хаа, хан-ка-хаа, хан-ка-хаа!» — несется песня чунгов-охотников, их первая песня, которая отмечает ритм их шагов и говорит о богатой, удачной охоте.

Впереди всех из леса выскакивают ла-и и бегут к хижинам, радостно виляя хвостами. Вслед за ними появляются охотники под предводительством двоих близнецов. Они дружно несут убитых мо-ка и теп-тепа. Они идут в такт и продолжают подпевать себе, а помы и маленькие чунги бегут навстречу им и радостно кричат:

— А-ян-кхаа! А-ян-кхаа!

Они окружают охотников, продолжая кричать и прыгать, и все вместе идут к костру посреди селения. Помы сразу принимаются обдирать мо-ка и теп-тепа своими кремневыми ножами, а чунги-охотники идут к реке напиться. Они останавливаются на своем берегу и устремляют взгляд на противоположный. Давно уже привлекает их этот берег, очень давно. Может быть, там охота богаче, плоды вкуснее... Но как перебраться через реку, если она такая широкая и глубокая? Нужно было бы иметь крылья, как у кри-ри...

Но нет! Хотя у них нет крыльев кри-ри, но они переправятся, они вступят на тот берег, придумают способ для этого. Ибо они уже **люди**, первые люди на земле, и возможностям их нет предела...

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге, с указанием возраста и профессии читателя, присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия», редакция художественной литературы.

Перевод с болгарского

З. А. БОБЫРЬ

Димитр Ангелов

КОГДА ЧЕЛОВЕКА НЕ БЫЛО

Редактор Ю. С. Новиков. Худож. редактор В. В. Щукина.
Технический редактор А. М. Пономарева

*

Сдано в набор 7/VII 1958 г. Подписано к печати 2/II 1959 г. Формат бумаги 70×92/16. Физ. печ. л. 16. Усл. печ. л. 18,939. Уч.-изд. л. 17,502. Изд. индекс ДЛ-39. А 02153. Тираж 165 000. Заказ № 738. Цена 7 р. 40 к.

*

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

*

Полиграфический комбинат Ярославского Совета народного хозяйства, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

